

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

2
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences)

5.5.4. International relations (political sciences)

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.2. World history (historical sciences)

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research (historical sciences)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: mixandreev@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политология:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: mixandreev@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, PhD (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D, University Paris VIII, Paris, France

D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shtetzel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

Andreev M.A., Cand. of Sci (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация;

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*);

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*);
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация;
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Методология истории, источники, историография

- Наталья В. Иллерицкая*
«История повседневности» в контексте
современной историографии 12
- Ольга С. Поршневa*
Гендерный фактор политической мобилизации в России
в условиях Первой мировой войны: методология и историография 21
- Павел Н. Лебедев*
«Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников»
как источник по истории раннего христианства 32
- Иван А. Кулаков*
Преступления против детей и подростков
на оккупированных территориях РСФСР в годы
Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.):
обзор отечественной историографии 48

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Шахноза Р. Негматова*
Региональные аспекты развития Центрально-Азиатского региона 56
- Марина В. Куцеева*
Наполеон Бонапарт и Генрих де Гиз: конструирование образа власти
в эпоху Первой империи во Франции 65

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

- Джавахар В. Бхагват*
Политика развития Морского шелкового пути:
возможности для России (на примере Северного морского пути) 75
- Вадим В. Никонов*
К вопросу об антицерковных процессах Московского
революционного трибунала 1918–1920-х гг.
(дело священника Михаила Сахарова) 90

Михаил А. Андреев

Изменения в деятельности симфонических оркестров РСФСР в 1948 г. в связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели»	99
---	----

Ирина А. Гузельбаева

Национальные движения в общественно-политической жизни Татарстана периода перестройки	109
--	-----

Регина Савосткина

Жилищно-бытовая организация пролетариата в условиях форсированной модернизации: вызовы и воплощение (на материалах Москвы)	122
--	-----

Книжная полка

Кирилл А. Соловьев

Старые аксиомы и новые теоремы российской истории: О новой книге М.А. Давыдова «Теорема Столыпина» (СПб.: Алетейя, 2022. 838 с.)	134
--	-----

CONTENTS

Methodology of History, Sources, Historiography

- Nataliya V. Illeritskaya*
“History of everyday life” in the context of modern historiography 12
- Ol'ga S. Porshneva*
Gender factor of political mobilization in Russia during
the First World War. Methodology and historiography 21
- Pavel N. Lebedev*
“Passio Perpetuae et Felicitatis” as a historical source
on the history of early Christianity 32
- Ivan A. Kulakov*
Crimes against children and adolescents in the occupied territories
of the RSFSR during the Great Patriotic War (1941–1944).
A review of Russian historiography 48

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

---

- Shakhnoza R. Negmatova*
Regional aspects of the development of the Central Asian region 56
- Marina V. Kushcheva*
Napoleon Bonaparte and Henry de Guise.
Constructing an image of the power in the age of the First Empire 65

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

- Jawahar V. Bhagwat*
State policy for the development of the Maritime Silk Road.
Opportunities for Russia (example of the Northern Sea Route) 75
- Vadim V. Nikonov*
On the issue of the anti-church trials of the Moscow Revolutionary
Tribunal of the 1918–1920s (the case of priest Mikhail Sakharov) 90

Mikhail A. Andreev

- Changes in the activities of symphony orchestras of the RSFSR
in 1948 in connection with the resolution of the Politburo
of the Central Committee of the CPSU(b) “On the opera
‘Great Friendship’ by V. Muradeli” 99

Irina A. Guzel'baeva

- National movements in the social and political life
of Tatarstan during the period of Perestroika 109

Regina Savostkina

- Housing and welfare organization of the proletariat
in the conditions of forced modernization.
Challenges and implementation (on the materials of Moscow) 122

Bookshelf

Kirill A. Solov'ev

- Old axioms and new theorems of Russian history.
On the new book by M.A. Davydov “Teorema Stolypina”
(SPb.: Aleteiya, 2022. 838 p.) 134

Методология истории, источники, историография

УДК 308+930.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-12-20

«История повседневности» в контексте современной историографии

Наталья В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится анализ нового направления исторической науки, получившего название «история повседневности». При этом разграничивается понимание «повседневной жизни» историками, этнографами и социологами. Это высвечивает сложную природу повседневности. Методологически история повседневности тесно связана с традиционной событийной историей. Для исследователя повседневной жизни важны жизненные проблемы, их осмысление и отражение в сознании людей. История повседневности нацелена на изучение переходных этапов общественного развития, периодов повышенной социально-политической напряженности. Предметом анализа являются формы и способы выживания людей во время войн, революций, эпидемий, голода и разрухи. Так была сконструирована «история снизу», которая в качестве своего предмета видела человека в повседневных заботах с его чувствами и переживаниями. Труды по истории повседневности охватывают небольшие отрезки времени и тяготеют к регионализации. Изучение тактики и стратегии повседневного существования рядового человека в социуме при обращении к эгоисточникам может быть оформлено в общую картину повседневных практик индивида. Представленная объяснительная модель повседневных практик как «истории маленького человека» есть пространство приспособлений и адаптации и свидетельствует о новом уровне творческого осмысления российской исторической наукой современных интеллектуальных технологий.

Ключевые слова: история повседневности, теоретико-методологический подход, макроистория, микроистория, современная российская историография

Для цитирования: Иллерицкая Н.В. «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2022. № 2. С. 12–20. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-12-20

© Иллерицкая Н.В., 2022

“History of everyday life” in the context of modern historiography

Nataliya V. Illeritskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Abstract. The article analyzes a new direction of historical science, called “the history of everyday life”. At the same time, a distinction is made among the understanding of “everyday life” by historians, ethnographers and sociologists. It highlights the complex nature of everyday life. Methodologically, the history of everyday life is closely connected with the traditional history of events. For a researcher of everyday life, vital issues, their comprehension and reflection in the minds of people are important. The history of everyday life is aimed at studying the transitional stages of social development, periods of increased socio-political tension. The subject of analysis is the forms and methods of people’s survival during wars, revolutions, epidemics, famine and devastation. Thus “history from below” was constructed, which as its subject saw the individual in his everyday concerns with his feelings and experiences. Works on the history of everyday life cover small periods of time and tend to regionalization. The study of the tactics and strategies for the everyday existence of an ordinary person in society, when referring to ego sources, can be framed into a general picture of the individual’s daily practices. The presented explanatory model of everyday practices as a “story of a little man” is a space of adjustments and adaptation and testifies to a new level of creative understanding of modern intellectual technologies by Russian historical science.

Keywords: history of everyday life, theoretical and methodological approach, macrohistory, microhistory, contemporary Russian historiography

For citation: Illeritskaya, N.V. (2022), “ ‘History of everyday life’ in the context of modern historiography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 12–20, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-12-20

Введение.

Определение содержания понятия «история повседневности»

История как наука о прошлой социальной реальности предполагает творческий подход исследователей к осмыслению исторических событий и явлений. Цель исторических изысканий – приращение научного знания. Поэтому практика историописания постоянно тре-

бует от историков не только открывать новые источники информации, но разрабатывать и осваивать новые интеллектуальные технологии.

В историографии конца XX в. начал доминировать историко-антропологический подход, который включал в свое исследовательское пространство условия жизни человека, его переживания и идеалы [Пушкарева, Любичанковский 2014, с. 7]. Так оформилось новационное направление, получившее название «история повседневности».

Следует отметить, что категорию «история повседневности» в своих трудах одновременно применяли и этнографы, и социологи, и историки, но содержание этой категории они трактовали по-разному. История повседневности действительно призвана изучать обыденный мир людей в различных контекстах – историческом, политическом, экономическом и культурном, причем так, как сами люди понимают свое бытование. При этом этнографы концентрируются «на изучении бытовой культуры народов» [Олабарри 2004, с. 176–196]; социологи определяют обыденную жизнь как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве целого мира» [Бергер, Лукман 1995, с. 38]. Историки же изучают не просто быт, но повседневное сознание и поведение людей как сочетание труда и познания, воспитания и привычек. Эти различные смыслополагания выявляют сложную природу повседневности, которая для каждого конкретного человека представляет собою пространство, «в котором этот человек живет и взаимодействует с себе подобными» [Пушкарева, Любичанковский 2014, с. 10].

Другая интерпретация истории повседневности была сформулирована представителями немецкой исторической школы, и ее можно охарактеризовать «как микроисторию обычных и незаметных индивидов» [Людтке 1999, с. 121]. Профессор А. Людтке был одним из основоположников такого подхода и известен в России своими теоретическими статьями на тему «что такое история повседневности». В его версии эта история понимается не как изучение быта, а как человеческий опыт еще живущих людей, помнящих о каких-то событиях и тем самым формирующих новый исторический опыт. Это привело к интерпретации «истории повседневности» как малых жизненных миров. Таким образом,

...центральным в анализе повседневности становятся жизненные проблемы тех, кто остается в истории безымянными. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего [Людтке 1999, с. 77].

Такой подход дает возможность историку проследить, как на фундаменте одной обыденности возникает новая повседневность. Поэтому спецификой истории повседневности в Германии стала тематическая концентрация исследований на опыте переосмысления истории XX в. [Дубина 2010, с. 207–208].

Со временем оба понимания истории повседневной жизни сблизились за счет обращения к переходным этапам общественного развития, к периодам повышенной социально-политической напряженности:

Предметом их анализа стали формы и способы выживания людей в экстремальных условиях во время войн, эпидемий, революционных преобразований, борьба с голодом и разрухой, где человек выступает жертвой внешних обстоятельств, под воздействием которых меняется его поведение... восприятие глобальных исторических процессов [Рыкун, Карапетян 2016, с. 141].

Так была сконструирована «история снизу», или «история изнутри», которая в качестве своего предмета видела человека в будничных заботах с его чувствами и переживаниями [Рыкун, Карапетян 2016, с. 141]. В число знаковых проблем такой конфигурации истории входила разработка теоретических оснований повседневности, а также решение практических исторических задач прошлого в методологии повседневности [Рыкун, Карапетян 2016, с. 141].

Российская версия «истории повседневности»

Российские историки примерно к середине 2010-х гг. постарались выработать свою версию истории повседневности в контексте новой для них парадигмы. В ходе оживленных научных дискуссий они старались осмыслить и сформулировать собственное понимание содержания категории повседневного. Именно историки уловили, что методологически история повседневности тесно связана с событийной историей и имеет выраженное прогностическое измерение. Здесь главную роль играет осмысление людьми своих жизненных проблем, их ценностные ориентиры, их мотивации [Рыкун, Карапетян 2016, с. 141]. Поэтому труды по истории повседневности локальны по характеру и явно тяготеют к регионализации [Долбиллов, Сталюнас 2006, с. 359–365].

В результате российские историки представили свой формат содержания истории повседневности. Эта конструкция включала такие компоненты, как: 1) событийную область публичной повсе-

дневной жизни; 2) частные события, т. е. приспособление людей к внешнему миру; 3) обстоятельства личной домашней жизни; 4) эмоциональную сторону событий, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и локальными группами; 5) праздничное в обыденной жизни, если оно разыгрывается по одному и тому же повторяющемуся сценарию [Пушкарева, Любичановский 2014, с. 9].

Методологический потенциал «истории повседневности»

В самом начале в России история повседневности рассматривалась как метод, но в настоящее время ее представители считают историю повседневности междисциплинарным направлением в современной исторической науке, которое позволяет ближе всего подойти к историческим акторам, что делает историю «живой». В рамках этих проблем конструируется представление о жизни целого общества и отдельных индивидов.

Для анализа повседневности необходима особая методология и особенная интерпретация источника, которая позволит историку понять и объяснить мотивацию действующих лиц истории. Для этого исследователь вступает в диалог с источником, что дает ему возможность, применяя методологические заимствования из арсенала психологии и социологии, в технике «устной истории» сконструировать новый, так называемый вторичный источник.

Основным требованием, которое актуально для всех исследователей истории повседневности, является наличие в их распоряжении источников личного происхождения – писем, дневников, воспоминаний. Интерпретация чужих мыслей и переживаний требует от историков виртуозного владения методами вживания и вчувствования, особенно если историк имеет дело с уже известным эмпирическим материалом.

Исследовательские практики российских историков

В этом контексте выделяется проблема, характерная для российской версии истории повседневности, обращенной к исследованию типичного именно для отечественной историографии макрообъекта – сословной структуры. Поэтому особое внимание в пространстве современной историографии привлекают к себе

историографические источники, авторы которых последовательно позиционируют себя сторонниками теории повседневных практик. Именно к таким трудам относится работа профессора Самарского национального исследовательского университета З.М. Кобозевой [Кобозева 2021, с. 32–38], в которой анализируется «история повседневности» в методологии «повседневных практик» на примере изучения истории мещанского сословия.

Автор подчеркивает, что она относит себя к тем историкам, которые исповедуют принцип «истории снизу» и по теоретическим, и по этическим соображениям, поскольку убеждена, что «маленький человек» и есть истинный творец истории. Поэтому в качестве объекта исследования З.М. Кобозева определила мещанское сословие городов Российской империи в пространстве повседневной жизни и попыталась ответить на главный вопрос: как его следует изучать? Мещане являлись «молчаливым» сословием, но во второй половине XIX – начале XX в. их повседневная жизнь, как утверждает автор,

...продолжала проходить в рамках тех прав и обязанностей, которые обуславливали в России принадлежность к сословию. Именно поэтому выявление повседневных практик сословного существования на их примере представляет несомненный научный интерес [Кобозева 2021, с. 37].

Новизна подобного исследования определяется тем, что в качестве эгодокументов З.М. Кобозева предлагает привлечь делопроизводственные источники – письма во власть. Автор справедливо задает важнейший аналитический вопрос: какой же метод сделает возможным отследить этот диалог человека с властью? И приходит к пониманию, что достигнуть адекватного исследовательского результата реально только в методологии «повседневных практик», понимая под словом «практика» поведение, «посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни (выживания)» [Людтке 2010, с. 58; Кобозева 2021, с. 34].

З.М. Кобозева подчеркивает, что мещане обращались к власти по разным обстоятельствам своей жизни, но эти документы были эмоционально окрашены, поэтому каждое из их посланий в городскую думу или мещанскую управу заключает в себе частное событие, которое, невзирая на сословные рамки, переживается индивидуально [Кобозева 2021, с. 34]. Это превращает делопроизводственные источники в эгодокументы, для анализа которых, по мнению автора, необходимо синтезировать системно-структурный, социокультурный и психологический методы исследования для изучения мещанской жизни провинциального российского города.

Исследовательский путь, предложенный З.М. Кобозевой, сам по себе проблематичен для современной историографии, ведущей перманентную дискуссию о взаимодействии макро- и микроподходов. Ряд специалистов по теории истории принципиально отрицают возможность соединения макро- и микроанализа, поскольку эти два подхода, по их мнению, несводимы один к другому и сконструировать из них конвенциональную модель не представляется возможным [Савельева, Полетаев 2003, с. 659–665]. З.М. Кобозева не согласна с таким выводом и аргументирует это достаточно убедительно. Она подчеркивает, что исследовательская практика показывает, что сословная «рамка» предопределяла общие для сословия формы текстов писем во власть, но реальная жизнь расцветчивала их всем многообразием реальных житейских ситуаций. При этом макроподход, по мнению автора,

...позволяет очертить вызовы, предъявляемые человеку его местом в социальной структуре. Микроподход выявляет индивидуальное переживание ситуации, обусловленной социальным статусом человека [Кобозева 2021, с. 346].

Таким образом, утверждает автор, объединить эти два подхода возможно, поскольку в связке они позволяют выйти на целостное понимание категории повседневной практики.

З.М. Кобозева приходит к обоснованному, на мой взгляд, выводу, что история повседневности запечатлевает «уходящую натуру» времени, и люди выхватываются исследователем из их рутинного, обыденного существования.

Повседневность всегда прислушивается к событийной истории и реагирует на вызовы внешнего мира. Поэтому повседневность – это такое же пространство истории, только суженное от рассвета до заката, от рождения до смерти [Кобозева 2021, с. 35–36].

Заключение

Очевидно, что исследование истории повседневности – задача трудная и до сих пор реализовать ее удавалось немногим. Труд З.М. Кобозевой является позитивным исключением. Автор грамотно продемонстрировала теоретико-методологические возможности работы с позиции «истории повседневности» с таким сложным и типичным для отечественной историографии макрообъектом, как сословная структура. З.М. Кобозева доказала, что изучение тактики и стратегии повседневного существования рядового человека в со-

циуме, даже при обращении к таким скупым эгоистичникам, как делопроизводственные, может быть оформлено в общую картину повседневных практик индивида. Представленная объяснительная модель конструирования повседневных практик как «истории маленького человека» есть пространство вызовов и ответов, приспособлений и адаптации. Освоение российскими историками истории повседневности именно в таком ключе свидетельствует о том, что российская историческая наука вышла на новый уровень творческого осмысления современных интеллектуальных технологий.

Литература

- Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд, 1995. 322 с.
- Долбилов, Сталюнас 2006 – *Долбилов М., Сталюнас Д.* Слова, люди и имперские контексты: дискуссия продолжается // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 359–365.
- Дубина 2010 – *Дубина В.С.* «История повседневности» в плюрализме культурных поворотов. Российский и немецкий опыт // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 32. С. 203–211.
- Кобозева 2021 – *Кобозева З.М.* «Повседневные практики» в «истории повседневности»: как работает метод // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27. № 1. С. 32–38.
- Людтке 1999 – *Людтке А.* Что такое история повседневности?: ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история: ежегодник: 1998/99*. М., 1999. С. 77–100.
- Людтке 2010 – *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
- Олабарри 2004 – *Олабарри И.* «Новая» новая история: структура большой длительности // *Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*. Вып. 2. Константа. 2004. С. 176–196.
- Пушкарева, Любичанковский 2014 – *Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.* Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
- Рыкун, Карапетян 2016 – *Рыкун Г.Н., Карапетян Э.В.* Формирование теоретико-методологических основ истории повседневности и жизнеобеспечения общества в исторической науке // *Гуманитарные и юридические исследования*. Вып. 4. 2016. С. 139–143.
- Савельева, Полетаев 2003 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого: теория и история. СПб.: Наука, 2003. 632 с.

References

- Berger, P. and Lukman, T. (1995), *Sozialnoe konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge], Moskovskii filosofskii fond, Moscow, Russia.
- Dolbilov, M. and Staliunas, D. (2006), “Words, people and imperial contexts. The discussion continues”, *Ab Imperio*, no. 1, pp. 356–365.
- Dubina, V.S. (2010), “‘History of everyday life’ in the pluralism of cultural turns. Russian and German experience”, *Dialogue with time*, iss. 32. P. 203–211.
- Kobozeva, Z.M. (2021), “‘Daily practices’ and ‘history of everyday life’. How the method works” // *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*, vol. 27, no. 1, pp. 32–38.
- Lüdtke, A. (1999), “What is the history of everyday life? Its achievements and prospects in Germany”, *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik: 1998/99*, Moscow, Russia, pp. 77–100.
- Lüdtke, A. (2010), *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [The history of everyday life in Germany. New approaches to the study of work, war and power], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Olabarri, I. (2004), “‘New’ new history. The structure of long duration”, *Oikumena: Al'manakh sravnitel'nykh issledovaniy politicheskikh institutov, sotsial'no-ekonomicheskikh sistem i tsivilizatsii* [Oikumena. Almanac of comparative studies of political institutions, socio-economic systems and civilizations, iss. 2. Constant], pp. 176–196.
- Pushkareva, N.L. and Lyubichankovsky, S.V. (2014), “‘Everyday life history’ in modern historical research. From school of the annals to the Russian philosophical school”, *Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 4, no. 1, pp. 7–21.
- Rykun, G.N. and Karapetyan, E.V. (2016), “Formation of theoretical and methodological foundations of the history of everyday life and livelihoods of the society in historical science”, *Humanities and law research*, iss. 4, pp. 139–143.
- Savel'eva, I.M. and Poletaev, A.V. (2003), *Znanie o proshlom: V 2 t. T. 1: Konstruirovaniye proshlogo: teoriya i istoriya* [Knowledge about the past. In 2 vols., vol. 1], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Наталья В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Information about the author

Nataliya V. Illeritskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография

Ольга С. Поршнева

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия,
o.s.porshneva@urfu.ru*

Аннотация. Популярность гендерного подхода в современной историографии ознаменовалась разработкой ряда сюжетов, характеризующих значение гендерного фактора в условиях войн нового и новейшего времени. В статье анализируются методологические основания и историографические практики осмысления роли Первой мировой войны в трансформации гендерного порядка в России. Показано, что методология исследования проблемы носит междисциплинарный характер, включает подходы и инструментарий гендерных историко-антропологических исследований, гендерной политологии и лингвистики, теорий пропаганды и массовой коммуникации. Выделены достижения в изучении проблемы «женщина и война», повседневной жизни и деятельности женщин на фронте и в тылу, значение Первой мировой войны в трансформации социальной роли женщины в российском обществе. Показаны результаты исследования гендерных аспектов военной пропаганды, восприятия событий и поведенческих практик комбатантов и некомпатантов. Подчеркнута сохраняющаяся актуальность исследования механизмов информационного воздействия на массовое сознание в условиях войны, специфики его гендерного восприятия, способов мужского и женского вовлечения в информационную и политическую коммуникацию. Обозначена важность создания комплексного труда, посвященного изучению гендерных аспектов политической мобилизации в России, рассматриваемых в сравнительном ключе, сравнении с аналогичными процессами, происходившими в других странах-участницах конфликта.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, методология, историография, гендер, политическая мобилизация

Для цитирования: Поршнева О.С. Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 21–31. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-21-31

© Поршнева О.С., 2022

Gender factor of political mobilization in Russia during the First World War. Methodology and historiography

Ol'ga S. Porshneva

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
o.s.porshneva@urfu.ru*

Abstract. Gender approach popularity in modern historiography is marked by the development of a range of ideas that characterize the importance of the gender factor under the conditions of the new and modern time wars. The article analyzes the methodological foundations and historiographic practices of understanding the role of the First World War in the transformation of the gender order in Russia. It is shown that the methodology for studying the issue is interdisciplinary in nature and includes approaches and tools of the historical-anthropological gender research, gender political science and linguistics, theories of propaganda and mass communication. The author highlights achievements in the study of the “woman and war” issue, women’s daily life and activities at the front and in the rear, the significance of the First World War in the transformation of the social role of women in Russia. The article describes the results of the study in gender aspects of military propaganda, perception of events and behavioral practices of combatants and non-combatants. The author emphasizes the continuing relevance of studying the mechanisms and specifics of gender perception of propaganda, ways of male and female involvement in the information and political communication. The article notes the importance of creating a complex study of the gender factor for political mobilization in Russia, considered in a comparative way, compared with similar processes that took place in other countries participating in the conflict.

Keywords: First World War, Russia, methodology, historiography, gender, political mobilization

For citation: Porshneva, O.S. (2022), “Gender factor of political mobilization in Russia during the First World War. Methodology and historiography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 21–31, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-21-31

Методология исследования

Значимость исследования гендерных факторов социальных и политических процессов, происходивших в условиях Первой мировой войны, определяется ее особой ролью в дестабилизации традиционных мужских и женских ролей, трансформации стереотипов

и моделей мужественности и женственности, вовлечения женщин в политическую коммуникацию и «мужские» виды деятельности.

Методология исследования проблемы носит междисциплинарный характер, включает подходы и инструментарий ряда направлений современного социогуманитарного знания. В их числе теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, социализации Т. Парсонса и Р. Бейлса, интеракционизма И. Гоффмана, деконструкции Ж. Деррида и дискурса М. Фуко, сформировавших понимание гендера как социальных проявлений пола и его репрезентаций, то есть гендера как «социального пола» [Пушкарева 1999, с. 155–174]. В отечественной науке систематическая разработка и обоснование методологии и методов гендерных исследований представлены в трудах Н.Л. Пушкаревой [Пушкарева 1999; Пушкарева 2004]. Она выделяет два понимания гендера: как мыслительного конструкта и как социального, обозначая эвристический потенциал обоих подходов. Использование социальной концепции гендера, опирающееся на его определение как «реально существующей системы межличностного взаимодействия, посредством которого создается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как категориях социального порядка» [Пушкарева 1999, с. 162], представляется особенно значимым в изучении гендерных аспектов политических и социальных трансформаций военного времени.

Важным концептуальным основанием исследования проблемы является теория пропаганды и массовой коммуникации Г. Лассуэлла, разработанная на основе изучения опыта пропаганды в условиях Первой мировой войны. Как показал автор, политическая мобилизация обществ в интересах ведения войны происходила на основе «управления политическими взглядами и общественным мнением», осуществляемого при помощи «выразительных символов» – рассказов, слухов, сообщений, картин и т. д. [Лассуэл 1929, с. 28, 30–31]. «Пропаганда есть война идей против идей» – констатирует автор [Лассуэл 1929, с. 30]. Теория Г. Лассуэлла позволяет определить, какую роль в пропаганде и массовой коммуникации играли гендерные репрезентации, выявить их потенциал, специфику воздействия на аудиторию, образно-символические средства концептуализации мужественности и женственности.

Перспективные подходы к изучению обозначенной проблематики выработаны в рамках гендерной политологии и гендерной лингвистики. Гендерная политология, активно развивающаяся и в России, изучает политическую обусловленность гендерных процессов и гендерную обусловленность политических процессов [Рябова, Овчарова, 2016, с. 5]. Ее концептуальные наработки

позволяют рассмотреть проблему политического участия и политического поведения женщин и мужчин в широкой исторической перспективе, гендерные особенности российских политических процессов, в том числе в условиях войн, проблему влияния гендерных стереотипов, социально разделяемых представлений о мужественности и женственности, на различные аспекты политической жизни. Гендерная политология исследует процессы политической мобилизации, осуществляемой с помощью апелляции к гендерной идентичности, устанавливая взаимосвязь между моделями маскулинности и фемининности, с одной стороны, и формами политического поведения – с другой. Рассматриваются проблемы использования гендерного дискурса в условиях военной мобилизации, его эксплуатация в качестве оружия пропаганды, функция военного дискурса как ресурса создания и корректировки гендерного порядка [Рябова, Овчарова 2016, с. 10–12].

Гендерная лингвистика, в свою очередь, позволяет проследить особенности речевого поведения мужчин и женщин, рассмотреть зафиксированные в языке стереотипы фемининности и маскулинности, гендерные асимметрии. Социолингвистический подход дает возможность интерпретировать роль половых различий в коммуникативной компетенции, социальные последствия половых различий языка, что, в свою очередь, позволяет выявить гендерную специфику осмысления социальных и политических процессов, гендерные характеристики языка политической коммуникации [Гендер и язык 2005].

Историография проблемы

Растущая популярность гендерной тематики в современных исторических исследованиях определила разработку роли гендерного фактора в условиях войн нового и новейшего времени. Значительные усилия отечественных историков были сосредоточены на изучении темы «женщина и война», воплотившись в работах, посвященных повседневной жизни женщин в условиях войн, в том числе Первой мировой, их общественно-политической и благотворительной деятельности, участию в производстве, боевых действиях, службе в качестве сестер милосердия [Иванова 2002; Щербинин 2004; Перельман 2017 и др.]. В 2000–2010-е гг. стали изучаться сюжеты, выходящие за рамки «исторической феминологии», в том числе гендерные аспекты восприятия событий современниками, гендерные характеристики поведенческих практик комбатантов

и нонкомбатантов [Астахов 2002; Астахов 2014; Сенявская 2013; Чуракова 2019]. Е.С. Сенявская и А.Б. Астахов исследовали поведение комбатантов в условиях фронтовой повседневности, воздействие на них «культурного шока» войны, проблемы фронтовой морали и сексуальности [Астахов 2002; Астахов 2014; Сенявская 2013]. А.Б. Астахов, изучив сексуальный опыт русского солдата, полученный в условиях Первой мировой войны, определил его роль в трансформации семейного и социального статуса комбатанта [Астахов 2014, с. 639].

Значение войн нового и новейшего времени в изменении социальной роли женщин в российском обществе на обширном источниковом, в том числе статистическом, материале раскрывает Ю.Н. Иванова. Исследователь приводит данные о численности женщин, участвовавших в войнах XIX–XX вв., динамике роста количества и спектра воинских специальностей, освоенных женщинами в ходе этих войн [Иванова 2002, с. 256–257]. Приведенная ей статистика показывает, что именно Первая мировая война впервые ознаменовалась массовым вовлечением женщин в боевые действия и радикальным расширением круга освоенных женщинами специальностей. Если в Русско-японской войне на фронтах боевых действий находилось свыше 3 тыс. женщин, то в Первой мировой войне принимали участие уже более 25 тыс. женщин, в Гражданской – св. 60 тыс., а в годы Великой Отечественной войны в советской армии сражались 800 тыс. женщин [Иванова 2002, с. 256].

История создания в России женских воинских подразделений и деятельность сестер милосердия исследуются американским историком Лори Стофф: Л. Стофф рассматривает создание женских батальонов как социальный эксперимент, имевший преимущественно пропагандистское значение, реконструирует деятельность сестер милосердия и восприятие их представителями разных социальных и профессиональных групп на фронте и в тылу. Историк приходит к выводу, что мобилизация русских женщин во время Великой Отечественной войны ясно показывает ограниченность понятия войны как отчетливо мужского опыта, демонстрирует степень, в которой империя сильно зависела от женщин, а также указывает на то, что «границы» мужественности и женственности, соответствующих гендерных ролей и поведения испытали «мутации» во время войны [Stoff 2006; Stoff 2015].

Образы сестер милосердия, в том числе августейших, в контексте проблемы специфики российской патриотической мобилизации военного времени исследовал Б.И. Колоницкий [Колоницкий 2014]. Он обосновал тезисы о том, что именно образ сестры милосердия стал наиболее ярким символом патриотической мобили-

зации всех женщин России, представительниц разных сословий и классов, претерпев в то же время за годы войны существенные изменения и став воплощением меняющихся общественных настроений. Б.И. Колоницкий интерпретировал восприятие разными слоями российского общества августейших сестер милосердия с точки зрения адекватности «прочтения» пропагандистских текстов их замыслу, эффективности пропагандистского использования властью этих образов, поставив проблему «репрезентационной ошибки» [Колоницкий 2014, с. 102–103]. При этом Б.И. Колоницкий подчеркнул, что во всех странах в годы войны проявилось принципиально новое участие женщин в военных усилиях, для чего «требовалась корректировка традиционных гендерных ролей» [Колоницкий 2014, с. 126].

Изучение военной пропаганды в России и на Западе показало, что обоснование войны во всех странах базировалось на мифологии политических режимов и «национальных ценностей», в каждой стране сложился особый механизм пропаганды, но ее «техника» имела универсальные черты, слова превратились в оружие, велась «война образов», «война идентичностей». Значительное внимание исследователей привлекла специфика российской военной пропаганды, образы маскулинности и фемининности, используемые в ней [Hubertus 1995; Petrone 1998; Norris 2006; Асташов 2012; Филиппова, Баратов 2014]. Так, К. Петрон показывает отличия российской визуальной пропаганды от западноевропейских репрезентаций отношений между мужчинами во время войны. Она отмечает, что, сохраняя черты патриархальности, пропаганда в годы Первой мировой войны создала, по сравнению с XIX в., новый образ сыновнего уважения и покорности, фокусируя внимание на *персональных* (курсив мой. – О. П.) взаимоотношениях между отдельным солдатом и командиром [Petrone 1998, p. 100]. В.Б. Аксенов, исследуя массовые настроения российского общества в годы войны и революции, интерпретирует его визуальную культуру: образ женщины, представленный на открытках, в изобразительном искусстве и т. д. Автор показывает, что женская репрезентация в годы войны была связана, скорее, со специфическим феноменом «женского бунтарства», нежели с феминистическим движением или борьбой женщин за свои права [Аксенов 2020, с. 148–167]. К другому выводу пришла М. Стокдейл, исследовавшая историю российских женщин в годы войны, заключившая, что «это история самомотивации и патриотизма, история демократизирующейся революции. Тысячи российских женщин из разных классов и социальных слоев восприняли революцию как получение равных с мужчинами гражданских прав,

в том числе права воевать и защищать родину с оружием в руках» [Stockdale 2004, p. 80].

Феномен женского и мужского патриотизма, роль гендерных концептов в трансформации представлений о гражданственности и нации в России в период военно-революционного кризиса 1914–1922 гг. стали важными сюжетами исторических исследований [Sanborn 2003; Stockdale 2004; Petrone 1998; Petrone 2011]. М. Стокдейл показала, что опыт войны революционизировал концепции патриотизма, гражданства, гендера так же, как и классовую идентичность [Stockdale 2004, p. 81]. Д. Санборн исследовал взаимосвязь концептов маскулинности, гражданственности и нации, их трансформацию под влиянием Первой мировой войны и революционных процессов. Он сделал вывод, что в основе новой концепции гражданственности и нации был новый идеал гражданина-солдата: поколение молодых мужчин, вступивших во взрослую жизнь в условиях войны, революции и массового насилия, проявляли качества нового типа – агрессию, соединение силы и дисциплины, инициативы и подчинения [Sanborn 2003, p. 206–207].

Изучение исторической памяти о Первой мировой войне в межвоенный период позволило К. Петрон сделать вывод о том, что все страны-участницы войны использовали представления об идеальной маскулинности для мобилизации мужчин на борьбу с врагом, все классы и слои общества в Европе и России представляли войну в категориях гендерного порядка. Она отмечает, что для тех, кто вспоминал войну, различия между фронтом и тылом основывались на гендерном языке и подразумевали гендерные различия [Petrone 2011, p. 125].

Таким образом, анализ литературы по проблеме показывает, что гендерная история Первой мировой войны на материалах России изучена еще явно недостаточно. Многие сюжеты носят дискуссионный характер, требуют дальнейшего изучения. Актуальным остается исследование механизмов информационного воздействия на массовое сознание в условиях войны, специфики его гендерного восприятия, способов мужского и женского вовлечения в информационную и политическую коммуникацию. До сих пор отсутствует комплексное исследование гендерных аспектов политической мобилизации в России, рассматриваемых в компаративном ключе, сравнении с аналогичными процессами, происходившими в других странах-участницах конфликта. При очевидных достижениях историков в освоении различных аспектов темы, эвристический потенциал обозначенной проблематики в полной мере не реализован.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия»).

Aknowlegements

The work was carried out within the grant of the Russian Science Foundation (Project № 22-28-00201 “The gender factor of political mobilization under the conditions of the First World War: Russia, France, Germany”).

Литература

- Аксенов 2020 – *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Асташов 2002 – *Асташов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 268–281.
- Асташов 2012 – *Асташов А.Б.* Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
- Асташов 2014 – *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- Гендер и язык 2005 – Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
- Иванова 2002 – *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 266 с.
- Колоницкий 2014 – *Колоницкий Б.И.* Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сб. ст. / Ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 100–126.
- Лассуэл 1929 – *Лассуэлл Г.* Техника пропаганды в мировой войне / Пер. с англ. Н.М. Потапова. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 199 с.
- Перельман 2017 – *Перельман И.В.* Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка. Феномен Марии Бочкаревой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 142–148.
- Пушкарёва 1999 – *Пушкарёва Н.Л.* Зачем он нужен, этот гендер? (новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 155–174.
- Пушкарёва 2004 – *Пушкарёва Н.Л.* О методах анализа «мужских» и «женских» текстов (феминистская лингвистика и социальная история пола) // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 161–192.

- Рябова, Овчарова 2016 – *Рябова Т.Б., Овчарова О.Г.* Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1 (78). С. 3–23.
- Сенявская 2013 – *Сенявская Е.С.* «Без бабы и без вина и война не нужна»: проблемы фронтовой морали в период Первой мировой войны // *Историческая психология и социология истории*. 2013. № 1. С. 32–48.
- Филиппова, Баратов 2014 – *Филиппова Т., Баратов П.* «Враги России»: образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 271 с.
- Чуракова 2019 – *Чуракова О.В.* «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 2. С. 246–277.
- Щербинин 2004 – *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов: Юлис, 2004. 507 с.
- Hubertus 1995 – *Hubertus J.F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London: Cornell University Press, 1995. 229 p.
- Norris 2006 – *Norris S.M.* A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812–1945. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006. 277 p.
- Petrone 1998 – *Petrone K.* Family, Masculinity, and Heroism in Russian War Posters of the First World War in Borderlines // *Gender and Identities in War and Peace: 1870–1930* / Ed. by Billie Melman. New York: Routledge, 1998. P. 95–120.
- Petrone 2011 – *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. Bloomington: Indiana University Press, 2011. 385 p.
- Sanborn 2003 – *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics: 1905–1925. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2003. 278 p.
- Stockdale 2004 – *Stockdale M.* “My Death for the Motherland is Happiness”: Women, Patriotism, and Soldiering in Russia’s Great War, 1914–1917 // *American historical review*. 2004. Vol. 109. № 1. P. 78–116.
- Stoff 2015 – *Stoff L.* Russia’s Sisters of Mercy and the Great War: more than binding men’s wounds. Lawrence: University of Kansas, 2015. 375 p.
- Stoff 2006 – *Stoff L.* They Fought for the Motherland: Russia’s Women Soldiers in World War I and the Revolution. Lawrence: University of Kansas, 2006. 294 p.

References

- Aksenov, V.B. (2020), *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voiny i revoliutsii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions. Mass Moods of Russians during the years of War and Revolution (1914–1918)], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.

- Astashov, A.B. (2012), *Propaganda na ruskom fronte v gody Pervoi mirovoi voiny* [Propaganda on the Russian Front during the First World War], Spetskniga, Moscow, Russia.
- Astashov, A.B. (2002), “War as a Culture Shock. An Analysis of the Psychopathological State of the Russian Army in the First World War”, *Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2002, Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya* [Military-historical anthropology. Yearbook, 2002. Subject, tasks, development prospects], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 268–281.
- Astashov, A.B. (2014), *Russkii front v 1914 – nachale 1917 goda: voennii opyt i sovremennost’* [Russian Front in 1914 – early 1917. Military Experience and the Present], Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Churakova, O.V. (2019), “ ‘Human Soul is Destroyed by War...’: Written Sources of World War I Period as a Resource for Gender-Oriented History of Emotions”, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 18, no. 2, pp. 246–277.
- Filippova, T. and Baratov, P. (2014), “*Vragi Rossii*”: *obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal’noi satire Pervoi mirovoi voiny* [“Enemies of Russia”. Images and Rhetoric of Enmity in the Russian Magazine Satire of the First World War], AIRO-XXI, Moscow, Russia.
- Kirillina, A.V. (ed.) (2005), *Gender i yazyk* [Gender and Language], Iazyki slavyanskoj kul’tury, Moscow, Russia.
- Hubertus, J.F. (1995), *Patriotic Culture in Russia during World War I*, Cornell University Press, Ithaca; London, USA.
- Ivanova, Yu.N. (2002), *Khrabreishie iz prekrasnykh: zhenshchiny Rossii v voinakh* [Bravest of the Beautiful. Russian Women in .ars], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kolonitskii, B.I. (2014), “The Image of a Sister of Mercy in Russian Culture during the First World War”, Bruish K., Kattser N. (eds.), *Bol’shaya voina Rossii: Sotsial’nyi porjadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoj epoch: sbornik statej* [Great War of Russia. Social Order, Public Communication and Violence at the Turn of the Tsarist and Soviet Epochs. Collection of Articles], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 100–126.
- Lassuell, G. (1929), *Tekhnika propagandy v mirovoi voine* [Propaganda Technique in the World War], Potapov, N.M. (transl.), Gosudarstvennoe izdatel’stvo, Moscow; Leningrad, Russia.
- Norris, S.M. (2006), *A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812–1945*, Northern Illinois University Press, DeKalb, USA.
- Perel’man, I.V. (2017), “Influence of the First World War on Development of the Russian Gender System. Phenomenon of Maria Bochkareva”, *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 9 (83), pp. 142–148.
- Petrone, K. (1998), “Family, Masculinity, and Heroism in Russian War Posters of the First World War in Borderlines”, Melman, B. (ed.) *Gender and Identities in War and Peace, 1870–1930*, Routledge, New York, USA, pp. 95–120.

- Petrone, K. (2011), *The Great War in Russian Memory*, Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Pushkareva, N.L. (2004), "On methods of analyzing 'men's' and 'women's' texts. (Feminist Linguistics and Social History of Gender)", *Social History. Yearbook, 2001/2002*, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 161–192.
- Pushkareva, N.L. (1999), "Why do we need that Gender? (New Problematics, New Concepts, New Methods of the Analysis of the Past)", *Social History. Yearbook, 1998/99*, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 155–174.
- Riabova, T.B. and Ovcharova, O.G. (2016), "Gender Studies in Russian Political Sciences. Current status, issues and prospects", *Woman in Russian Society*, no. 1 (78), pp. 3–23.
- Sanborn, J.A. (2003), *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*, Northern Illinois University Press, De Kalb, USA.
- Senyavskaya, E.S. (2013), " 'Without a Baba (Woman) and without Wine, there is no Need for War'. Issues of Front-Line Morality during the First World War", *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 1, pp. 32–48.
- Shcherbinin, P.P. (2004), *Voennyi faktor v pousednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX veka* [The Military Factor in the Everyday Life of a Russian Woman in the 18th – early 20th Centuries], Yulis, Tambov, Russia.
- Stockdale, M. (2004), " 'My Death for the Motherland is Happiness': Women, Patriotism, and Soldiering in Russia's Great War, 1914–1917", *American historical review*, vol. 109, no. 1, pp. 78–116.
- Stoff, L. (2015), *Russia's Sisters of Mercy and the Great War: more than binding men's wounds*, University of Kansas, Lawrence, USA.
- Stoff, L. (2006), *They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution*, University of Kansas, Lawrence, USA.

Информация об авторе

Ольга С. Поршнева, доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; o.s.porshneva@urfu.ru

Information about the author

Ol'ga S. Porshneva, Dr. of Sci. (History), professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; bld. 19, Mira Street, Ekaterinburg, Russia, 620002; o.s.porshneva@urfu.ru

«Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» как источник по истории раннего христианства

Павел Н. Лебедев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lebedevp235@gmail.com*

Аннотация. «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» являются во многих отношениях уникальным источником по истории раннего христианства. Уникален он не только по содержанию и композиции, но и по сложности вопросов, связанных с его базовыми характеристиками как источника. В зарубежной историографии существует длительная дискуссия о времени создания, соотношении различных вариантов текста памятника между собой, оригинальном языке написания, авторстве и ряде других принципиальных вопросов. В отечественной же литературе памятник находится до сих пор на периферии внимания, и его научный потенциал остается не раскрытым в полной мере. В настоящей статье предлагаются обзор существующих дискуссий о природе этого ранне-христианского текста и варианты решения источниковедческих проблем, связанных с его изучением.

Автор доказывает, что памятник содержит аутентичные записи мучеников Перпетуи и Сатура, погибших вместе со своими товарищами в Карфагене в начале III в., свидетельства очевидца их казни, а также написанные неизвестным автором вводный и заключительный тексты. Также в статье рассматриваются вопросы о перспективах изучения текста с точки зрения истории взаимоотношений христианства и Римской империи, эволюции христианского вероучения и представлений о мученичестве, гендерных исследований.

Ключевые слова: мученичество, Перпетуя, Фелицитата, страсти, раннее христианство, Римская империя

Для цитирования: Лебедев П.Н. «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» как источник по истории раннего христианства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 32–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-32-47

“Passio Perpetuae et Felicitatis” as a historical source on the history of early Christianity

Pavel N. Lebedev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lebedevp235@gmail.com*

Abstract. “The Passion of Saints Perpetua and Felicity” is in many ways a unique source on the history of early Christianity and the Roman Empire. Its uniqueness is evident not only in the structure of the text or its content but also in the complexity of issues related to its main characteristics as a historical source. The issues of dating, the interrelation of different versions of the text, original language, authorship and many others for a long time remain a matter of debate in foreign historiography. But in Russian historiography that martyrdom is still on the periphery of attention, and its scientific potential remains not fully disclosed. The paper provides an overview of the existing discussions about the nature of that early Christian text and solutions to the source issues associated with its study.

The author proves that the “The Passion of Saints Perpetua and Felicity” has a quadripartite structure: authentic records of the martyrs Perpetua and Saturus, who died together with their comrades in Carthage at the beginning of the 3rd century, the eyewitness testimony of their execution, as well as a prologue and epilogue written by the unknown compiler. The paper also considers the perspectives for studying the text in the context of the relationship between the Christianity and the Roman Empire, in the course of the evolution of Christian thought, and through the prism of gender studies.

Keywords: martyrdom, Perpetua, Felicitas, passions, early Christianity, Roman Empire

For citation: Lebedev, P.N. (2022), “ ‘Passio Perpetuae et Felicitatis’ as a historical source on the history of early Christianity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 32–47, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-32-47

Введение

«Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» (далее – «Страсти»), созданные вскоре после мученической смерти группы христиан в Карфагене в 203 г. н. э., относятся к числу самых ранних христианских текстов, подробно повествующих о гибели мучеников. Уникальность этого памятника определяется как тем, что в нем нашли отражение складывающиеся во II – начале III в.

представления о христианском мученичестве, загробной жизни, пророческом даре и многих других важных для первых христиан вопросах, так и его сложной жанровой природой, многоуровневой структурой и большой популярностью, которую культ Перпетуи приобрел в поздней античности. В 2021 г. даже увидело свет специальное хрестоматийное издание, целиком посвященное проблеме восприятия текста «Страстей» в период III–VIII вв. [Cobb 2021]. Особый интерес представляет то, что центральную роль в тексте играют собственные записи христианки Перпетуи, так что перед нами еще и единственный письменный прозаический текст, созданный женщиной в античности и сохранившийся до настоящего времени. Таким образом, повествование Перпетуи открывает редкую возможность увидеть римский мир и мир раннего христианства глазами женщины.

При всех отмеченных выше обстоятельствах «Страсти» оказались обделены вниманием в русскоязычных исследованиях, что особенно удивительно на фоне бескрайнего моря посвященных им работ в зарубежной историографии. Помимо сопровождаемого кратким историческим комментарием ознакомительного перевода латинской версии памятника, выполненного А.Д. Пантелеевым для сборника раннехристианских мученичеств, можно указать диссертацию А.Н. Крюковой о поэтике сновидений в раннехристианской литературе, в которой «Страсти» выступают одним из источников, посвященную столкновению христианских и римских семейных ценностей статью Е.В. Сергеевой, а также статью автора настоящей работы по проблеме историчности антихристианского эдикта Септимия Севера [Крюкова 2013; Сергеева 2013; Пантелеев 2017; Лебедев 2021]. В данной же статье хотелось бы представить общий анализ «Страстей» как источника по истории раннего христианства, рассмотреть существующие в историографии дискуссии по поводу основных характеристик памятника и поделиться некоторыми итогами коллективного исследовательского проекта, в рамках которого готовится критическое издание с переводом латинского и греческого текста «Страстей» и подробным научным комментарием (подробнее о проекте см. раздел «Благодарности» в конце статьи).

Исторический контекст, время и место мученичества

Историчность событий мученичества Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников в историографии никем не оспаривается, поскольку в тексте «Страстей» упоминаются достоверные исторические

реалии из жизни римской Северной Африки начала III в., описываемые события вполне вписываются в исторический контекст, существуют близкие по времени эпиграфические и археологические подтверждения почитания погибших мучеников в Карфагене. Содержание видений Перпетуи, которые описываются в «Страстях», было знакомо современнику – крупному североафриканскому богослову Тертуллиану, который прямо ссылается на одно из них в сочинении «О душе» (ок. 206–209 гг.) для подтверждения своих взглядов на посмертную участь мучеников (*Tert. De anim. 55.4*).

В тексте «Страстей» есть ряд указаний, позволяющих с достаточной уверенностью датировать казнь мучеников [Heffernan 2012, р. 60–68]. Год можно установить на основе информации о том, что допрос мучеников проводил «Гилариан, прокуратор, который принял тогда право меча вместо умершего проконсула Минуция Тиминиана» (*Pass. Perp. 6.3*). Оба указанных римских должностных лица известны также по другим источникам, и поскольку Минуций Опимиан (искажившийся в Тиминиана в латинской версии памятника и в Оппиана – в греческой) был проконсулом в Африке в 202/203 гг., то временное исполнение обязанностей проконсула Гиларианом должно приходиться на 203 г. В «Страстях» говорится, что казнь мучеников состоялась «во время игр, устраиваемых войском по случаю дня рождения Цезаря Геты» (*Pass. Perp. 7.9*), т. е. младшего сына императора Септимия Севера – Публия Септимия Геты. В 202–203 гг. должна была состояться поездка императора по римской Северной Африке, откуда он был родом, и археологические, эпиграфические и нумизматические источники демонстрируют происходившие в это время значительные работы по благоустройству городов и подготовке к встрече императора и его семьи [Tabbernee 2007, р. 187]. Весьма вероятно, что в атмосфере всеобщего воодушевления перед встречей ставшего императором местного уроженца и сопутствующей щедрой императорской благотворительности христиане, отказывавшиеся участвовать в непременно сопровождавших эту активность культовых мероприятиях, могли вызывать острое недовольство и стать жертвами преследований со стороны местных жителей и властей. При этом, на наш взгляд, нет достаточных оснований для предположения об издании Септимием Севером специального эдикта, направленного против обращения в христианство, который упоминается в крайне ненадежном источнике конца IV в. – «Истории Августов» (известном также как «Писатели истории Августов», “*Scriptores Historiae Augustae*”; SHA Sept. Sev. 17.1) [Лебедев 2021, с. 102–103]. Против этого как минимум свидетельствует то, что живший в это время в Карфагене Тертуллиан положительно высказывается о Септимии

Севере и не упоминает ни о каких репрессивных действиях со стороны императора (Tert. Ad Scap. 4.5–6). Ничего не добавляет к версии о существовании эдикта и сами «Страсти»: прокуратор Гилариан на допросе не интересуется тем, как и при каких обстоятельствах задержанные приняли христианство, устанавливая лишь сам факт принадлежности к нему (Pass. Perp. 6.3–4), и гонениям не подвергаются другие упомянутые в памятнике христиане и конкретно катехумены («оглашенные», т. е. готовящиеся принять крещение и стать членами церкви; Pass. Perp. 3.7, 9.1, 16.4, 20.10).

Относительно места действия мученичества в историографии существуют расхождения, так как в заглавии памятника в ряде сохранившихся рукописей оно нигде не указывается прямо, а в другой части рукописей (в том числе единственной, где сохранился греческий текст) называется небольшой город в окрестностях Карфагена – Тубурбон Малый (Thuburbo Minus). На этом основании часть исследователей считают этот город местом ареста катехуменов и местом проживания семейства Вибиев, к которому принадлежала Перпетуя [Amat 1996, p. 22; Bremmer 2017, p. 387, 425–426]. Однако ряд обстоятельств истории мучеников указывает, скорее, на развитие событий в обстановке крупного многонаселенного города. Прежде всего, практически невероятной представляется возможность наличия в небольшом поселении начала III в. столь большой христианской общины, чтобы в ней могли возникнуть противоборствующие фракции (Pass. Perp. 13.6) и нашлось бы достаточно христиан, чтобы оказывать действенную помощь задержанным единоверцам и постоянно навещать их (Pass. Perp. 9.1, 16.4). Сомнения вызывает и разногласия в рукописях относительно названия поселения (без издательских исправлений чаще встречается не Thuburbo, а Turbitana без дополнительного определения Minus), и отсутствие этих сведений в лучших рукописях – из монастыря Монте-Кассино и Амброзианской библиотеки. Исходя из этих соображений, местом действия основной части истории мученичества Перпетуи и ее товарищей (и точно – местом казни) следует признать Карфаген [Tabbernee 2007, p. 64; Heffernan 2012, p. 138; Heffernan 2016, p. 126–151; Cobb 2021, p. 12–13].

Рукописная традиция и версии текста

В середине XVII в. Лукас Холстен, библиотекарь кардинала Франческо Барберини, обнаружил в бенедиктинском монастыре Монте-Кассино в Южной Италии рукопись последней трети

XI в., содержащую наиболее полный латинский текст «Страстей» и признаваемую в современных критических изданиях лучшей [Amat 1996, p. 85, 91 et pass.; Heffernan 2012, p. XII, 81, 100 et pass.]. Памятник был издан уже после смерти Холстена в 1663 г. под заглавием “*Passio sanctorum martyrum Perpetuae et Felicitatis*”, так что в обширной зарубежной литературе и немногочисленных посвященных «Страстям» отечественных работах часто используется краткое название “*The Passion of Perpetua and Felicitas*”, «Страсти Перпетуи и Фелицитаты». Однако в сохранившихся девяти латинских рукописях и единственной греческой, обнаруженной Дж.Р. Харрисом в 1889 г. в библиотеке монастыря Гроба Господня в Иерусалиме, фигурируют различные варианты написания заглавия текста. Например, в рукописи XII в. из Айнзидельнского аббатства в Швейцарии в заглавии перечислены четверо мучеников, и на первый план выдвинуты мужчины Ревокат и Сатурнин – “*Passio sanctorum Revocati Saturnini Perpetuae et Felicitatis*”. Греческий текст иерусалимской рукописи начинается со слов «Мученичество святой Перпетуи и с ней скончавшихся...» (Μαρτύριον τῆς ἁγίας Περπετοῦας καὶ τῶν σὺν αὐτῇ τελειωθέντων). В итоге в настоящей статье был принят расширенный вариант названия, содержащий указание как на двух наиболее выдающихся героинь произведения, так и в какой-то мере на всю группу мучеников.

С момента обнаружения иерусалимской рукописи в историографии разгорелся спор о соотношении латинской и греческой версий памятника. В настоящее время большинство исследователей признают первичным именно латинский текст, так как в нем в большей степени проявляется разница в стиле и синтаксисе авторов различных частей памятника, тогда как греческий текст более однородный в стилистическом отношении и более аккуратный в богословских интерпретациях [Kitzler 2015, p. 23–29; Heffernan 2012, p. 66–67, 79–99; Shaw 2020, p. 310–318; Cobb 2021, p. 8–10]. Эти обстоятельства вместе с рядом нюансов, связанных с передачей в греческом отдельных слов и словосочетаний (например, теряется часть тонкостей, связанных с конкретными реалиями из жизни римской Африки, римской военной организацией и правовой системой и т. д.), указывает на переводной характер и более позднюю дату создания греческого варианта. Вероятно, латинская версия была составлена вскоре после событий мученичества в 206–209 гг., так как сочинение Тертуллиана, в котором он ссылается на видение Перпетуи, датируется этим периодом. При этом текст, с которого был сделан греческий перевод, судя по ряду более точных указаний в греческом (например, приводятся сведения о конкретном городе, где происходили события, дается более точное написание

имени умершего недавно проконсула и т. д.), мог отличаться от того варианта, который сохранился в рукописи из Монте-Кассино [Amat 1996, p. 65–66; Bremmer 2017, p. 354]. Данное обстоятельство требует внимательного отношения к греческому тексту, который, таким образом, может не только использоваться для изучения истории интерпретации содержания «Страстей», но и прояснять вызывающие затруднения места в латинском тексте или даже помогать восстанавливать более точный текст. Необходимо также заметить, что в историографии высказывались гипотезы о том, что отдельные части памятника могли быть написаны в оригинале на греческом (записи Перпетуи и/или записи Сатура) [Fridh 1968, p. 82; Bowersock 1995, p. 535–536; Barnes 2010, p. 71]. Однако в случае с записями Перпетуи сильнейшим контраргументом против подобного предположения являются соображения, связанные с лексическими особенностями, нюансами стиля и синтаксиса, которые ярко выражены в латинском тексте, но в значительной степени нивелированы в греческом [Amat 1996, p. 58–59, 70–71]. В отношении же записей Сатура подобная гипотеза сталкивается с трудноразрешимой проблемой, так как в его видении есть прямое замечание, что Перпетуя беседует с представителями африканского клира «по-гречески» (Graeci; Pass. Perp. 13.4) [Cobb 2021, p. 8–9].

Относительно времени создания греческой версии текста в историографии нет единства мнений. Т. Хеффернан основывается на том, что в греческом отсутствует упоминание об играх в честь императора Геты (Pass. Perp. 7.9), что могло быть следствием действия введенного Каракаллой в 212 г. и прекращенного при Гелиогабале в 219 г. «проклятия памяти» (*damnatio memoriae*) Геты [Heffernan 2012, p. 87]. Однако это основание для датировки представляется сомнительным, так как исходит из предположения о строгом соблюдении буквы закона в текстах, предназначенных для распространения в христианском сообществе, принадлежность к которому сама по себе со времен рескрипта Траяна признавалась в Римской империи преступной (Plin. Ep. 10.97). Б. Шоу, с одной стороны, осторожно предполагает возможность появления греческого перевода в первые десятилетия после мученичества, с другой стороны, больше склоняется к признанию значительно более поздней даты – начала VI в., связывая популяризацию африканских мучеников с политикой константинопольского двора по укреплению позиций в Северной Африке и борьбой с арианством [Shaw 2020, p. 324, 343]. Однако, поскольку нельзя отрицать распространения почитания Перпетуи на грекоязычном востоке Римской империи к середине IV в., вполне убедительным представляется мнение П. Китцлера о том, что перевод к тому времени уже должен был давно суще-

ствовать, так что дистанция от латинского оригинала не должна быть слишком большой [Kitzler 2015, p. 27, 77–78]. Более того, на наш взгляд, характер расхождений между латинским и греческим текстом не производит впечатления радикальным богословской реинтерпретации (особенно – в написанных явным приверженцем идей нового пророчества прологе и эпилоге к «Страстям»). Подобную догматическую редакцию можно было бы ожидать в V–VI вв., когда происходили гонения против сторонников движения нового пророчества (по имени пророка Монтана из Фригии его также обозначают как «монтанизм»).

По мнению Я. Бреммера, поддержанному также Л.С. Кобб, греческий текст мог появиться вскоре после 260 г., когда гонения против христиан при Валериане усилили интерес к мученичеству Перпетуи и ее товарищей [Bremmer 2017, p. 354; Cobb 2021, p. 43–44]. В иерусалимской рукописи событие мученичества в заглавии ошибочно связывается именно с гонением, «случившемся при Валериане и Галлиене» (Ἐπί Οὐαλερίανου καὶ Γαλιηνοῦ διωγμὸς ἐγένετο), т. е. в 257–260 гг., но это обстоятельство, как было справедливо замечено П. Китцлером, может рассматриваться только как *terminus ante quem* [Kitzler 2015, p. 27, n. 118]. Более того, двойное запутанное заглавие в греческой рукописи могло появиться позднее, чем был создан сам перевод, так что 260 год не может выступать и в роли надежного ограничителя нижней границы. Таким образом, более предпочтительной представляется датировка греческого варианта текста, представленного в иерусалимской рукописи, концом III в., что, однако, нуждается в дальнейшем обосновании и не исключает как более раннего распространения истории «Страстей» в каком-либо ином виде на греческом языке, так и вероятности более позднего происхождения данного перевода.

В Средние века значительно бóльшую популярность, чем сами «Страсти», получили два созданных в IV–V вв. латиноязычных текста, традиционно обозначаемых в историографии как «Акты Перпетуи и Фелицитаты» (версии А и В; далее – «Акты»). Они сохранились в 89 рукописях и представляют события мученичества в сокращенном и видоизмененном изложении. В «Актах» существенно расширены сцены допроса мучеников и гораздо меньше внимания уделяется видениям героев. Более того, именно в этих более поздних вариантах истории мученичества заметна существенная догматическая редакция: исчезают неортодоксальные пролог и эпилог, полностью удаляются видения Сатура и то видение Перпетуи, в котором она с помощью молитвы улучшает посмертную участь своего скончавшегося ранее брата Динократа, центральную роль в повествовании играет мужчина – наставник

катехуменов Сатур, Перпетуя лишается активной функции в тексте и в значительной мере теряет свою индивидуальность и т. д. [Kitzler 2015, p. 107–109].

Структура памятника и проблема авторства

«Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» являются уникальным памятником по своей композиции, поскольку представляют собой сложный многоавторский текст. В состав памятника входят несколько ясно отделяемых друг от друга частей, среди которых прямо обозначаются в тексте собственноручные записи Перпетуи в 3–10 главах («Дальше уже пойдет ее собственное изложение всего мученичества по порядку, каким она сама его оставила, записав собственноручно и по своему разумению», Pass. Perp. 2.3) и запись видения наставника мучеников Сатура в 11–13 главах («Но и благословенный Сатур обнародовал вот такое свое видение, им самим записанное», Pass. Perp. 11.1). В конце записей Перпетуи есть пожелание, чтобы кто-нибудь из христиан закончил ее историю, описав произошедшее на арене амфитеатра (Pass. Perp. 10.15). Это пожелание было исполнено, так что последующие события представлены в 14–21 главах в изложении оставшегося анонимным рассказчика-очевидца. Вероятно, он же предпослал записям самих мучеников несколько вступительных предложений во 2-й главе, в которых перечислил схваченных катехуменов и представил саму Перпетую, сказав о ее возрасте, семье, достойном образовании и положении в обществе. При этом в начале 1-й главы и в конце 21-й выделяются отличные от слов рассказчика по лексике, стилю и содержанию богословские и дидактические пролог и эпилог, которые явно были предназначены для чтения о подвиге мучеников в церкви.

Традиционно рассказчика-очевидца и автора пролога и эпилога большинство исследователей считают одним лицом [Крюкова 2013, с. 44; Kitzler 2015, p. 7, 20; Пантелеев 2017, с. 241–242; Gold 2018, p. 15; Cobb 2021, p. 2], хотя нам это представляется крайне спорным решением. Автор одного из наиболее основательных современных критических изданий «Страстей» Т. Хеффернан, с одной стороны, в разделе введения, посвященном вопросу о редакторе памятника, уверенно заключает, что пролог – работа редактора, «который написал главы 1, 2 и с 15 по 21» [Heffernan 2012, p. 8–17]. С другой стороны, в самом начале введения этот же автор осторожно замечает, что «Страсти» могут иметь не 3-частную, а 4-частную структуру, а в очерке, предворяющем комментарий ко 2-й главе, указывается,

что язык здесь по сравнению с прологом отличается более простым синтаксисом, иной лексикой, меньшим вниманием к богословской проблематике [Heffernan 2012, p. 3, 147]. По мнению автора французского критического издания Ж. Ама, можно как предполагать то, что один редактор имел достаточную риторическую подготовку, чтобы написать отдельные части текста в очень разном стиле, так и предполагать участие двух человек, один из которых более простым языком описал события на арене, а другой – обладающий более глубокой богословской подготовкой – обрамил текст торжественными риторическими прологом и эпилогом [Amat 1996, p. 77–78].

Поскольку одной из ключевых идей пролога и эпилога является возможность получения новых божественных откровений (что в тексте далее иллюстрируют четыре видения Перпетуи и видение Сатура), ряд исследователей считали возможным редактором текста известного североафриканского богослова Тертуллиана, который приблизительно в 210–211 гг. стал активным сторонником движения нового пророчества [Butler 2006, p. 244–245; Farina 2008, p. 26]. Хотя в современной историографии гипотеза об авторстве Тертуллиана большинством авторов отвергнута как по соображениям, связанным с языком и стилем, так и по расхождениям концептуального свойства, вполне вероятно, что автор пролога и эпилога к «Страстям» мог находиться под влиянием его идей и риторики или даже принадлежать к числу учеников и последователей [Amat 1996, p. 67–69, 77; Heffernan 2012, p. 17; Kitzler 2015, p. 18–19]. При этом, на наш взгляд, следует с особой осторожностью рассуждать о связи героев и авторов «Страстей» или даже самого Тертуллиана с так называемым «монтанизмом», потому что во II–III вв. многим течениям в христианстве были присущи те идеи и особенности, которые позже были ассоциированы с конкретной ересью: большое внимание к видениям и откровениям, получаемым от Святого Духа, значительная роль женщин в общине, глубокий интерес к эсхатологии и т. д. [Trevett 1996, p. 177–178; Tabbernee 2007, p. 65; Пантелеев 2017, с. 242–243]. В рассматриваемый период чаще всего не существовало жестких граней между приверженцами разных течений в христианстве, между ортодоксией и тем, что в результате церковной борьбы позже будет названо ересью, так что более корректно говорить о множественности христианских идентичностей, не исключавших одна другую.

Продолжая разговор о структуре памятника, следует подчеркнуть, что основную роль в «Страстях» играют записи Перпетуи и Сатура, о которых рассказчик особо замечает, что приводится их аутентичный текст («дальше уже пойдет ее собственное изложение всего мученичества по порядку, каким она сама его оставила, запи-

сав собственноручно и по своему разумению» Pass. Perp. 2.3, «но и благословенный Сатур обнародовал вот такое свое видение, им самим записанное» Pass. Perp. 11.1). Вопрос о достоверности этих утверждений представляет особую сложность для исследователей, так что на нем следует остановиться подробнее. С одной стороны, памятник, несомненно, подвергался редактуре и обработке при составлении, так что есть все основания предполагать наличие в тексте внешних композиционных решений и интерполяций: например, композиционных сбоев в области 14–16 глав, уточняющих вставок в 3.1, 4.5, 11.2 и т. д. Согласно гипотезе Н.В. Брагинской, причиной сбоев может быть работа еще одного редактора-составителя, который на каком-то этапе дополнил историю мученичества рассказом о Секундуле и Фелицитате (Pass. Perp. 14.2–15.7), написал вступительные предложения во 2-й главе и ряд уточняющих пояснений в других местах.

Однако при всем этом у нас нет оснований отказывать содержанию записей Перпетуи и Сатура в подлинности, с чем согласно большинство современных исследователей [Amat 1996, p. 70–75; Heffernan 2012, p. 5–8; Gonzalez 2014, p. 14, 18; Kitzler 2015, p. 21–22; Пантелеев 2017, с. 240; Bremmer 2017, p. 355; Gold 2018, p. 13–18]. Из множества аргументов в поддержку этого мнения приведем ниже лишь наиболее значительные. Во-первых, обе эти части текста в стилистическом отношении различаются между собой и существенно отличаются от повествования рассказчика и пролога с эпилогом. Во-вторых, крайне маловероятной является фальсификация аутентичных записей в памятнике, который был создан вскоре после событий мученичества и предназначен для публичного чтения в аудитории, включавшей современников и очевидцев событий (Pass. Perp. 1.1, 5–6; отдельно можно вспомнить и Тертуллиана, который был знаком с историей Перпетуи). Это обстоятельство особенно важно с учетом численности христианской общины в Карфагене, которая, вероятно, не превышала 1,5–2 тысяч человек [Лебедев 2021, с. 99]. В-третьих, записи Перпетуи содержат глубоко личные переживания (которые, например, практически полностью исчезают в «Актах») и много специфических тем, которые больше не встречаются в раннехристианской литературе. Например, мученица беспокоится о своем грудном ребенке и его кормлении, переживает из-за возможного воспаления груди (Pass. Perp. 3.8–9, 6.7–8). В античной литературе за пределами медицинских текстов детали грудного вскармливания и его опасности больше нигде не обсуждаются.

Хотя можно в какой-то мере согласиться с Л.С. Кобб в том, что абсолютной уверенности в том, что в тексте «Страстей» сохранились в точности оригинальные собственноручно сделанные записи

Перпетуи и Сатура, мы получить не можем [Cobb 2021, р. 6–8], доводить этот скептицизм до предела тоже не следует. Может ли тогда быть в принципе хоть в чем-то уверен историк, работающий с отстоящим от него на несколько тысячелетий материалом? Значительно более конструктивно просто учитывать при работе с памятником то, что перед нами текст, имеющий сложный генезис и длинную рукописную историю, так что и в представленных в них записях мучеников возможны искажения.

Заключение

Как было показано выше, «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» являются уникальным историческим источником, позволяющим как реконструировать историко-культурный контекст преследований христиан в Северной Африке и особенности повседневной жизни римской провинции на рубеже II–III вв., так и исследовать различные аспекты эволюции христианского учения – и непосредственно феномен мученичества в раннем христианстве, и развитие представлений о загробной участи, пророческом даре, отношениях внутри церковной общины и о многом другом. Сохранившиеся в составе памятника записи мучеников Перпетуи и Сатура, свидетельства очевидца их смерти и представленное возможным редактором памятника богословское истолкование мученического опыта обуславливают огромную ценность «Страстей» для исследователей, давая возможность услышать подлинное многоголосие раннего христианства. А в силу того, что женским персонажам, женской субъектности, опыту материнства в «Страстях» отводится особая роль, изучение этого памятника открывает большие перспективы и привлекает огромный интерес в рамках гендерных исследований.

Следует признать, что существующие в историографии многолетние дискуссии по вопросу о соотношении между собой различных версий текста памятника, о его структуре и жанровой специфике, о месте ареста и казни мучеников, об уровне образования главной героини, об отношении героев мученичества и редактора (или редакторов) памятника к движению нового пророчества и о многих других сюжетах далеки от завершения. Изучение «Страстей» сопряжено с решением широкого круга проблем религиозного, богословского, историко-культурного, литературоведческого и текстологического характера, так что требует применения мультидисциплинарных подходов, объединения усилий специалистов по древней истории, классической филологии, христианской и иудейской теологии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44147.

Автор выражает глубокую благодарность участникам исследовательского семинара «Дневники христианских мучеников» под руководством Н.В. Брагинской и А.И. Шмаиной-Великановой на базе проекта «Лаборатория ненужных вещей» в Независимом московском университете, в котором также принимают участие А.Н. Грешных, С.Н. Давидоглу, М.С. Касьян, Т.А. Михайлова, В.В. Степанов, С.В. Федорова, О.И. Ярошевская. Значительная часть наблюдений в настоящей статье является результатом многолетней коллективной работы на семинаре.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44147. The author expresses gratitude to the supervisors of the research seminar “Stories of early Christian martyrs” under research supervision of N.V. Braginskaya and A.I. Shmaina-Velikanova on the basis of the project “Laboratory of Unnecessary Things” at the Independent Moscow University – and to all members of the seminar: A.N. Greshnykh, S.N. Davidoglu, M.S. Kasian, T.A. Mikhailova, V.V. Stepanov, S.V. Fedorova, O.I. Iaroshevskaja. A significant part of the observation in the article is the result of years of collective work at the seminar.

Литература

- Крюкова 2013 – *Крюкова А.Н.* Поэтика сновидений в раннехристианской литературе: на материале «Мученичества Перпетуи и Фелицитаты», «Мученичества Мариана и Иакова» и «Мученичества Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников»: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. 181 с.
- Лебедев 2021 – *Лебедев П.Н.* «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и вопрос о преследовании христиан в Римской империи при Септимии Севере // Новый исторический вестник. 2021. № 4 (70). С. 104–112.
- Пантелеев 2017 – *Пантелеев А.Д.* Страсти святых Перпетуи и Фелицитаты // Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / Под ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: Гуманитарная Академия, 2017. С. 209–244.
- Сергеева 2013 – *Сергеева Е.В.* Конфликт идентичностей в «Мученичестве свв. Перпетуи и Фелицитаты» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 17 (118). С. 37–53.
- Amat 1996 – *Amat J.* Introduction // Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes / Introd., texte critique, trad., comment. J. Amat. Paris: Les éditions du Cerf, 1996. P. 19–94.

- Barnes 2010 – *Barnes T.D.* Early Christian Hagiography and Roman History. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. 437 p.
- Bowersock 1995 – *Bowersock G.* Martyrdom and Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 106 p.
- Bremmer 2017 – *Bremmer J.* Maidens, Magic and Martyrs in Early Christianity: Collected Essays I. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 501 p.
- Butler 2006 – *Butler R.* The New Prophecy and “New Visions”: Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas. Washington (DC): Catholic University of America Press, 2006. 211 p.
- Cobb 2021 – *Cobb L.S.* General Introduction // The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity / Ed. by L.S. Cobb. Oakland (CA): University of California Press, 2021. P. 1–16.
- Farina 2009 – *Farina W.* Perpetua of Carthage: Portrait of a Third-Century Martyr. Jefferson (NC); London: McFarland & Company, 2009. 267 p.
- Fridh 1968 – *Fridh Å.* Le problème de la Passion des saintes Perpétue et Félicité. Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag, 1968. 88 p.
- Gold 2018 – *Gold B.K.* Perpetua: Athlete of God. Oxford; New York: Oxford University Press, 2018. 261 p.
- Gonzalez 2014 – *Gonzalez E.* The Fate of the Dead in Early Third Century North African Christianity. The ‘Passion of Perpetua and Felicitas’ and Tertullian. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. 253 p.
- Heffernan 2012 – *Heffernan T.J.* The Passion of Perpetua and Felicity. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 592 p.
- Heffernan 2016 – *Heffernan T.* The Legacy of Misidentification: Why the Martyrs in the Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis were not from Thuburbo Minus // Journal of Early Christian History. 2016. Vol. 6. No. 3. P. 126–151.
- Kitzler 2015 – *Kitzler P.* From “Passio Perpetuae” to “Acta Perpetuae”: Recontextualizing a Martyr Story in the Literature of the Early Church. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. 159 p.
- Shaw 2020 – *Shaw B.* Doing It in Greek: Translating Perpetua // Studies in Late Antiquity. 2020. Vol. 4. No. 3. P. 309–345.
- Tabbernee 2007 – *Tabbernee W.* Fake Prophecy and Polluted Sacraments: Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism. Leiden, Boston: Brill, 2007. 485 p.
- Trevett 1996 – *Trevett C.* Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 299 p.

References

- Amat, J. (1996), “Introduction”, *Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes*, Les éditions du Cerf, Paris, France, pp. 19–94.
- Barnes, T.D. (2010), *Early Christian Hagiography and Roman History*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.

- Bowersock, G. (1995), *Martyrdom and Rome*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Bremmer, J. (2017), *Maidens, Magic and Martyrs in Early Christianity: Collected Essays I*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.
- Butler, R. (2006), *The New Prophecy and "New Visions": Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas*, Catholic University of America Press, Washington (DC), USA.
- Cobb, L.S. (2021), "General Introduction", *The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity*, University of California Press, Oakland (CA), USA, pp. 1–16.
- Farina, W. (2009), *Perpetua of Carthage: Portrait of a Third-Century Martyr*, McFarland & Company, London, UK, Jefferson (NC), USA.
- Fridh, Å. (1968), *Le problème de la Passion des saintes Perpétue et Félicité*, Elanders boktryckeri aktiebolag, Göteborg, Sweden.
- Gold, B.K. (2018), *Perpetua: Athlete of God*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, USA.
- Gonzalez, E. (2014), *The Fate of the Dead in Early Third Century North African Christianity. The "Passion of Perpetua and Felicitas" and Tertullian*. Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.
- Heffernan, T. (2016), "The Legacy of Misidentification: Why the Martyrs in the Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis were not from Thuburbo Minus", *Journal of Early Christian History*, vol. 6, no. 3, pp. 126–151.
- Heffernan, T.J. (2012), *The Passion of Perpetua and Felicity*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, USA.
- Kitzler, P. (2015), "From 'Passio Perpetuae' to 'Acta Perpetuae': Recontextualizing a Martyr Story in the Literature of the Early Church", De Gruyter, Berlin, Germany, Boston, USA.
- Kryukova, A. (2013), "Poetika snovideny v rannekhristsianskoy literature: na materiale 'Muchenichestva Perpetui i Felitsiaty', 'Muchenichestva Mariana i Iakova' i 'Muchenichestva Montana, Lutsiya, Flaviana i drugikh muchenikov'" [The Poetics of Dreams in Early Christian Literature. On the base of the Passion of Perpetua and Felicity, the Martyrdom of Marian and James, and the Martyrdom of Montanus, Lucius, Flavian and Others], Ph.D. Thesis (Philology), MGU, Moscow, Russia.
- Lebedev, P. (2021), " 'Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis' and the Question of the Persecution of Christians in the Roman Empire under Septimius Severus", *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 4 (70), pp. 104–112.
- Panteleev, A. (ed.) (2017), "The Passion of Sts. Perpetua and Felicity", *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovaniya* [Early Martyrdom. Translations, Commentaries, Research], Gumanitarnaya Akademiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 238–244.
- Sergeyeva, E. (2013) "The Conflict of Identities in the Martyrium of Saint Perpetua and Felicitas", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 17 (118), pp. 37–53.
- Shaw, B. (2020), "Doing It in Greek: Translating Perpetua", *Studies in Late Antiquity*, vol. 4, no. 3, pp. 309–345.

Tabbernee, W. (2007), *Fake Prophecy and Polluted Sacraments: Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.

Trevett, C. (1996), *Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Павел Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lebedevp235@gmail.com

Information about the author

Pavel N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; lebedevp235@gmail.com

Преступления против детей и подростков
на оккупированных территориях РСФСР
в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.):
обзор отечественной историографии

Иван А. Кулаков

*Институт российской истории Российской академии наук,
Москва, Россия, vankulakov@yandex.ru*

Аннотация. Исследования преступлений против мирного советского населения в годы Великой Отечественной войны являются одним из основных направлений изучения данного периода. Тем не менее комплексное исследование о преступлениях против детей и подростков до сих пор не было проведено – тема преступлений против детей и подростков в большинстве работ отражена поверхностно, в общем контексте преступлений против мирного населения на оккупированных территориях РСФСР. Аспекты исследуемой темы рассмотрены в отдельных работах отечественных авторов – статьях и монографиях. Статья представляет собой обзор отечественной историографии, в которой отражена проблематика преступлений немецко-фашистских захватчиков против детей и подростков. Обзор литературы систематизирован по типологии преступных действий против детей и подростков – от использования детского труда до расстрелов и убийств. В своих исследованиях историки рассматривают как общероссийский, так и региональные аспекты проблематики отношения оккупантов к мирному населению в занятых нацистами регионах России. Несмотря на то, что теме репрессивной политики оккупантов по отношению к мирному населению посвящено достаточное количество исследований, проблематика детей и подростков отражена фрагментарно и нуждается в дальнейшем исследовании.

Ключевые слова: война, дети, подростки, оккупация, фашизм, преступления

Для цитирования: Кулаков И.А. Преступления против детей и подростков на оккупированных территориях РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): обзор отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 48–55. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-48-55

Crimes against children and adolescents
in the occupied territories of the RSFSR
during the Great Patriotic War (1941–1944).
A review of Russian historiography

Ivan A. Kulakov

*Russian Academy of Sciences Institute of Russian History,
Moscow, Russia, vankulakov@yandex.ru*

Abstract. Studies of crimes against the civilian Soviet population during the Great Patriotic War are one of the main areas in studying that period. However, a comprehensive research in crimes against children and adolescents has not yet been carried out – the topic of crimes against children and adolescents in most works is reflected superficially in the general context of crimes against civilians in the occupied territories of the RSFSR. Aspects of the analyzed topic are reflected in some works of Russian authors – articles and monographs. The present article is a review of Russian historiography, which reflects the problematic of the crimes of the Nazi invaders against children and adolescents. The review of the literature is systematized according to the typology of criminal acts against children and adolescents – from the use of child labor to executions and murders. In the surveyed studies, historians consider both the all-Russian and regional aspects in the problematic of the occupiers' attitude towards the civilian population in the regions of Russia occupied by the Nazis. Despite the fact that a sufficient number of studies dealt with the topic of the occupiers' repressive policy in relation to the civilian population, the problematic of children and adolescents is reflected in fragments and needs further research.

Keywords: war, children, adolescents, occupation, fascism, crimes

For citation: Kulakov, I.A. (2022), "Crimes against children and adolescents in the occupied territories of the RSFSR during the Great Patriotic War (1941–1944). A review of Russian historiography", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political science. History. International relationships" Series*, no. 2, pp. 48–55, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-48-55

Современные конфликты и положение мирного населения в них находят отражение в искусстве и культуре разных стран. В том числе это отразилось и на сотнях тысяч детей – расстрелянных, угнанных, использованных в качестве доноров для нацистских солдат и офицеров.

Историография преступлений против детства на оккупированных территориях РСФСР охватывает ограниченный спектр трудов отечественных исследователей с 1991 г. В рамках данной статьи

были рассмотрены отечественные монографии и труды, касающиеся тематики преступлений против мирного населения, и, в частности, детского вопроса. Тема не является совсем неосвещенной в современной российской историографии – безусловно, ее влияние крайне велико и помогает пролить свет на самые темные страницы в целом. Проанализировав спектр работ по рассматриваемой теме, нами выделены следующие направления преступных деяний против детства: угнанные дети-остарбайтеры; дети – узники концлагерей; дети – жертвы Холокоста; медицинские опыты над детьми; преступления, совершенные против детей на оккупированных территориях; вывоз и ассимиляция советских детей в Германии.

До сих пор нет окончательной цифры общего количества детей и подростков, истребленных оккупационными силами. Тем не менее автор фундаментального труда по оценке потерь России и СССР в XX в. Г.Ф. Кривошеев приводит цифру около 15 тыс. истребленных детей и подростков в РСФСР [Кривошеев 2001]. Данная информация полезна для начала исследования в теме. Автор ссылается на материалы журнала «Социологические исследования» № 12 от 1991 г.¹, подчеркивая, что «по детям данные неполные» [Кривошеев 2001]. Однако и в других работах исследователи не приводят итоговое количество истребленных детей на территории РСФСР – изучение этого вопроса нуждается в дальнейшей проработке.

В начале 2000-х гг. П.М. Полян, обратившись к непопулярной в советской историографии теме [Полян 2002], исследует репатриацию вчерашних военнопленных и узников концлагерей, а также быт тех, из кого пытались делать «орудия экономики Германии» – детей, обучавшихся на фабриках тому, чтобы производить одежду, технику, снабжать противника Родины многочисленными инструментами убийства. Ученый неоднократно обращается к статистическим выкладкам, а его работа как весьма резонансный труд часто упоминается в работах более поздних исследователей (первое издание вышло в 1996 г.). В частности, автор приводит общую цифру репатриированных детей с оккупированных территорий в Советский Союз – 370 394 человека [Полян 2002, с. 490]. Кроме того, автором изучен и возрастной состав репатриантов, в числе которых дети и подростки составляли 30%. Автор обращается к отечественным и зарубежным исследователям, а работа строится на широкой источниковой базе, хранящейся в российских и зарубежных архивах. Особенно интересные данные приводит П. Полян о репатриации детей:

---

¹ Социологические исследования. 1991. № 12.

Союзники не только препятствовали репатриации этих детей, но даже не допускали советских офицеров в детские дома и не предоставляли их персональные данные. Наоборот, они требовали от советских властей документальных подтверждений их «советскости», не признавая при этом метрик, выданных на территориях, занятых СССР в 1939 году [Полян 2002, с. 512].

Затрагивает тему угона советских детей в немецкий тыл и историк Н.А. Гаража [Гаража, 2015, с. 44–53]. Исследователь также обращается к статистике: по приводимым ею данным с 1941 по 1945 г. с территории СССР было вывезено 386 471 детей и подростков [Гаража 2015, с. 46]. Из материалов, которыми пользуется автор, можно сделать вывод, что труд детей использовался на вспомогательных фронтовых работах, а не только в тылу: девушки-подростки рыли окопы под огнем советской артиллерии на южных рубежах военных действий, неподалеку от Новороссийска [Гаража 2015, с. 48]. В работе автор задействует источники из Государственного архива РФ и региональных архивов.

Наиболее тяжелый с морально-этической точки зрения вопрос, поднимаемый в контексте военных преступлений вермахта, – концентрационные лагеря. Важную тему, связанную с изучением положения детей в концентрационных лагерях, затрагивает и С.В. Кускова [Кускова 2002, с. 162–169]. Исследователь раскрывает в работе проблематику содержания детей в концлагерях, а также эксплуатации их труда на благо вермахта. В рамках исследования автор обращается к различным источникам, в том числе к печатным изданиям, публиковавшим информацию о жертвах военных преступлений, – например, к газете «Судьба». В работе С.В. Кусковой называется цифра в 1 млн детей и подростков, детство которых заканчивалось в концлагерях. В качестве основного источника автор использует воспоминания узников концлагерей и угнанных в Германию детей. Рассматривая количество угнанных детей из СССР, автор фрагментарно приводит статистические данные, акцентируя внимание на количестве угнанных жителей из нынешней Псковской области.

Историк О.С. Петрушкина [Петрушкина 2019, с. 78–83] анализирует специфику содержания людей в концлагерях. В работе рассматривается спектр сборников воспоминаний людей о пребывании в лагерях, в основном затрагивающих региональные аспекты бывших советских республик или субъектов Российской Федерации. Исследователь публикует воспоминания детей в концлагерях. Особо важным для исследователя являются воспоминания о донорстве детской крови и проводимых нацистами

медицинских опытах [Петрушкина 2019, с. 81]. Еще одна важная тема – медицинские опыты над детьми – напрямую связана с концлагерями и преступлениями, которые совершались над людьми, содержащимися в них. Поскольку взрослое население преимущественно использовалось в качестве рабочей силы, участь жертв экспериментов легла на хрупкие детские плечи. Работа Петрушкиной освещает несколько детских воспоминаний, которые подтверждают проводимые над детьми опыты. О детском донорстве крови также пишет Н.В. Сапожникова [Сапожникова 2011, с. 186–195].

Холокост как явление затронул не один десяток стран. Советский союз не стал исключением, учитывая, что на территориях, впоследствии оккупированных гитлеровцами, проживало более 4 млн евреев, а на территории РСФСР – 234 тыс. человек. Свидетельства о холокосте на территории СССР относятся преимущественно к западным территориям – странам Прибалтики, УССР, МССР. В контексте изучения холокоста на территории СССР нужно отметить исследования отечественного историка И.А. Альтмана [Альтман 2002]. В своей работе И.А. Альтман впервые дает комплексную оценку явлению холокоста на оккупированных территориях СССР, опираясь на отечественные и зарубежные исследования и источниковую базу из государственных и ведомственных архивов России и других стран [Альтман 2002]. В контексте детского вопроса исследователь рассматривает положение еврейских детей в гетто [Альтман 2002, с. 162–166]. Альтман утверждает, что нетрудоспособное население и дети составляли 55,9% от всех узников гетто [Альтман 2002, с. 168]. Кроме того, исследователь рассматривает темы использования оккупантами принудительного детского труда и преступлений против детей «на местах» – плановые и хаотичные убийства в оккупированных районах страны. И. Альтман упоминает такие изощренные методы детоубийства, как смазывание губ ядовитыми веществами и впрыскивание яда посредством прививок [Альтман 2002, с. 271]. Данная работа является крайне важной при изучении преступлений против детства в контексте холокоста.

Наиболее распространенным преступлением против мирного населения допустимо считать преступления, совершенные «на местах», в ходе организации нацистского порядка на оккупированной территории. Одним из самых ярких и интересных трудов в данном русле являются исследования новгородского историка Б.Н. Ковалёва [Ковалёв 2011]. Работа является одной из основных при исследовании политики репрессий оккупационного

режима против мирного населения – автор комплексно рассматривает нацистскую оккупационную систему на территории СССР, в особенности на Северо-Западе России. Ковалёв затрагивает такие сферы, как образование, быт и питание, языковая и культурная политика. В контексте политики в отношении детей автор детально описывает роль детей в «новых русских праздниках», проводимых оккупантами. В качестве источниковой базы автор задействует прессу на оккупированных территориях, материалы Нюрнбергского процесса, документы из государственных и ведомственных архивов России. Тем не менее детский аспект в работе Б.Н. Ковалёва рассматривается фрагментарно. В своих трудах ученый поднимает и тему репрессий оккупантов против мирного населения [Ковалёв 2004]. Исследование полезно и наполнено информацией для тех, кто изучает тематику организации оккупационных органов власти на занятых территориях РСФСР. В работе интересен аспект системы школьного образования, которую пытались выстраивать оккупанты. По сообщению заместителя бургомистра Смоленска Б.В. Базилевского (агента советской разведки), во время встречи с представителем немецкой администрации доктором Цигастом последний заявлял о допустимости и необходимости введения в школах телесных наказаний [Ковалёв, 2004].

В отечественной историографии можно отметить тенденцию на изучение темы преступлений против мирного населения на оккупированных территориях РСФСР – ряд историков в течение длительного времени занимаются разработкой данной тематики на региональном уровне. Например, можно отметить исследования оккупации Северо-Запада России, в которых, в том числе, отражены преступления против детства. Исследования, затрагивающие детский вопрос в контексте преступлений против мирного населения, написаны и по ряду других оккупированных в годы Великой Отечественной войны регионов РСФСР. В большинстве работ тема системного отношения оккупационных властей по отношению к детям и подросткам рассматривается вскользь, зачастую не затрагивается мотивация немецко-фашистских захватчиков при проведении карательных акций против детей и подростков. Статистические данные также нуждаются в изучении и анализе. Работ, комплексно изучающих преступления против детей и подростков на территории РСФСР, на данный момент нет, что создает перспективу для новых исследований.

Литература

- Альтман 2002 – *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 540 с.
- Гаража 2015 – *Гаража Н.А.* Характер и условия принудительного трудоустройства советских детей и подростков в Германии в период Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (34). С. 44–53.
- Ковалёв 2004 – *Ковалёв Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России: 1941–1944. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 544 с.
- Ковалёв 2011 – *Ковалёв Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/kovalev_bn03.html (дата обращения 27 февраля 2022).
- Кривошеев 2001 – *Кривошеев Г.Ф.* Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Стат. исслед. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt> (дата обращения 1 апреля 2022).
- Кускова 2002 – *Кускова С.В.* Малолетние узники «Третьего рейха» // Метаморфозы истории. 2002. № 2. С. 162–169.
- Петрушкина 2019 – *Петрушкина О.В.* Воспоминания бывших малолетних узников фашистских концлагерей как исторический источник // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. № 4. С. 78–83.
- Полян 2002 – *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 896 с.
- Сапожникова 2011 – *Сапожникова Н.В.* Рефлексия на переживания детства в условиях концлагерей фашистской Германии: К 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны // Развитие личности. 2011. № 2. С. 186–195.

References

- Altman, I.A. (2002), *Zhertvy nenavisti: Kholokost v SSSR, 1941–1945 gg.* [Victims of Hate. The Holocaust in the USSR, 1941–1945], Fond “Kovcheg”, Kolleksiya “Sovershenno sekretno”, Moscow, Russia.
- Garazha, N.A. (2015), “Nature and Conditions of Forced Labor of Soviet Children and Adolescents in Germany during the Great Patriotic War”, *University Proceedings. Volga Region, Humanities*, no. 2 (34), pp. 44–53.
- Kovalev, B.N. (2004), *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944* [Nazi occupation and collaboration in Russia. 1941–1944], AST, Tranzitkniga, Moscow, Russia.

- Kovalev, B.N. (2011), *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoi okkupatsii* [Daily life of the Russian population during the Nazi occupation], available at: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/kovalev_bn03.html (Accessed 27 February 2022).
- Krivosheev, G.F. (2001), *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Stat. issled.* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Losses of the armed forces: Stat. research], available at: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt> (Accessed 1 April 2022).
- Kuskova, S.V. (2002), "Juvenile prisoners of the 'Third Reich' ", *Metamorphoses of History*, no. 2, pp. 162–169.
- Petrushkina, O.V. (2019), "Memories of former juvenile prisoners of Nazi concentration camps as a historical source", *Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, no. 4, pp. 78–83.
- Polyan, P.M. (2002), *Zhertvy dvukh diktatur: Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbaiterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of two dictatorships. The life, labor, humiliation and death of Soviet prisoners of war and Ostarbeiters in an alien land and at home], ROSPEN, Moscow, Russia.
- Sapozhnikova, N.V. (2011), "Reflection on Childhood Experiences in the Concentration Camps of Nazi Germany. Toward the 70th Anniversary of the Beginning of the Great Patriotic War", *Development of Personality*, no. 2, pp. 186–195.

Информация об авторе

Иван А. Кулаков, аспирант, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия; 117036, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; vankulakov@yandex.ru

Information about the author

Ivan A. Kulakov, postgraduate student, Russian Academy of Sciences Institute of Russian History, Moscow, Russia; bld. 19, Dmitrii Ul'yanov Street, Moscow, Russia, 117036; vankulakov@yandex.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327(51)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-56-64

Региональные аспекты развития Центрально-Азиатского региона

Шахноза Р. Негматова

*Российско-Таджикский (Славянский) университет,
Душанбе, Республика Таджикистан, negmatova.sh@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются региональные аспекты современного развития Центрально-Азиатского региона. Проводится анализ того, почему и как изменилось отношение ведущих мировых центров к Центральной Азии, какое значение приобретает сегодня регион в международной политике. В статье исследуются тенденции разнонаправленных устремлений внешних игроков, элементы возможного сотрудничества и соперничества между ними. Кроме того, в статье затронута внутренняя конфликтность стран и ее влияние на формирование новой региональной политической среды. Также в статье рассматриваются некоторые вопросы безопасности, в частности, влияние сложившейся ситуации в Афганистане, в связи с захватом власти талибами, на и так непростую регионально-политическую среду Центральной Азии. Понимание специфики региональной политической среды Центральной Азии необходимо, прежде всего, для самих государств региона, в интересах которых, учитывая имеющиеся внутренние конфликты, существует необходимость предпринимать конструктивные действия для сохранения стабильности региона путем создания механизмов согласования коллективных решений, углубления взаимного сотрудничества в практической плоскости, нахождения компромиссных решений для урегулирования имеющихся споров и разногласий с целью обеспечения более эффективной реализации своих национальных интересов.

Ключевые слова: Центральная Азия, политическая среда региона Центральной Азии, безопасность региона Центральной Азии, регионально-политическая среда Центральной Азии, Центральная Азия в международной политике, влияние фактора Афганистана на политическую среду Центральной Азии

© Негматова Ш.Р., 2022

Для цитирования: Негматова Ш.Р. Региональные аспекты развития Центрально-Азиатского региона // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». № 2. С. 56–64. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-56-64

Regional aspects of the development of the Central Asian region

Shakhnoza R. Negmatova

Russian-Tajik (Slavic) University,

Dushanbe, Republic of Tajikistan, negmatova.sh@mail.ru

Abstract. The article considers the regional aspects of the present development of the Central Asian region. The article analyzes why and how the attitude of the world's leading centers towards Central Asia has changed, what significance the region is acquiring today in international politics. The article studies tendencies in multidirectional aspirations of external players, elements of possible cooperation and rivalry between them. In addition, the article touches upon the internal conflict potential of countries and its influence on the formation of a new regional political environment. The article also considers some security issues, in particular, the impact of the current situation in Afghanistan in connection with the seizure of power by the Taliban, on the already difficult regional political environment of Central Asia. Understanding the specifics of the regional political environment of Central Asia is necessary, first of all, for the states of the region themselves, to take constructive actions to maintain the stability of the region, by creating mechanisms for coordinating collective decisions, deepening mutual cooperation in practical terms, finding compromise solutions to resolve existing disputes and disagreements in order to ensure a more effective implementation of their national interests.

Keywords: Central Asia, the political environment of the Central Asian region, security of the Central Asian region, the regional political environment of Central Asia, Central Asia in international politics, the influence of the Afghanistan factor on the political environment of Central Asia

For citation: Negmatova, Sh.R. (2021), "Regional aspects of the development of the Central Asian region", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 56–64, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-56-64

В современной системе международных отношений регион Центральной Азии стал одним из важнейших геополитических центров. Прежде чем приступить к исследованию регионально-

политической обстановки региона, необходимо определиться, что включает в себя современный термин «Центральная Азия».

Впервые термин «Центральная Азия» был использован немецким географом Александром Гумбольдтом в 1843 г. и включал в себя «территории к югу от Алтая вплоть до северного склона Гималаев» [Гафуров, Мирошников 1976, с. 12].

Однако сегодня трактовка термина «Центральная Азия» неоднозначна. Как отмечает в своей монографии Казанцев А.А. сегодня «мы имеем дело с настоящей «войной наименований» и трактовок, что связано с тем, что Центральная Азия превратилась в «объект политической борьбы между разными внешними силами» [Казанцев 2008, с. 58].

Подробному исследованию возникновения и современных географических рамок региона «Центральной Азии» сегодня посвящено много работ, к примеру, работа С.М. Горшениной «Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой» [Горшенина 2019], монография А.А. Казанцева «“Большая игра” с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия» [Казанцев 2008]. Поэтому, не вдаваясь в историю трактовок, полагаем, что целесообразно отметить современные подходы в российской науке к трактовке понятия «Центральная Азия».

При определении сущности термина «Центральная Азия» необходимо учитывать факт, что Центральная Азия выделилась в самостоятельный международный регион совсем недавно, в 1991 г., после распада Советского Союза и обретения странами региона независимости.

Как отмечает А.И. Бураев, сегодня термин Центральная Азия, используется с «высоких политических трибун» для обозначения пяти постсоветских государств – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. По мнению А.И. Бураева, за сменой терминов со «Средняя Азия» на «Центральная Азия» стоит объективная необходимость нового независимого позиционирования стран региона и вполне оправданное желание дистанцироваться терминологически от «территориальной гегемонии России» [Бураев 2011].

Российские исследователи А.А. Казанцев, С.М. Горшенина, А.Е. Мальцев, К.Е. Мещеряков также придерживаются данной трактовки. В исследованиях российских ученых, таких как А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.С. Коргун и др., постулируется, что нынешний регион Центральной Азии хоть и является преемником советской Средней Азии, но не является ее эквивалентом [Богатуров 2011]. Исходя из этого, «современный политико-географический термин Центральная Азия включает не только прежние среднеази-

атские союзные республики: Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан, но и Казахстан» [Чжоу Цзюнь 2017].

В январе 1993 г., на встрече глав стран ЦАР – Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан – президент Казахстана Н. Назарбаев предложил ввести новый термин «Центральная Азия», обозначив новые границы региона, и отказаться от употреблявшегося в советское время термина «Средняя Азия и Казахстан».

Регион Центральной Азии, включающий пять государств, не имеет выхода к морю. Геополитическая его значимость определяется его межконтинентальностью, регион является связующим звеном между Европой – Азией – Ближним Востоком. Центральная Азия располагает богатыми природными ресурсами, в том числе и энергоресурсами (по оценкам, общие запасы нефти в регионе составляют более 60 млрд баррелей, а некоторые прогнозы доводят эту цифру до 200 млрд баррелей [Global Business Reports 2012, p. 1]), что обеспечивает государства определенными внешнеполитическими возможностями, учитывая возможность выбора себе партнеров по освоению энергоресурсов среди российских или западных компаний, играя на конкуренции между ними. Понятно, что и Россия, и США, а также страны ЕС в какой-то степени все же могут влиять на энергополитику центральноазиатских государств в части транспортировки, добычи энергоресурсов.

Страны рассматриваемого региона, которые не имеют энергоресурсов, также играют важное значение с точки зрения безопасности и стабильности всего региона ввиду того, что они являются сопредельными территориями для будущих транзитных стран (через которые пройдут трубопроводы).

Если раньше территория Центральной Азии рассматривалась только с позиции интересов геополитики, то сегодня на нее накладывается и геоэкономический интерес. Вопрос, куда в будущем будут направлены энергоресурсы Центральной Азии, имеет серьезное экономическое и политическое измерение: «будет ли это западное направление (ЕС и Атлантика) или южное (в сторону Индийского океана) или восточное (в сторону Китая, Японии и Тихого океана)?» [Богатуров 2011, с. 6]. Именно этот вопрос, по мнению А.Д. Богатурова, «обещает стать главным в формирующейся региональной политике» [Богатуров 2011, с. 6], так как он весьма важен не только для государств региона и государств, потенциальных потребителей энергоресурсов, а также для держав, нацеленных контролировать мировой рынок энергоресурсов.

Кроме того, за годы независимости страны региона завершили проекты по строительству железнодорожных путей в восточном и южном направлении (к примеру, Казахстан сегодня соединяет с Урумчи (Китай) достроенный участок железной дороги, Туркменистан построил железную дорогу до Мешхеда (Иран). Если раньше, в советское время, регион замыкался на Европейскую и Сибирскую часть России, то сегодня у региона имеется прямой путь на юг и создано альтернативное направление грузопотоков стран Центрально-Азиатского региона через Китай. Страны региона имеют на сегодня большое количество проектов по развитию транспортной инфраструктуры, носящих трансконтинентальный характер, реализация которых свяжет Азию и Европу. Открытие региона посредством транспортных коридоров во всех направлениях дает возможность странам региона в будущем переориентировать свои международные связи.

Как видится, типы политических, экономических и социальных реформ и преобразований, проведенных в странах Центрально-Азиатского региона, весьма разнятся, страны, несмотря на то что их объединяет желание получить больше выгод от борьбы и конкуренции со стороны внешних стран за регион, весьма пассивны в сотрудничестве и выработке общих стратегий по региональным проблемам.

Необходимо отметить, что общее советское прошлое у стран региона помогло центральноазиатским государственным политическим элитам четко сформулировать свои национальные интересы, поставив во главу угла собственные интересы по сохранению и укреплению государственного суверенитета, увеличению потенциала страны во всех сферах общественной жизни, повышению престижа на международной арене, достаточно взвешенно и четко указав приоритетные направления сотрудничества и меры по реализации данной цели в своих концепциях внешней политики. Страны региона стремились в некоторой степени переориентироваться от влияния Российской Федерации на политику своих стран в части обеспечения себя возможностью принятия самостоятельных решений, но важно, что при этом не дали себя «увлечь» эйфорией внедрения прозападных идей и ценностей (став оплотом Запада) или идей внедрения ислама в политическую среду. Все страны достаточно избирательно перенимали опыт развития других стран, как западных, так и азиатских, и в итоге установили светский характер государственной власти.

Перекрестное географическое положение региона является для него и преимуществом, и источником проблем. Сегодня страны Центральной Азии используются в качестве транзитных для аф-

ганского наркотрафика, поток которого частично оседает в России и направляется в Европу. Проблема наркотранзита является одним из потенциальных факторов, дестабилизирующих страны региона. Борьба правительств по пресечению потока наркотиков вызывает недовольство лидеров наркобизнеса (экстремистские движения, выступающие под исламистскими лозунгами), которые способны спровоцировать нечто наподобие «цветных революций», направленных против правительств стран региона.

Данная проблема неразрывно связана с проблемой Афганистана, события в котором напрямую влияют на регионально-политическую среду региона, накладываясь на взаимные претензии и пока неразрешенные проблемы между самими странами региона: территориальные, водные.

В начале своего пути в качестве независимых государств страны Центральной Азии – Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан – непосредственно столкнулись с проблемами безопасности, источником которых стало соседство с Афганистаном. Во времена гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) в рядах оппозиционных правительству Таджикистана сил воевали афганские боевики, финансовую и военную помощь Объединенная таджикская оппозиция тоже получала из Афганистана. Что касается Узбекистана и Кыргызстана, то радикально и экстремистски ориентированные группы в этих государствах также опирались на афганскую поддержку. Недавний захват власти режимом талибов в Афганистане многократно увеличил угрозы безопасности в этих странах и, возможно, похоронил надежды на дальнейшее включение территории Афганистана в общую территориально-экономическую зону. Сегодня Афганистан не только создает угрозу безопасности и стабильности в регионе, но и становится препятствием на пути развития связей региона в восточном направлении.

Кроме того, установление талибами полного контроля в Афганистане вскрыло явные различия в позициях и практических подходах стран к данной проблеме, став разобщающим фактором для стран Центральной Азии. Несмотря на общие взгляды и беспокойство по поводу безопасности, наркотрафика, терроризма и экстремизма, у стран региона фактически не обнаружилось общей четкой единой позиции по вопросу условий признания режима талибов. События в Афганистане обострили отношения Таджикистана и Кыргызстана. Если Таджикистан заявил о том, что в Афганистане должно быть создано инклюзивное правительство, отвечающее интересам всего афганского народа, то Кыргызстан неожиданно направил в Кабул 23 сентября 2021 г. своего заместителя председателя совета безопасности для переговоров с талибами,

обосновывая свой шаг тем, что непризнание свершившегося факта захвата власти талибами провоцирует ухудшение ситуации в регионе. Позиция Узбекистана, по мнению узбекских экспертов Фархода Толипова и Рустама Махмудова,

...разительно отличается от позиции Таджикистана, который принципиально не признает власть «Талибана» в Афганистане. В этом кажущемся контрасте, на самом деле, скрыто и сходство позиций: оба государства выступают за создание инклюзивного коалиционного правительства в этой стране и осуждают насильственный захват власти одной группировкой [Central Asian Analytical Network, 2021].

Однако, по мнению узбекских экспертов, Узбекистан в силу того, что он крупнее, густонаселеннее, должен «быть более осторожным в своей политике с целью избежать чувствительных вопросов и различных провокаций» [Central Asian Analytical Network, 2021].

Что касается Казахстана, не имеющего общей границы с Афганистаном, то он проявлял более-менее выраженные позиции лишь в контексте международных антитеррористических и гуманитарных операций последних лет. Однако стоит отметить факт, что на фоне происходивших событий в Афганистане Казахстан передал Таджикистану внушительный объем военной помощи для поддержания безопасности [Джураев 2021].

Туркменистан же выступает за формирование механизма партнерства со странами-соседями, что «способствует активизации многосторонних усилий касательно ИРА». Туркменистан считает, что «необходимо возобновить партнерство с Афганистаном в области политики, экономики и культурно-гуманитарной сфере» [Балтаева 2022].

Таким образом, каждая страна региона имеет свою собственную позицию, основанную на собственных интересах, региональная общая позиция может быть выработана только при условии реализации общей обеспокоенности по вопросу безопасности.

Литература

Балтаева 2022 – Балтаева С. Туркменистан призвал страны-соседи возобновить всесторонне сотрудничество с Афганистаном [Электронный ресурс]. URL: <https://sng.today/ashkhabad/22229-turkmenistan-prizval-strany-sosedi-vozobnovit-vsestonne-sotrudnichestvo-s-afganistanom.html> (дата обращения 3 мая 2022).

Богатуров 2011 – *Богатуров А.Д. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы* / Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.С. и др. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Бураев 2011 – *Бураев А.И.* К вопросу о применении термина «Центральная Азия» в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 142–146.

Гафуров, Мирошников 1976 – *Гафуров Б.Г., Мирошников Л.И.* Изучение цивилизаций Центральной Азии. М.: Наука, 1976. 124 с.

Горшенина 2019 – *Горшенина С.М.* Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой / Пер. с фр. М.Р. Майзульса. Вашингтон: Университет Джорджа Вашингтона, 2019. 119 с.

Джураев 2021 – *Джураев Э.* Как Центральная Азия Талибан встречала [Электронный ресурс]. URL: https://globalbrief.ca/2021/10/central_asia_taliban/ (дата обращения 20 октября 2021).

Казанцев 2008 – *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет, 2008. 361 с.

Чжоу Цзюнь 2017 – *Чжоу Цзюнь.* Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 164–171.

Central Asian Analytical Network 2021 – Как выстраивается политика Узбекистана в новых реалиях Афганистана? 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caa-network.org/archives/22144/kak-vystraivaetsya-politika-uzbekistana-v-novyh-realiyah-afganistana> (дата обращения 20 октября 2021).

References

Baltaeva, S. (2022), *Turkmenistan prizval strany-sosedi vozobnovit' vsestoronno sotrudnichestvo s Afganistanom* [Turkmenistan called on neighboring countries to resume comprehensive cooperation with Afghanistan], available at: <https://sng.today/ashkhabad/22229-turkmenistan-prizval-strany-sosedi-vozobnovit-vsestoronne-sotrudnichestvo-s-afganistanom.html> (Accessed 3 May 2022).

Bogaturov, A.D., Dundich, A.S., Korgun, V.S. et al. (2011), *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii: sobytiya i dokumenty* [International relations in Central Asia. Events and documents], Aspect Press, Moscow, Russia.

Buraev, A.I. (2011), “On the question of the use of the term” Central Asia “in historical research”, *The BSU Bulletin*, no. 8, pp. 142–146.

Gafurov, B.G. and Miroshnikov, L.I. (1976), *Izuchenie tsivilizatsii Tsentral'noi Azii* [Study of the Civilizations of Central Asia], Nauka, Moscow, USSR.

Gorshenina, S.M. (2019), *Izobretenie kontsepta Srednei / Tsentral'noi Azii: mezhdru naukoj i geopolitikoj* [Inventing the Concept of Central / Central Asia. Between Science and Geopolitics], Maisuls, M.R. (transl.), George Washington University, Washington, USA.

Dzhuraev, E. (2021), *Kak Tsentral'naya Aziya Taliban vstrechala* [How Central Asia was meeting the Taliban], available at: https://globalbrief.ca/2021/10/central_asia_taliban/ (Accessed 20 October 2021).

Kazantsev, A.A. (2008), “*Bol'shaya igra*” s neizvestnymi pravilami: mirovaya politika i Tsentral'naya Aziya [“The Great Game” with Unknown Rules. World Politics and Central Asia], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia.

Central Asian Analytical Network (2021), “How is Uzbekistan’s policy being built in the new realities of Afghanistan?”, available at: <https://www.caa-network.org/archives/22144/kak-vystraivaetsya-politika-uzbekistana-v-novyh-realiyah-afganistana> (Accessed 20 October 2021).

Zhou Jun (2017), “The Value of the Central Asian States in World Politics”, *Administrative Consulting*, no. 3, pp. 164–171.

Информация об авторе

Шахноза Р. Негматова, кандидат исторических наук, доцент, Российско-Таджикской (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан; 734025, Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, д. 30; negmatova.sh@mail.ru

Information about the author

Shakhnoza R. Negmatova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan; bld. 30, M. Tursunzade Street, Dushanbe, Tajikistan, 734025; negmatova.sh@mail.ru

Наполеон Бонапарт и Генрих де Гиз: конструирование образа власти в эпоху Первой империи во Франции

Марина В. Кущева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kusheva@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать малоизученный эпизод, связанный с исторической политикой в эпоху Первой империи во Франции. Революция и приход к власти императора актуализировали многие события прошлого, рецепция которых происходила в разных, в том числе художественных, формах. В статье рассматривается пример попытки выступить в оппозиции императору и разрушить создаваемый им образ легитимного харизматического национального лидера посредством исторической трагедии. Ф.Ж.М. Ренуар, драматург и участник революции, в пьесе «Генеральные штаты в Блуа, или смерть герцога де Гиза», написанной фактически по заказу власти, посредством обращения к истории XVI в. подверг критике узурпацию трона Наполеоном. Эта трагедия была запрещена к постановке до 1814 г., а образ герцога де Гиза – главы католической партии, выведенный в произведении, вызвал негодование императора. Делается вывод о том, что Наполеон старался конструировать имидж собственной власти, апеллируя к историческим примерам. Среди многочисленных политических деятелей прошлого, с которыми себя ассоциировал император, достаточно неожиданно оказался герцог Генрих де Гиз, который в исторической культуре начала XIX в. имел репутацию не столько харизматического лидера, сколько мятежника и незаконного претендента на престол, что успешно использовала оппозиция в своих антибонапартистских произведениях.

Ключевые слова: наполеоновская эпоха, Наполеон Бонапарт, политика памяти (историческая политика), формы репрезентации прошлого, французский театр XIX века, Франсуа Жюст Мари Ренуар, Генрих I де Гиз

Для цитирования: Кущева М.В. Наполеон Бонапарт и Генрих де Гиз: конструирование образа власти в эпоху Первой империи во Франции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 65–74. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-65-74

Napoleon Bonaparte and Henry de Guise. Constructing an image of the power in the age of the First Empire

Marina V. Kushcheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kusheva@mail.ru*

Abstract. The article attempts to analyze a little-studied episode related to historical politics in the era of the First Empire in France. The revolution and the coming to power of the emperor actualized many events of the past, the reception of which took place in various, including artistic forms. The article considers an example of an attempt to act in opposition to the emperor and destroy the image of a legitimate charismatic national leader created by him through a historical tragedy. F.J.M. Renoir, a playwright and participant in the revolution, criticized the usurpation of the throne by Napoleon by referring to the history of the 16th century in the play “The States-General in Blois, or the death of the Duke of Guise”, written actually by order of the authorities. That tragedy was forbidden to be staged until 1814, and the image of the Duke of Guise, the head of the Catholic party, displayed in the work, aroused the emperor’s indignation. The article concludes that Napoleon tried to construct the image of his own power, appealing to historical examples. Among the numerous political figures of the past with whom the emperor associated himself, unexpectedly turned out to be Duke Henry de Guise, who in the historical culture of the early 19th century had a reputation not so much as a charismatic leader, as a rebel and an illegal pretender to the throne, what the opposition successfully used in its anti- Bonapart works.

Keywords: Napoleonic era, Napoleon Bonaparte, politics of memory (historical policy), ways of historical representation, 19th century French theater, François Just Marie Raynouard, Henry I Duke of Guise (Henry de Guise)

For citation: Kushcheva, M.V. (2022), “Napoleon Bonaparte and Henry de Guise. Constructing an image of the power in the age of the First Empire”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 65–74, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-65-74

Наполеоновская эпоха во Франции – период неоднозначный и переломный во всех отношениях. Наряду с политическими и социальными экспериментами происходил поиск новых форм культуры и новаторских методов репрезентации прошлого. Эти тенденции нашли свое отражение и в определенной исторической политике Первой империи. Она проводилась различными путями, включая

вмешательство самого императора в формирование «исторического» репертуара ведущих французских театров.

Об огромном интересе Наполеона к театральной жизни в столице писали многие исследователи [Дейч 1934; Постникова 2015; Sorin 1888]. Однако в историографии отсутствует устоявшаяся точка зрения на сущность историко-культурной политики Наполеона, особенно относительно театра. Часто можно встретить мнение, что драматургия подвергалась достаточно жесткой цензуре, произведения всегда отбирались лично императором, особенно это касалось исторических трагедий. Исследователи утверждают, что «в эпоху Империи обсуждать вопросы политики было невозможно» [Реизов 1958, с. 17]. Наполеон видел все завуалированные намеки и пресекал малейшие попытки критики собственной власти. Даже абстрактная философско-историческая концепция, содержащаяся в пьесе, могла вызвать недовольство императора [Реизов 1962, с. 31, 37–38]. Согласно другой точке зрения, театральная жизнь была относительно свободной и независимой, «Наполеон не запрещал даже довольно смелые пьесы» [Постникова 2015, с. 331]. Более того, позиция императора способствовала развитию и становлению во Франции исторической драматургии. Многочисленные примеры сценических постановок дают нам возможность проследить особенности формирования репертуара французской сцены, являвшиеся проявлением не столько культурной, сколько исторической политики, которой император придавал большое значение. Несмотря на очевидную важность данного направления внутренней политики, проблема формирования образа власти посредством обращения к прошлому в эпоху Первой империи почти никогда не затрагивается даже авторами современных трудов о Наполеоне [Боботов 1998; Gueniffey 2013].

Одним из примеров проявления интереса императора к этим вопросам является ситуация, сложившаяся вокруг создания и постановки трагедии Ф.Ж.М. Ренуара «Генеральные штаты в Блуа, или смерть герцога де Гиза»¹. Это малоисследованное и практически забытое в наше время произведение является примером оппозиционности режиму Первой империи. С другой стороны, реакция на нее Наполеона весьма показательна для понимания особенностей конструирования образа собственной власти императором.

Несмотря на популярность античных тем и героев, в начале XIX в. писатели и поэты все чаще начинают присматриваться к собственной истории как к источнику драматических коллизий. Основная задача, которая ставилась перед авторами – написание

---

¹ Raynouard F.-J.-M. Les états de Blois. Paris: Mame frères, 1814.

пьес, отражающих события прошлого в патриотическом, а при Наполеоне – в имперском дискурсе.

Историческая политика в эпоху Первой империи не давала полной свободы авторам как для выбора сюжетов, так и для проявления своей гражданской позиции. Однако относительная мягкость театральной цензуры и сложившаяся в годы революции традиция использовать театр в качестве политической трибуны порождали интересные прецеденты. Все эти проблемы и социальные конфликты вокруг репрезентации национальной истории нашли отражение в казусе Ренуара – создателя трагедии «Штаты в Блуа».

Надо сказать, что история XVI в., которая вдохновила в данном случае драматурга, была выбрана им не случайно. Эпоха Религиозных войн, период национального раскола, восстаний против власти и угасания одной из королевских династий Франции живо интересовала авторов, поскольку давала богатый материал не только для рецепции прошлого, но и для осмысления настоящего. Уже в самом начале революционных событий М.Ж. Шенье выступил с разоблачением королевской власти, опираясь на этот благодатный материал².

Развитию жанра национальной трагедии в эпоху Первой империи способствовало то, что сам Наполеон и Французская академия активно поощряли авторов выбирать сюжеты из национального прошлого для своих произведений. Однако это стремление к развитию исторического жанра тормозилось тем, что появление таких пьес и романов регламентировалось цензурой, как официальной, так и неофициальной. Наполеон часто лично знакомился с произведениями, их создателями, актерами и принимал решения, руководствуясь как государственными интересами, так и собственными вкусами и философско-историческими взглядами. Известны случаи, когда император разрешал ставить запрещенные ранее произведения на сцене после разговора с автором лично.

Важным критерием одобрения пьесы служил период, который лежал в основе сюжета. Так, император не рекомендовал к изображению на сцене недавние исторические события, боясь возбудить ненужные страсти в обществе и «придать ложное направление общественному мнению» [Реизов 1962, с. 29]. Тем не менее Наполеон хорошо понимал необходимость использовать историю, особенно в литературной обработке, для просвещения и пропаганды. Исследования в этой области дают основания утверждать, что репертуар

---

² *Chénier M.J.* Charles IX, ou La Saint-Barthélemi; tragédie en cinq actes // Œuvres de M.J. Chénier, membre de l'Institut. T. I. Paris: Guillaume, Libraire, 1826.

французских театров пополнялся, в том числе, заказными сюжетами [Реизов 1962; Sorin 1888]. Они были частью исторической политики, проводимой Наполеоном. Активное поощрение авторов, адаптирующих подобные темы для французской сцены, рекомендации относительно выбора периода и персонажей нередко заменяли жесткую цензуру.

Поэтому он обратился к министру полиции Ж. Фуше с советом предложить драматургу и бывшему жирондисту Франсуа-Жюсту-Мари Ренуару в качестве сюжета одной из пьес эпохи утверждения Каролингов на престоле, поскольку это могло послужить оправданием его собственной узурпации власти [Реизов 1962, с. 36]. Ренуар к тому времени был уже достаточно опытным и довольно успешным автором, воплощавшим в своих драматических произведениях события как античной, так и средневековой французской истории. Он считал, что именно национальная трагедия должна стать жанром, который способен восполнить потребность в подлинно народном театре. Нередко эти трагедии становились выражением оппозиционных настроений их создателей и смелым публичным политическим заявлением. Предложение императора может вызвать некоторое удивление у исследователей, поскольку философско-историческая концепция Ренуара, воплощенная им в предыдущей пьесе о тамплиерах³, спровоцировала негативную реакцию Наполеона, несмотря на художественные достоинства трагедии. Ренуар проявил себя как независимый, даже оппозиционный автор, представив тамплиеров в качестве национальных героев и осудив действия королевской власти. Однако, как это часто бывало, Бонапарт стремился привлечь на службу талантливых людей, надеясь убедить их в ошибочном восприятии истории и современной действительности. Существует миф о том, что император составил более благоприятное впечатление о драматурге после личной беседы с ним. Скорее всего, Наполеон не виделся лично с Ренуаром, а легенда об их беседе возникла позже. Однако она отразила популярную точку зрения на механизмы формирования репертуара театров и особенности взаимодействия власти и деятелей культуры в эту эпоху.

В ответ на настойчивое пожелание главы государства взять для своих пьес другой, более нейтральный или даже благоприятный для нынешней власти средневековый сюжет Ренуар в 1804 г., в год коронации императора, пишет еще одну трагедию, демонстрирующую его принципиальное расхождение с Наполеоном по многим вопросам общественной жизни и закрепившую за ним статус оппозиционера.

---

³ *Raynouard F.-J.-M. Les Templiers. Paris, 1814.*

Представленная Ренуаром историческая трагедия «Штаты в Блуа»⁴ была посвящена одному из символических событий в истории Франции – Генеральным штатам, созванным королем Генрихом III в 1588 г., во время Религиозных войн и произошедшему на них убийству герцога де Гиза, фактического лидера католической Франции, политического оппонента монарха, считавшегося в исторической традиции претендентом на престол. Пьесе предшествовал обширнейший исторический очерк самого Ренуара. Уже в этом предисловии, написанном, вероятно всего, к постановке 1814 г., отчетливо проступает замысел автора: никакие причины не могут оправдать попытку свержения законного монарха.

Конфликт в пьесе развивается между Генрихом де Гизом, с одной стороны, и королевой Екатериной Медичи, Генрихом Наваррским и королем Генрихом III – с другой. Но все же, главное противостояние в этой трагедии – противоборство главы Католической лиги и его брата Шарля, герцога Майеннского, который является одним из ключевых персонажей пьесы. Гиз считает, что слабость королевской власти, опасность, исходящая от протестантов, и бедствия королевства дают ему право занять престол. Этого требуют интересы государства, которые совпадают с интересами самого герцога. Его любит народ, который имеет право при некоторых условиях сам избрать себе правителя, а герцог обладает для этой роли всеми необходимыми качествами и соответствующим происхождением. Его брат выступает выразителем точки зрения автора. Он считает, что беззаконие, совершаемое человеком, наделенным всевозможными талантами и имеющим поддержку общества, не становится меньшим. Французский престол нельзя узурпировать, даже если этого требуют интересы государства. Политическое преступление остается преступлением, даже если римский папа или французский народ поддерживают его, это только делает их соучастниками беззакония. Вокруг этих размышлений о легитимности власти и незаконности любой ее узурпации, даже во имя общего блага, строится все драматическое повествование в пьесе.

Образ герцога в этом произведении достаточно многомерен и противоречив. С одной стороны, он истинный воин и патриот, смелый, благородный, прекрасный оратор и любимец парижан. Он выказывает благородные чувства и отказывается убить короля, чтобы узурпировать престол. С другой стороны, он оправдывает собственное стремление к власти абстрактным общим благом, интересами государства, поддержкой народа и католической церкви:

---

⁴ *Raynouard F.-J.-M. Les états de Blois...*

«Меньше будем думать о себе, чем о несчастьях Франции, // я хочу, чтобы ее спасение облагородило мою месть»⁵. Характерно, что герцог постоянно говорит о благе отечества, народа и церкви в контексте собственных эгоистических интересов, связанных с отпущением протестантам и двору за гибель отца. Этот персонаж в пьесе Ренуара является наследником определенной литературной и историографической традиции, которая начиная с конца XVI в. изображала герцога макиавеллистом, убежденным, что высокие цели оправдывают любые средства. Мнение автора также выражает в пьесе Крийон, прославленный полководец и сторонник короля: «Гиз был бы дорог и принцу, и французам, // Если бы сумел остаться первым среди подданных»⁶.

Ренуар неслучайно изображает Генриха де Гиза яркой, сильной и неоднозначной личностью. Образ главы Католической лиги, стоявшего на пороге свержения Валуа и основания собственной династии, – несомненный намек на самого Наполеона, что было очевидно для всех зрителей и читателей этой пьесы. Споры герцога с братом о возможности и законности опоры на народ и церковь в обход незабываемой правовой традиции Французского королевства вызывали ассоциации с утверждением императора у власти путем переворота с последующим плебисцитом и коронацией Папой Римским. Может ли государственный интерес и желание народа быть достаточной опорой политической власти? На этот вопрос автор пьесы дает однозначно отрицательный ответ, вызвав этим раздражение Наполеона Бонапарта. Неслучайно пьеса была запрещена императором после единственного показа в замке Сен-Клу в 1810 г., но торжественно поставлена в 1814 г., когда «законная династия» вернулась на престол. Это стало не столько культурным событием, сколько политической акцией, направленной на дискредитацию фигуры императора и поддержку легитимной династии. В дискурсе исторической культуры эпохи Реставрации это произведение приобрело пропагандистское звучание, поскольку в нем осуждалась узурпация власти, что в условиях раскола общества и успеха бонапартистских настроений было важной частью исторической политики.

Однако интересен и другой аспект этого казуса, который приобретает значение как в рамках исторической политики Наполеона, так и для формирования образа Генриха де Гиза в рамках исторической культуры XIX в. Император очень высоко оценивал личность и деятельность главы Католической лиги и в какой-то

⁵ Raynouard F.-J.-M. Les états de Blois... P. 249.

⁶ Ibid. P. 297.

мере ассоциировал себя с ним. Несмотря на то, что «Штаты в Блуа» не являлись выдающимся драматическим произведением, что император несомненно осознавал, пьеса произвела на него настолько сильное впечатление, что он вспоминал о ней даже изгнании. Причина этого, как следует из его собственных слов, – неравнодушие к образу Генриха де Гиза, созданного Ренуаром. Как заметил советский литературовед Б.Г. Реизов:

...он сочувствовал не королю... а Гюизу, который едва не стал основателем четвертой династии. Очевидно, император видел в талантливом и энергичном герцоге, за которым стоял народ, своего предшественника [Реизов 1962, с. 44].

Это подтверждается и словами самого Наполеона, который дал собственную оценку не только образу герцога в пьесе, но и высоко оценил его таланты и историческую роль:

Герцог Гиз был одним из самых величайших деятелей своего времени, он обладал выдающимися качествами и талантами; ему не хватило только дерзновения, чтобы еще тогда основать четвертую династию...⁷

Что же заставило императора проникнуться судьбой герцога, а точнее, негодовать по поводу искажения его образа, которое, по его мнению, сознательно предпринял драматург? Помимо очевидных аллюзий, которых добивался и сам Ренуар, император, как мы видим, был очарован качествами настоящего национального политического лидера, которые он приписывал Гизу. Почему у императора сформировался именно такой образ, учитывая, что в историографической традиции благодаря протестантским полемистам, официальным авторам XVII–XVIII вв. и Вольтеру он был представлен мятежником, фанатиком и лицемером? Самостоятельность и оригинальность суждений, независимость оценок, присущие императору, сыграли здесь определенную роль. Однако имело место и намеренное конструирование исторического образа с политическими целями. Бонапарт не просто видел в герцоге своего предшественника, с которым у него было много общего: военные таланты, неутомимая энергия и политическая воля. Подобных персонажей было немало в истории Франции и других стран.

---

⁷ *Las Cases E. de Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal où se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois. Paris, 1823. T. II. P. 307.*

Сознательно представляя себя более решительным и удачливым продолжателем дела герцога, он пытался создать собственный образ «народного вождя» и харизматичного лидера, спасающего страну от слабой, разрушающей страну власти, не побоявшегося воплотить самые смелые, но вполне рациональные проекты своих предшественников.

Литература

- Боботов 1998 – *Боботов С.В.* Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель. М.: Контракт, 1998. 335 с.
- Дейч 1934 – *Дейч А.И.* Франсуа-Жозеф Тальма. М.: Жургаз, 1934 (ЖЗЛ). 304 с.
- Постникова 2015 – *Постникова А.А.* Театр в исторической политике Первой империи во Франции // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 321–333.
- Реизов 1958 – *Реизов Б.Г.* Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Художественная литература, 1958. 556 с.
- Реизов 1962 – *Реизов Б.Г.* Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период Первой империи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 257 с.
- Copin 1888 – *Copin A.* Talma et l'Empire. 2e éd. Paris, 1888. 396 p.
- Gueniffey 2013 – *Gueniffey P.* Bonaparte. Paris: Gallimard, 2013. 860 p.

References

- Bobotov, S.V. (1998), *Napoleon Bonapart – reformator i zakonodatel'* [Napoleon Bonaparte – reformer and legislator], Kontakt, Moscow, Russia.
- Copin, A. (1888), *Talma et l'Empire*, Paris, France.
- Deich, A.I. (1934), *Fransua Zhozef Tal'ma* [François Joseph Talma], Zhurgaz, Moscow, Russia.
- Gueniffey, P. (2013), *Bonaparte*, Gallimard, Paris, France. 860 p.
- Postnikova, A.A. (2015), “Theater in the historical politics of the First Empire in France”, *Dialogue with Time*, iss. 51, pp. 321–333.
- Reizov, B.G. (1958), *Frantsuzskii istoricheskii roman v epokhu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, Russia.
- Reizov, B.G. (1962), *Mezhdu klassitsizmom i romantizmom. Spor o drame v period Pervoi imperii* [Between classicism and romanticism. Dispute about drama in the period of the First Empire], LGU, Leningrad, Russia.

Информация об авторе

Марина В. Куцева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kusheva@mail.ru

Information about the author

Marina V. Kushcheva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kusheva@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 339.5(510)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-75-89

Политика развития Морского шелкового пути: возможности для России (на примере Северного морского пути)

Джавахар В. Бхагват

*Университет Мумбаи, Мумбаи, Индия, Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия, jawahar.bhagwat@gmail.com*

Аннотация. Развитие Морского шелкового пути (МШП) XXI в. представляет важность в целях использования в России позитивных аспектов этой политики для развития Северного морского пути (СМП). Глобальный характер китайской инициативы Морского шелкового пути и в целом «Один пояс – один путь» подчеркивается ростом участия заинтересованных стран в их развитии. Позитивные аспекты политики развития МШП представляют важность для развития СМП. В рамках исследования особенностей политики развития МШП проведен анализ ряда работ зарубежных и российских авторов, а также официальных данных о разработке, реализации транспортной политики Китая. При этом применялись инструменты дискурсивного и политического анализа, методы реферирования, систематизации исследовательских позиций, стратегий, официальных данных, а также институционального подхода. Проведенный анализ особенностей транспортной политики КНР показал, что существуют потенциальные возможности их применения в России для развития СМП. В работе обобщены рекомендации по развитию транспортной политики РФ в отношении СМП: необходимость разработки комплекса мероприятий для активизации международного интереса; важность проведения сравнительного анализа с китайской политикой продвижения МШП.

Ключевые слова: Китай, Морской шелковый путь, Один пояс – один путь, “BRI”, Северный морской путь, транспортная политика

Для цитирования: Бхагват Д. Политика развития Морского шелкового пути: возможности для России (на примере Северного морского пути) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 75–89. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-75-89

© Бхагват Д.В., 2022

State policy for the development of the Maritime Silk Road. Opportunities for Russia (example of the Northern Sea Route)

Jawahar V. Bhagwat

*University of Mumbai, Mumbai, India,
Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Arkhangelsk, Russia, jawahar.bhagwat@gmail.com*

Abstract. The development of the Maritime Silk Road (MSR) of the 21st century is important in order to use the positive aspects of that policy in Russia for the development of the Northern Sea Route (NSR). The global nature of the Chinese Maritime Silk Road initiative and, in general, “One Belt, One Road” is emphasized by the growing participation of interested countries in their development. The positive aspects of the MSR development policy are important for the development of the NSR. As part of the study in the specifics of the MSR, development policy a number of works by international and Russian authors, as well as official data on the development and implementation of the Chinese transport policy, were analyzed. At the same time, tools of discursive and political analysis, methods of abstracting, data collection, systematization of research positions, strategies, official data, as well as the use of an institutional approach were used. Analyzing the features of the China transport policy showed some possibilities of their application in Russia for the development of the NSR. The paper summarizes recommendations on the development of the transport policy of the Russian Federation in relation to the NSR: the need to develop a set of measures to enhance international interest; the importance of conducting a comparative analysis with the Chinese policy of promoting the MSR.

Keywords: China, Maritime Silk Road, “One Belt – One Road” (“BRI”), Northern Sea Route, transport policy

For citation: Bhagwat, J. (2022), “State policy for the development of the Maritime Silk Road. Opportunities for Russia (example of the Northern Sea Route)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 75–89, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-75-89

Введение

Актуальность исследования политики КНР и других стран в сфере развития Морского шелкового пути XXI в. (*англ.* “Maritime Silk Road”, “MSR”, далее «МШП») для применения зарубежного опыта в российской политике развития Северного морского пути

(англ. “Northern Sea Route”, “NSR”, далее СМП) не вызывает сомнений в силу сопоставимости и глобальной важности этих конкурентных морских торговых маршрутов, поскольку оба они могут быть использованы для увеличения объемов торговли между Европой и Азией. Китай в 2013 г. представил концепцию «МШП», как стратегию развития инфраструктуры морского транспорта, которая является вводной частью глобальной инициативы КНР «Один пояс – один путь» (англ. “One Belt – One Road”, OBOR, или “Belt and Road Initiative”, BRI, далее “BRI”), направленной на усиление влияния Китая в Азии с помощью увеличения инвестиций, развития сотрудничества на основе истории Шелкового пути¹. Важность «МШП» и в целом “BRI” подчеркивается ростом участия заинтересованных стран в их развитии².

Транспортные маршруты, инфраструктура и услуги уже давно считаются ключевыми составляющими темпов и структуры экономического роста. Поэтому результаты исследования особенностей китайской политики по развитию «МШП» характеризуются теоретической и практической важностью, а также представляются инструментом для формирования задач российской политики по развитию СМП.

Методология исследования

Эмпирическую базу исследования составляют материалы российских и зарубежных исследователей, аналитических и научных центров, другие данные в политологической и смежных отраслях, охватывающие весь период политического развития глобальной китайской концепции «МШП», объявленной в 2013 г., и ее институциональных элементов. Методология исследования определяется инструментами дискурсивного и политического анализа, системного подхода, методами реферирования, сбора данных, систематизации исследовательских позиций, стратегий, официальных данных, а также применением институционального подхода.

¹ Kuo L., Kommenda N. What is China’s Belt and Road Initiative? [Электронный ресурс] // TheGuardian. 2018. 30 июня. URL: <https://www.theguardian.com/cities/ng-interactive/2018/jul/30/what-china-belt-road-initiative-silk-road-explainer> (дата обращения 30 марта 2022).

² Си Цзиньпин подвел итоги второго форума «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2019. 27 апреля. URL: <https://ria.ru/20190427/1553109814.html> (дата обращения 30 марта 2022).

Обзор литературы

Относительно политических вопросов реализации КНР инициативы «МШП» и в целом «BRI» в научной среде нет единого подхода, учеными разных стран используются различные методы политического анализа и аргументируются разнополярные суждения с оценками от глобальной важности до военной угрозы, исходящей от «МШП». Стоит отметить, что особенности международного сотрудничества, взаимных отношений Китая и России с другими странами в рамках инициативы «МШП» и проекта СМП исследуются многими учеными, среди которых следует отметить труды Е.П. Бажанова³, А.Д. Воскресенского, С.Г. Лузянина, А.В. Лукина, В.Е. Петровского, В.Я. Портякова, М.Л. Титаренко и др. авторов.

Обещания России активизировать сотрудничество с Китаем в рамках «BRI» оцениваются многими экспертами скептически, поскольку союз КНР с РФ экономически ассиметричен в силу превосходства экономики Китая над российской более чем в 8 раз [Лексина 2014, с. 102]. Обозначенные тезисы исследователей разных стран показывают важность двух факторов. Во-первых, в большинстве исследуемых работ комплекс мероприятий «МШП» неотделим от системы мероприятий «BRI» в целом, что не позволяет определить содержание непосредственно инициативы «МШП». Во-вторых, в настоящее время в источниках отсутствует четкий перечень элементов «МШП», что отражает признак динамичности китайской инициативы.

Развитие МШП в контексте государственной транспортной политики КНР

Государственная транспортная политика КНР формируется Государственным советом Китая. На сайте Госсовета КНР представлены три документа (Белые книги): «Устойчивое развитие транспорта в Китае», «Развитие энергетики Китая в новую эру», «Международное сотрудничество в целях развития Китая в новую

---

³ Бажанов Е.П. Лучше дружить с Китаем, а не против него [Электронный ресурс] // Независимая газета. Дипкурьер. 2011. 14 февраля. URL: https://www.ng.ru/courier/2011-02-14/10_china.html (дата обращения 30 марта 2022).

эру»⁴. 29 декабря 2016 г. Госсоветом КНР была опубликована предыдущая Белая книга развития транспорта Китая (далее – Белая книга)⁵. В пятом разделе Белой книги указана необходимость разработки морских путей для МШП. 19 сентября 2019 г. Госсоветом была утверждена следующая Белая книга⁶. Документы разделены на три категории: комплексного планирования; специального планирования; инвестиционного планирования⁷. В общий пакет документов комплексного планирования включено Уведомление Минтранса о реализации программы стратегического планирования в сфере транспорта в 2020 г.⁸, приложения которого обобщают уровень финансирования 166 НИР, в том числе 4 НИР в рамках «МШП». Изучая эти документы, можно сделать вывод, что Китай не только поддерживает инвестиции в инфраструктуру, но и фокусируется на высоких технологиях, например, на развитии концепции «Цифровой океан» (“Digital Ocean”)⁹. В документах отражена Программа инвестиций в основной капитал транспорта на 2021 г., в которой предусмотрено финансирование зеленых технологий, применимых в «МШП»¹⁰. Содержание двух Белых книг позволяет обобщить актуальные признаки транспортной политики Китая: признак преемственности и развития основных программных

⁴ Сведения сайта Госсовета КНР. 2022 [Электронный ресурс] URL: <http://www.scio.gov.cn/index.htm> (дата обращения 31 марта 2022).

⁵ 中国交通运输发展 (2016年12月) 中华人民共和国国务院新闻办公室. 2016. 12 декабря [Электронный ресурс] URL: <http://www.scio.gov.cn/wz/Document/1537413/1537413.htm> (дата обращения 31 марта 2022).

⁶ 中共中央国务院印发《交通强国建设纲要》. 2019. 19 мая URL: http://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zcyjs/202006/t20200623_3307512.html (дата обращения 31 марта 2022).

⁷ Сведения сайта Минтранспорта КНР. 2022 [Электронный ресурс] URL: <http://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/> (дата обращения 31 марта 2022).

⁸ 交通运输部关于下达2020年度交通运输战略规划政策项目计划的通知. 2022. URL: http://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202007/t20200703_3330429.html (дата обращения 31 марта 2022).

⁹ *Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В.* Геоинформационное сопровождение Средиземноморской ветви Шелкового пути [Электронный ресурс] // Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Междунар. конф. М.: Изд-во МГУ, 2019. Т. 25. Ч. 1. С. 102–113. URL: <http://intercarto.msu.ru/jour/article.php?articleId=663&lang=ru> (дата обращения 31 марта 2022).

¹⁰ 2020年度水运工程一级工法评审结果. 2021. 18 января [Электронный ресурс]. URL: http://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202101/t20210118_3516070.html (дата обращения 31 марта 2022).

направлений, среди которых обозначены и мероприятия; признак стратегического характера мероприятий; признак эволюции политики, содержание которой не систематизировано в одном документе, но отражено в различных ведомственных документах (до настоящего времени опубликовано 23 документа)¹¹; признак научности, инновационности мероприятий, поскольку имеет место большое внимание к финансированию, реализации научно-исследовательской, инновационно-технологической составляющих инициативы.

Специальные институты реализации транспортной политики «МШП»

Целенаправленная работа в рамках транспортной политики «МШП» разрабатывается, организуется, контролируется и распространяется не Минтранспортом КНР и его подразделениями, а специально созданными институтами: подразделением Национального комитета КНР по развитию и реформам (далее – Административная группа “BRI”) и исследовательским центром КНР “BRI”. Поэтому представляется логичным рассматривать инициативу «МШП» как комплексную политику КНР по реализации множества разноотраслевых мероприятий внутреннего и международного содержания. Административная группа “BRI” выполняет управляющую функцию. Именно она несет ответственность за продвижение и реализацию мероприятий строительства¹². Эта группа периодически публикует отчеты о своей деятельности¹³. Информационно-коммуникативный институт включает официальный сайт Административной группы “BRI”¹⁴, информативные элементы которого отражают данные на шести языках по шести

---

¹¹ 韩正主持召开推进“一带一路”建设工作领导小组会议. 2018. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-05/25/content_5293741.htm (дата обращения 31 марта 2022).

¹² Там же.

¹³ The Belt and Road Initiative: Progress, Contributions and Prospects [Электронный ресурс] // China – Permanent Mission to the United Nations. 2019. URL: <http://www.china-un.ch/eng/zywjyjh/t1675564.htm> (дата обращения 31 марта 2022).

¹⁴ Сведения сайта Административной группы “BRI” «Один пояс – один путь» КНР. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/info/iList.jsp?cat_id=10009 (дата обращения 31 марта 2022).

разделах. Исследовательский центр КНР «BRI» проводит систематизацию научно-исследовательских и прочих данных¹⁵.

Однако консультативным механизмом, который был сформирован на 1-м форуме «BRI» в 2017 г., было рекомендовано принять ряд мер, включая создание Совета директоров, Секретариат, Совет консультантов и Научно-исследовательский и учебный институты¹⁶. Важно отметить, что в эту группу входят международные эксперты, которые дают предложения по совершенствованию государственной политики¹⁷. Кроме того, благодаря участию 140 стран и 29 международных организаций и китайским инвестициям в размере 755 млрд долларов США многие международные исследовательские центры опубликовали отчеты о политике и ходе реализации проектов «МШП»¹⁸. Таким образом, институциональная система реализации политики «МШП» включает элементы управленческого, научно-исследовательского и информационно-коммуникативного характера, которые характеризуют высокий статус и комплексный характер этой политики.

Основные институциональные особенности российской транспортной политики, реализующей СМП

СМП был открыт для иностранных перевозок в 1991 г. Однако в 1990-е гг. это не было предметом особого внимания государственной политики, и объем перевозимых грузов резко сократился из-за отмены государственных субсидий. Ситуация изменилась в XXI в., поскольку правительство осознало важность Арктики для

¹⁵ Сведения сайта Исследовательского центра КНР «Один пояс – один путь» 2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ciis.org.cn/udylyjzx/> (дата обращения 31 марта 2022).

¹⁶ For A Better World // Advisory Council of the Belt and Road Forum for International Cooperation Belt and Road Cooperation 2021. 18 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zygy_663314/gyhd_663338/202112/t20211218_10471545.html (дата обращения 31 марта 2022).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ China's Belt and Road Initiative: Measuring the impact of improving transport connectivity international trade in the region – a proof-of-concept-study [Электронный ресурс] // RAND Europe. 2018. URL: <https://www.oecd.org/finance/Chinas-Belt-and-Road-Initiative-in-the-global-trade-investment-and-finance-landscape.pdf> (дата обращения 31 марта 2022).

российской экономики [Shaparov et al., 2022, p. 1–14]. С этого момента транспортная политика СМП включила в себя нормативную основу из документа 2008 г. «Основы арктической политики»¹⁹, в котором отражены основные национальные интересы России и подчеркивается важность эксплуатации СМП «как национального унитарного транспортного сообщения». Кроме того, документ 2013 г. «Арктическая стратегия» повторил формулировки предыдущего акта²⁰. В 2013 г. вступил новый закон о судоходстве по СМП. В частности, в обновленной Стратегии 2020 г. по сравнению с предыдущей Стратегией 2008 г. добавлены защита национального суверенитета, повышен приоритет обеспечения национальной безопасности и обеспечение высокого уровня жизни северян²¹.

Общую ответственность за развитие СМП несет отделение в Министерстве по развитию Дальнего Востока и Арктики, созданное в 2019 г., ранее – Министерство транспорта [Sergunin, Konyshv 2019, p. 5–10]. Управляющим институтом реализации транспортной политики в рамках СМП является ФГБУ «Администрация СМП»²², которое выдает разрешения на проход судов в акватории СМП при согласовании с ГК АО «Росатом»²³. Информационно-коммуника-

---

¹⁹ Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 2008 г.) [Электронный ресурс] // Государство РФ. 2008. 18 сентября. URL: <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175140U0K46x4SsKRHGfUO.pdf> (дата обращения 31 марта 2022).

²⁰ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 08.02.2013 г. № Пр-232) [Электронный ресурс] // Государство РФ. 2013. 2 февраля. URL: <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (дата обращения 31 марта 2022).

²¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утв. Президентом РФ) // СЗ РФ. № 44. Ст. 6970 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/Text/0001202010260033> (дата обращения 31 марта 2022).

²² Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 2020. 18 сентября. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009220024> (дата обращения 31 марта 2022).

²³ Постановление Правительства РФ от 27.12.2018 № 525-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Государство РФ. 2018. 27 декабря. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552045960> (дата обращения 31 марта 2022).

тивным институтом реализации транспортной политики в рамках СМП выступает веб-портал «Администрации СМП»²⁴.

Передача исполнительной функции в части развития инфраструктуры и функционирования СМП организации, ранее отвечавшей только за ледоколы, уникальна и сомнительна [Sergunin, Kopyshchev 2019, p. 5–10; Мое 2020, p. 213–224]. Судходство и морская инфраструктура – это специализированные области, которые требуют специальных знаний. Кроме того, у «Росатома» есть свои интересы, которые иногда могут противоречить безопасному функционированию маршрута, хотя управляющая функция остается у федерального органа исполнительной власти в области транспорта [Мое 2020, p. 213–224; Бхагват 2020, с. 14–24].

Все это привело к переносу сроков, установленных правительством, как отмечено в «Основах арктической политики»²⁵. СМП до настоящего времени не являлся привлекательным объектом для иностранных инвестиций по пяти основным причинам. Во-первых, из-за отсутствия благоприятных условий для международных инвестиций [Степанов 2020, с. 8–9]. Во-вторых, из-за изменений в правилах контроля за СМП. Эту точку зрения автора разделяют как отечественные, так и зарубежные эксперты. В-третьих, налоговые льготы были предложены только для внутренних резидентов Арктики. В-четвертых, законодательно закреплены протекционистские меры, облегчающие транспортировку нефти, природного газа и угля только российскими судами²⁶. В-пятых, слишком много организаций, которые выполняют различные обязанности и, как отмечают эксперты, существует также конкуренция за получение возможности осуществлять контроль деятельности. Обзор веб-сайтов всех участвующих учреждений также показывает, что у организаций, участвующих в контроле и функционировании СМП, отсутствует механизм обратной связи.

²⁴ Сведения портала ФГБУ «Администрация Северного морского пути». 2022 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nsr.ru/ru/glavnaya/celi_funktsii.html (дата обращения 31 марта 2022).

²⁵ Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и на дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 05.03.2020 г.) [Электронный ресурс] // Государство РФ: [официальный сайт]. 2020. 05 марта. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003050019> (дата обращения 31 марта 2022).

²⁶ Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009220024> (дата обращения 31 марта 2022).

Государственная программа освоения Арктики до 2025 г. предусматривает расходы в размере 19,5 млрд рублей, треть из которых – государственное финансирование²⁷. Однако маловероятно, что оставшиеся две трети будут предоставлены российскими частными компаниями [Laguette 2020, p. 18–20]. Поэтому крайне важно привлекать иностранные инвестиции [Степанов 2020, с. 8–9]. По мнению российских экспертов, Россия воздержалась от милитаризации СМП, в результате чего удалось не допустить возникновения явного конфликта интересов между военными и коммерческими компаниями в отношении судоходства [Sergunin, Gjorgj 2020, p. 252–257]. Но эта точка зрения не разделяется зарубежными исследователями [Мое 2020, p. 209–227; Laguette 2020, p. 1–30]. Можно сделать вывод, что в настоящее время интересы безопасности имеют первостепенное значение.

Необходимо учитывать влияние санкций после 2014 г. Санкции, безусловно, повлияли на общий объем инвестиций в российскую экономику, что тем не менее не повлияло на ход реализации различных арктических проектов, за исключением сферы морской нефтяной промышленности [Shapovalova et al. 2020, p. 6]. В основном западные страны после 2014 г. не проявляли особого интереса к СМП, что связано с политической неопределенностью. При этом страны Азии продолжают проявлять интерес. Китай активно участвует в проектах по производству арктического СПГ, и его суда являются самыми активными из зарубежных стран на СМП [Gao, Erokhin 2020, p. 3–8]. Многие международные эксперты прокомментировали нерешительность России разрешить международные инвестиции в СМП, несмотря на нехватку средств, а в некоторых случаях технологий, отвечающих всем запланированным требованиям модернизации СМП. Новые санкции, введенные Западом в 2022 г. после начала специальной военной операции на Украине, окажут значительное влияние на российскую экономику и ограничат средства на развитие СМП²⁸. Однако Китай, Индия и ОАЭ продолжают вести торговлю с Россией²⁹.

---

²⁷ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие АЗРФ»: Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 № 484 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/bIT1JDkAw1JWhBgHy1SAZIkBRIN-mT3pG.pdf> (дата обращения 31 марта 2022).

²⁸ Under unprecedented sanctions how is the Russian economy faring [Электронный ресурс] // The Economist. 30.03.2022. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/03/30/under-unprecedented-sanctions-how-is-the-russian-economy-faring> (дата обращения 31 марта 2022).

В этом аспекте можно отметить, что именно российское правительство может приглашать эти страны к участию в проектах для развития СМП.

*Обсуждение
Принципиальные отличия
российской транспортной политики,
реализующей СМП, от китайской
транспортной политики
в контексте «МШП»
и рекомендации по развитию*

С учетом вышеизложенной информации, можно обобщить следующие принципиальные отличия российской транспортной политики, реализующей СМП, от китайской транспортной политики в контексте «МШП». В отличие от китайской политики, которая характеризуется наличием разноотраслевых специализированных институтов и активной международной деятельностью, российская транспортная политика отличается, главным образом, разработкой, утверждением, исполнением, контролем за реализацией ряда программных документов с практическими мероприятиями их реализации без привлечения международного сообщества. Это особенно заметно на фоне проведения Китаем двух международных конференций, специально посвященных “BRI”, в отличие от России, которая не организовала подобной деятельности, а также на фоне создания Китаем специального международного консультативного совета для мониторинга развития проектов “BRI”.

При этом следует отметить, что концепция “BRI” и МШП была опубликована только в 2013 г., в то время как стратегия развития СМП как национального транспортного маршрута была указана в документе «Основы государственной политики» 2008 г. Это может быть связано с конфликтом политических и экономических интересов, отмеченным различными зарубежными исследователями [Мое 2020, pp. 213–224, Laruelle 2020, pp. 16–19]. Политические интересы, в первую очередь, связаны с мерами безопасности и протекционистскими мерами, касающимися судостроительной промышленности в России [Мое 2020, pp. 213–224].

---

²⁹ Sheng W. US-led sanctions rarely successfully, to backfire eventually impact // Global Times. 2022. 19 марта. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1255270.shtml> (дата обращения 31 марта 2022).

Российская политика в вопросах Арктики сконцентрирована на поддержании суверенитета, что находит отражение в документе «Основы государственной политики до 2035 г.», чего между тем не было в предыдущем документе. После 2014 г. российское правительство сделало большой акцент на восстановлении военных баз в Арктике, и Запад ответил военными учениями вблизи России, считая, что силовая стратегия России и принятие законов, касающихся контроля над СМП за пределами российских территориальных вод, ведет к дестабилизации Арктики. В пересмотренном документе о стратегии национальной безопасности России указывается, что правительство рассматривает нынешнюю политическую ситуацию как напряженную и намерено сосредоточиться на национальной безопасности³⁰. Однако это, вероятнее всего, окажет влияние на развитие СМП. Здесь следует отметить возможное завершение проекта «Северный поток–2», несмотря на предыдущие и настоящие санкции и трудности, связанные с взаимодействием с Германией. Политика, ориентированная на безопасность, может не привести к желаемым экономическим результатам в дальнейшем развитии СМП.

Результаты

Представленные особенности политики развития МШП целесообразно использовать при реализации российской политики СМП. Таким образом, следует указать необходимость построения устойчивого стратегического курса освоения Арктики с учетом необходимости стабилизации геополитической ситуации в Арктике. Во-вторых, несмотря на усилия правительства США и ЕС дискредитировать идею «BRI», деятельность Китая смогла вызвать международный интерес к концепциям «МШП». Подобных международных исследований с участием России о влиянии СМП не проводилось. Вторая рекомендация – усиление международного интереса к развитию СМП с участием России. Это интерес не только со стороны правительств, но и со стороны значимых международных организаций, которые могли бы влиять на политику правительства. В-третьих, следует увеличить объем зарубежных инвестиций в проекты СМП. В отличие от «МШП», международ-

---

³⁰ *Trenin D.* Russia's National Security Strategy: A Manifesto for a New Era [Электронный ресурс] // Russian Council. 2021. 9 июля. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/russia-s-national-security-strategy-a-manifesto-for-a-new-era/> (дата обращения 31 марта 2022).

ные мероприятия российской власти по усилению интереса к СМП ограничены лишь заявлением Президента РФ. Таким образом, третья рекомендация – активизация дипломатических и прочих мероприятий в целях привлечения зарубежных инвестиций в проекты СМП. В-четвертых, стоит учитывать существенные объективные различия СМП и МШП. Китайская инициатива направлена не только на улучшение инфраструктуры, но и на использование современных технологий. Китай также обладает преимуществом, поскольку имеет три порта в топ-20 портов мира, в отличие от России, у которой нет даже одного порта³¹. Благодаря этим преимуществам он способен привлечь международный интерес. Российская политика развития отличается тем, что СМП – это маршрут, требующий применения ледокольного флота и характеризующийся низким качеством инфраструктуры. Несмотря на вышесказанные отличия, развитие любого международного транспортного коридора имеет определенные общие принципы, которые являются стандартными особенностями любой транспортной политики: инвестиции, портовая инфраструктура, включая связь с ресурсными центрами, навигационная инфраструктура, политическая и экономическая стабильность и стандартные правила регулирования транспорта, которые должны соответствовать международным нормам. Следовательно, четвертая рекомендация по развитию СМП включает проведение детального сравнительного анализа с китайской политикой продвижения «МШП».

Заключение

Проведенный анализ особенностей транспортной политики КНР по развитию «МШП» указывает на некоторые возможности их применения в России для развития СМП. Данный обзор демонстрирует четкую направленность Китая на инициирование и поддержание международного интереса. Китайская транспортная политика использует проект МШП для более тесной интеграции китайской экономики с миром. В свою очередь, анализируя российскую транспортную политику, можно выявить изменение приоритетов, изменения в организации, а также неспособность достичь сроков развития СМП. В настоящее время Государственная транспортная

---

³¹ China Economic Information Service and Baltic Exchange. Xinhua Baltic International Shipping Centre Index. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.maritimecyprus.com/wp-content/uploads/2020/07/2020_Xinhua-Baltic_ISCDI_report.pdf5 (дата обращения 31 марта 2022).

политика России в большей степени ориентирована на внутренний мир и сосредоточена на традиционном развитии инфраструктуры. Мы полагаем, что России стоит рассмотреть и, вероятно, включить характеристики МШП в новую внешнюю политику и план развития СМП. Очевидно, что существует пробел в финансировании, необходимом для развития СМП и достижения больших целей по перевозке грузов по этому маршруту. России желательно сотрудничать со странами, заинтересованными в использовании СМП. Подробный анализ лучших практик, которым следует Китай при разработке МШП, пойдет только на пользу развитию СМП.

Литература

- Бхагват 2020 – *Бхагват Д.В.* Судоходство на Северном морском пути: необходимо уделять больше внимания сотрудничеству и безопасности: Часть I // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 5–25.
- Лексина 2015 – *Лексина Е.А.* Перспективы российско-китайского сотрудничества в контексте потенциального лидерства КНР на мировой арене // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 6. С. 100–108.
- Степанов 2020 – *Степанов Н.С.* Инвестиционные перспективы России в рамках экономического сотрудничества с КНР // Финансы и управление. 2020. № 1. С. 1–12.
- Gao, Erokhin 2020 – *Gao T. and Erokhin V.* China-Russia collaboration in Arctic shipping and maritime engineering [Электронный ресурс] // The Polar Journal. 2020. Vol. 10 (2). URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/2154896X.2020.1799612> (дата обращения 23 марта 2022).
- Laruelle 2020 – *Laruelle M.* Russia's Arctic Policy. A Power Strategy and its Limits // Russie. Nei. Visions. 2020. No. 117. 30 p.
- Мое 2020 – *Мое А.* A new Russian policy for the Northern sea route? State interests, key stakeholders and economic opportunities in changing times // The Polar Journal. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 209–227.
- Sergunin, Gjørv 2020 – *Sergunin A., Gjørv G.H.* The Politics of Russian Arctic shipping evolving security and geopolitical factors // The Polar Journal. 2020. Vol. 10. Iss. 2. P. 251–272.
- Sergunin, Konyshchev 2019 – *Sergunin A., Konyshchev V.* Forging Russia's Arctic strategy: actors and decision-making [Электронный ресурс] // The Polar Journal. 2019. Vol. 9. Iss. 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618549> (дата обращения 23 марта 2022).
- Shaparov et al. 2022 – *Shaparov A.E., Sokolova F.K., Magomedov A.K., Bhagwat J.* Population migration in the supporting regions of the Russian Arctic to improve international competitiveness of the Northern Sea Route [Электронный ресурс] // The Polar Record. 2022. Vol. 58. No. 4. DOI: 10.1017/S0032247421000711.

References

- Bhagwat, J.V. (2020), "Shipping on the Northern Sea Route. It is necessary to pay more attention to cooperation and security. Part I", *Arctic and North*, no. 39, pp. 5–25.
- Gao, T. and Erokhin, V. (2020), "China-Russia collaboration in Arctic shipping and maritime engineering", *The Polar Journal*, vol. 10 (2), available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/2154896X.2020.1799612> (Accessed 23 March 2022).
- Laruellle, M. (2020), "Russia's Arctic Policy. A Power Strategy and its Limits", *Russie. Nei. Visions*, no. 117.
- Leksina, E.A. (2015), "Prospects for Russian-Chinese cooperation within the context of potential leadership of China on the world stage", *Topical issues of contemporary international relations*, no. 6, pp. 100–108.
- Мое, А. (2020), "A new Russian policy for the Northern sea route? State interests, key stakeholders and economic opportunities in changing times", *The Polar Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 209–227.
- Sergunin, A. and Gjorv, G.H. (2020), "The Politics of Russian Arctic shipping evolving security and geopolitical factors", *The Polar Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 251–272.
- Sergunin, A. and Konyshchev, V. (2019), "Forging Russia's Arctic strategy: actors and decision-making", *The Polar Journal*, vol. 9, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618549>.
- Shaparov, A.E., Sokolova, E.K., Magomedov, A.K. and Bhagwat, J. (2022), "Population migration in the supporting regions of the Russian Arctic to improve-international competitiveness of the Northern Sea Route", *Polar Record*, vol. 58, no. 4, DOI: [10.1017/S0032247421000711](https://doi.org/10.1017/S0032247421000711).
- Stepanov, N.S. (2020), "Investment prospects of Russia in the framework of economic cooperation with China", *Finance and Management*, no. 1, pp. 1–12. DOI: [10.25136/2409-7802.2020.1.31330](https://doi.org/10.25136/2409-7802.2020.1.31330).

Информация об авторе

Джавахар В. Бхагват, PhD, доцент, Университет Мумбаи, Мумбаи, Индия;

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия; 163002, Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; jawahar.bhagwat@gmail.com

Information about the author

Jawahar V. Bhagwat, PhD, associate professor, University of Mumbai, Mumbai, India;

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia; bld. 17, Severnoi Dviny Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002; jawahar.bhagwat@gmail.com

К вопросу об антицерковных процессах
Московского революционного трибунала 1918–1920-х гг.
(дело священника Михаила Сахарова)

Вадим В. Никонов

*Гжельский государственный университет, Москва, Россия,
nikonova-box2009@yandex.ru*

Аннотация. В статье на примере дела Московского губернского революционного трибунала в отношении настоятеля Георгиевского храма села Ванилово Ашитковской волости Бронницкого уезда Московской губернии отца Михаила Сахарова рассматриваются механизмы репрессивной антицерковной государственной политики советской власти, начавшей свое формирование сразу после Октябрьской революции. Основанием дела стал инцидент с избиением Бронницкого уездного комиссара просвещения, пожелавшего разъяснить местным жителям суть Декрета об отделении Церкви от государства. Несмотря на то что материалы дела неопровержимо свидетельствовали о непричастности священника к случившемуся, он был осужден вместе с участниками избиения как инициатор происшедшего насилия. В статье подчеркивается политическая ангажированность обвинения и его прямая связь с провозглашенным в сентябре 1918 г. декретом «О красном терроре». Последнее, в числе прочего, подтверждается тем, что следственные действия по делу начались не сразу после избиения комиссара в феврале 1918 г., а лишь в октябре. Отмечается также характерная для ряда дел Московского революционного трибунала практика постепенного смягчения первоначально суровых приговоров вплоть до полной амнистии осужденных.

Ключевые слова: антицерковная политика, Бронницкий уезд, Ванилово, Московский революционный трибунал, Православная Российская Церковь, священник Михаил Сахаров

Для цитирования: Никонов В.В. К вопросу об антицерковных процессах Московского революционного трибунала 1918–1920-х гг. (дело священника Михаила Сахарова) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 90–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-90-98

On the issue of the anti-church trials
of the Moscow Revolutionary Tribunal of the 1918–1920s
(the case of priest Mikhail Sakharov)

Vadim V. Nikonov
Gzhel State University, Moscow, Russia,
nikonova-box2009@yandex.ru

Abstract. The article considers the mechanisms of the repressive anti-church state policy of the Soviet government, which began its formation immediately after the October Revolution, using the case example of the Moscow Provincial Revolutionary Tribunal of 1918 against the rector of the St. George Church of the village of Vanilovo in the Ashitkov parish of the Bronnitsky district of the Moscow province, Father Mikhail Sakharov. The case was based on the incident with the beating of the Bronnitsky district Commissioner of Education, who wished to explain to residents the essence of the decree on the separation of Church and state. Even though the case materials incontrovertibly testified that the priest was not involved in the incident, he was convicted together with the participants of the beating as the initiator of the violence that occurred. The article emphasizes the political bias of the prosecution and its direct connection with the decree “On the Red Terror” proclaimed in September 1918. The latter, among other things, is confirmed by the fact that investigative actions in the case did not begin immediately after the beating of the commissioner in February 1918, but only in October. It is also noted that the practice characteristic of several cases of the Moscow Revolutionary Tribunal is the gradual mitigation of initially harsh sentences up to a full amnesty of convicts.

Keywords: anti-church policy, Bronnitsky district, Vanilovo, Moscow Revolutionary Tribunal, Orthodox Russian Church, priest Mikhail Sakharov

For citation: Nikonov, V.V. (2022) “On the issue of the anti-church trials of the Moscow Revolutionary Tribunal of the 1918–1920s (the case of priest Mikhail Sakharov)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 2, pp. 90–98, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-90-98

Введение

Положение Церкви в РСФСР впервые было определено Декретом об отделении Церкви от государства 1918 г. Но еще до утверждения официального текста декрета, его проект, опубликованный 31 декабря 1917 г. в газете «Дело народа», не остался без внимания со стороны Церкви. После появления его в печати митрополит

Петроградский Вениамин (Казанский) обратился в Совнарком с письмом, в котором призывал не претворять его в жизнь. Действия это не возымело [Бовкало 2004, с. 617–623].

После опубликования вступившего в силу декрета настоятелям храмов было вменено в обязанность довести его содержание до сведения прихожан [Каиль 2021, с. 74–86]. В некоторых приходах Московской губернии декрет был воспринят верующими как посягательство на свободу вероисповедания и создание условий для лишения Церкви имущества, что привело к недовольству действиями новой власти и, как следствие, – к возбуждению дел в Московском революционном трибунале. Следует отметить, что такое понимание репрессивной сущности декрета в дальнейшем полностью оправдалось [Никонов 2022, с. 105–118].

Дело священника Михаила Сахарова

Характерный инцидент произошел в селе Ванилове Бронницкого уезда. Суть дела, как она изложена в заключении следователя, состояла в том, что настоятель ваниловского храма отец Михаил Сахаров, зачитав 11 февраля 1918 г. прихожанам текст Декрета об отделении Церкви от государства, якобы трактовал его статьи таким образом, что это вызвало негодование среди верующих. На следующий день в приходской деревне Левычино собрался крестьянский сход, на котором выступил комиссар из Бронниц В.И. Попов. Он сделал попытку разъяснить смысл декрета, что было принято собранием враждебно. Комиссару не дали договорить, набросились на него и подвергли побоям, «едва не лишив жизни». Несмотря на то, что избивавшие Попова были известны поименно, первым и главным обвиняемым стал священник Михаил Сахаров, так как, по мнению следствия, именно он и был основным виновником произошедшего, и в деле

...усматривалась несомненная связь между разъяснением священником Сахаровым декрета отделения церкви от государства, возбуждившим население против Советской власти, и избиением Комиссара Попова как проводника этого декрета¹.

---

¹ Заключение по делу по обвинению священника Сахарова в провокационных действиях и подстрекательстве к избиению т. Попова. 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 86, 86 об.

На этом основании и сам священник, и избившие комиссара крестьяне были осуждены Московским революционным трибуналом на длительные (по меркам 1918 г.) сроки заключения.

Об отце Михаиле известно, что родился он в 1868 г., окончил Московскую духовную семинарию, священствовал с 1891 г., а в Ванилов был определен в 1900 г. Помимо церковного служения он состоял заведующим и законоучителем в местных церковно-приходской и земской школах. Чтобы прокормить семейство, священник держал хозяйство, многое умел делать своими руками. По рассказу дочери, «батюшка был готов людям и печи класть ради прокормления, но считал это неудобным для священника» [Суслов, Фролов 2014, с. 376]. Таким образом, отец Михаил был вполне типичным сельским священником, долго служившим на одном месте и, несомненно, хорошо знакомым с прихожанами, а учитывая его солидный возраст, трудно предположить в нем человека, склонного к безответственным и импульсивным поступкам.

Примечательно, что с момента инцидента с избиванием комиссара и до того, как делу решили дать ход, прошло несколько месяцев. Только 14 августа 1918 г. из Московского революционного трибунала было направлено предписание обеспечить явку в местную «Бронницкую следственную комиссию для допроса по делу об избивании Тов. Попова лиц, поименованных в прилагаемом списке»². Таким образом, до этого времени избившие комиссара крестьяне и священник Михаил Сахаров не просто находились на свободе, но, возможно, даже не задумывались о грозившей им беде.

В сентябре начались допросы, в результате которых выяснилось, что дело было начато по доносу психически больной женщины, бывшей учительницы, уволенной по причине профнепригодности из ваниловской школы, которая пожаловалась в уездный совдеп на якобы имевшие место притеснения со стороны сослуживцев. По ее письму в Ашитковскую волость и приехал комиссар Попов, чтобы разобраться в ситуации на месте. Накануне его приезда отец Михаил действительно ознакомил прихожан с содержанием Декрета об отделении Церкви от государства, просто прочитав его текст по публикации в газете «Утро России». Никаких комментариев по поводу прочитанного он не делал, следовательно, все обвинения в том, что он своей трактовкой текста декрета возбудил в прихожанах погромные настроения, были совершенно беспочвенны. На следующий день состоялся сход местных жителей для решения

---

² Список лиц по делу избивении тов. Попова Ашитковской волости Бронницкого уезда // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 26.

внутренних вопросов, связанных с деятельностью местного потребительского союза. На этот сход и явился комиссар Попов, который решил использовать собрание для разъяснения норм декрета. Из допросов свидетелей и обвиняемых с очевидностью следует, что появление Попова было для собравшихся неожиданностью, и вопросы о декрете ему никто не задавал. Попытки комиссара привлечь внимание крестьян к вопросам, не имевшим отношения к цели собрания, вызвали закономерное недовольство, и когда стало понятно, что он не собирается останавливаться, его попросту поколотили.

Сначала на происшедшее внимания не обратили, но через полгода (вскоре после провозглашения декрета «О красном терроре») [Леонов 2021, с. 60–79] делу решили дать политическую подоплеку, что и привело его участников на скамью подсудимых Московского губернского революционного трибунала. Напомним, что в качестве принципа, которым должны были руководствоваться члены революционных трибуналов при вынесении приговоров, провозглашалось следующее: «Меру наказания Революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести»³.

Судебное заседание проходило в два этапа: 10 и 11 декабря 1918 г. Хотя протоколы обоих заседаний в деле сохранились, но производят они довольно странное впечатление, так как в них практически отсутствуют показания свидетелей, выступления защитника и обвинителя, а также слова обвиняемых. Приговор оказался суровым:

...приговорить священника Сахарова Михаила Дмитриевича к принудительным общественным работам сроком на пять лет, граждан... к принудительным общественным работам сроком на три года⁴.

Через некоторое время, когда осужденные уже находились в тюрьме, была составлена кассационная жалоба, но Обвинительная коллегия не сочла ни один из доводов, приводимых в ней, убедитель-

---

³ Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке деятельности революционных трибуналов. 17.12.1917 г. // ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2 об.

⁴ Приговор Московского губернского революционного трибунала по обвинению священника Михаила Сахарова и граждан села Ванилова и деревни Левычино в противодействии проведения в жизнь Декрета Совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства. 1918 г. // Там же. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 3.

тельным для пересмотра решения трибунала⁵. Отметим, что, отказывая в жалобе, Кассационный отдел апеллировал к фактически неограниченным правам трибунала и к революционной совести его членов, что выразительно характеризует состояние отечественной судебной системы в 1919 г.

С февраля по май 1919 г. продолжалась переписка между представителями осужденных и Московским революционным трибуналом, но ни к каким изменениям в положении отца Михаила и его «подельников» она не привела. Все это время прихожане Георгиевского храма не оставляли попыток к освобождению священника. 3 мая они составили очередное прошение в Московский губернский революционный трибунал⁶. И сам факт его составления, и его содержание являются характерным свидетельством формирующихся взаимоотношений между «массой» и властью.

Полной неожиданностью стало постановление Московского губернского революционного трибунала, принятое 20 мая 1919 г., которым отец Михаил и избившие комиссара крестьяне «на основании декрета ВЦИК от 25 апреля 1919 г. об освобождении из заключения некоторых категорий арестованных и осужденных как лиц, пребывание которых на свободе не опасно для Республики»⁷ амнистировались.

Декретом от 25 апреля 1919 г. освобождались из заключения все задержанные органами борьбы с контрреволюцией, которым не было предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против Советской власти, в подготовке или организации белогвардейских сил, а также досрочно освобождались те осужденные, освобождение которых не представляло опасности для государства [Файзуллина 2008, с. 151–157]. Не вдаваясь в причины появления такого декрета, отметим, что его формулировка, как и формулировки многих законодательных установлений рассматриваемого периода, допускала возможность различного толкования.

---

⁵ Определение Кассационного отдела при Всероссийском центральном исполнительном комитете Советов рабочих, красноармейских, крестьянских и казачьих депутатов по делу священника Михаила Сахаров и граждан Александра Титова и Якова Евсева от 16 января 1919 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 4, 4 об.

⁶ Пршение граждан дер. Ванилово и Левычино Ашитковской волости Бронницкого уезда об освобождении священника Михаила Сахарова. 3 мая 1919 г. // Там же. Л. 152–153 об.

⁷ Постановление Московского губернского революционного трибунала об освобождении арестованных Сахарова М.Д. и др. 20 мая 1919 г. // Там же. Л. 2.

На первый взгляд обвинение, по которому был осужден священник Сахаров, – выступление против советской власти – вполне могло стать препятствием для распространения на него действия декрета от 25 апреля 1919 г. Но при благоприятных обстоятельствах могло и не стать. Так же неоднозначно действие упомянутого декрета в отношении лиц, избивших комиссара Попова. Неужели они, поднявшие руку на представителя власти, комиссара(!), т. е. лицо, особо охраняемое от посягательств, не представляли опасности для властей? На этот вопрос также можно ответить по-разному, но и здесь трибунал занял сторону осужденных.

Так, семимесячным заключением завершилось дело отца Михаила Сахарова, обвиненного в сопротивлении проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. Несмотря на то что все возводимые на священника обвинения были беспочвенными, власть безошибочно усмотрела в нем своего противника и предприняла жестокую попытку его устрашения. Вскоре после освобождения 52-летний священник скончался и был похоронен рядом с храмом [Суслов, Фролов 2014, с. 376].

Заключение

В заключение следует отметить, что дело священника Михаила Сахарова выразительно демонстрирует механизмы возникновения «контрреволюционных обвинений» священнослужителей в первые годы прихода большевиков к власти [Мраморнов 2011, с. 33–48]. Кроме того, рассмотренное дело подтверждает характерную практику смягчения первоначально вынесенных суровых приговоров Московским революционным трибуналом в 1918–1922 гг. Даже такие громкие процессы, закончившиеся казнью осужденных, как Московский процесс 1922 г. по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, в конечном итоге завершались рядом последовательных сокращений сроков заключения, а затем и освобождением осужденных. Многие дела, по которым выносились смертные приговоры, как, например, «Дело объединенных приходов», также заканчивались амнистией [Никонов 2019, с. 318–350]. Анализ ряда дел Московского революционного трибунала⁸ позволяет предположить, что его функция заключалась не столько в реальном терроре в отношении населения, сколько в попытках устрашения с последующим принуждением к повиновению.

---

⁸ Фонды 4612 и 4613 Центрального государственного архива Московской области.

Литература

- Бовкало 2004 – *Бовкало А.А.* Вениамин // Православная энциклопедия. Т. 7. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. 736 с.
- Каиль 2021 – *Каиль М.В.* Православие в России 1914–1964 годов: Опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. 2021. № 3. С. 74–86.
- Леонов 2021 – *Леонов С.В.* ВЧК и Православная Российская Церковь в 1918 г. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История РПЦ. 2021. № 100. С. 60–79.
- Мраморнов 2011 – *Мраморнов А.И.* К истории антицерковной деятельности Московского революционного трибунала (1918–1920 гг.) // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2011. № 2. С. 33–48.
- Никонов 2019 – *Никонов В.В.* За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 4: Быковская волость. Гжель: ГГУ, 2019. 816 с.
- Никонов 2022 – *Никонов В.В.* Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. 2022. № 1. С. 105–118.
- Суслов, Фролов 2014 – *Суслов А.А., Фролов А.Н.* Очерки истории Воскресенского края. М.: Новалис, 2014. 752 с.
- Файзуллина 2008 – *Файзуллина Д.Р.* История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // Russian Journal of Economics and Law. 2008. № 2. С. 151–157.

References

- Bovkalo, A.A. (2004), “Veniamin”, *Pravoslavnaya entsiklopediya. Tom 7* [Veniamin. Orthodox Encyclopedia], vol. 7, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”, Moscow, Russia.
- Faizullina, D.R. (2008), “The history of the development of the institute of exemption from criminal liability and punishment in Russia”, *Russian Journal of Economics and Law*, no. 2, pp. 151–157.
- Kail’, M.V. (2021), “Orthodoxy in Russia 1914–1964: The experience of studying and public memory in the discourse of repression and the search for alternative cognitive approaches”, *The New Historical Bulletin*, no. 3, pp. 74–86.
- Leonov, S.V. (2021), “The Cheka and the Orthodox Russian Church in 1918”, *St. Tikhon’s University Review, Series II, History. Russian Church History*, no. 100, pp. 60–79.
- Marmornov, A.I. (2011), “On the history of anti-church activity of the Moscow Revolutionary Tribunal (1918–1920)”, *Tserkov’ i vremya. Nauchno-bogoslovskii i tserkovno-obshchestvennyi zhurnal*, no. 2, pp. 33–48.
- Nikonov, V.V. (2019), *Za Khrista preterpevshie. Tserkov’ i politicheskie repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo raiona Moskovskoi oblasti. T. 4: Bykovskaya*

volost' [Those who suffered for Christ. The Church and political repressions of the 1920s–1950s in the territory of the Ramenskoye district of the Moscow region. Vol. 4: Bykovskaya volost], GSU, Gzhel, Russia.

Nikonov, V.V. (2022), “The seizure of valuables from the temples of the Moscow province in 1922 in the archival documents of the TSGAMO and the Central State Administration of Moscow”, *History and Archives*, no. 1, pp. 105–118.

Suslov, A.A. and Frolov, A.N. (2014), *Ocherki istorii Voskresenskogo kraja* [Essays on the history of the Resurrection (Voskresenskii) Region], Novalis, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вадим В. Никонов, кандидат педагогических наук, доцент, Гжельский государственный университет, Московская область, Россия; 140155, Россия, Московская область, п. Электроизолятор, д. 67; nikonova-box2009@yandex.ru

Information about the author

Vadim V. Nikonov, Cand. of Sci. (Pedagogy), associate professor, Gzhel State University, Moscow Region, Russia; bld. 67, pos. Elektroizoliator, Moscow region, Russia, 140155; nikonova-box2009@yandex.ru

Изменения в деятельности
симфонических оркестров РСФСР в 1948 г.
в связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б)
«Об опере “Великая дружба” В. Мурадели»

Михаил А. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mixandreev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено влияние изданного в феврале 1948 г. постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» на деятельность симфонических оркестров РСФСР.

Автор статьи отмечает, что историография данной темы в большей степени акцентирует внимание на работе государственных и партийных органов по исполнению и контролю данного постановления, на переработке отдельных музыкальных произведений и на деятельности выдающихся советских композиторов. Вопросы изменений в кадровом составе, репертуаре, в количестве концертов, а также изменений в концертных площадках симфонических оркестров в составе республиканских и областных филармоний РСФСР во второй половине 1948 г. практически не рассматриваются исследователями данной темы.

В статье приводятся сведения из отчетных документов, репертуарных планов Московской областной филармонии, Осетинской Государственной филармонии, Кабардинской государственной филармонии, а также Иркутской областной филармонии 1948 г. Автором статьи анализируется не только деятельность симфонических оркестров, но и конкретные шаги приведенных выше областных и республиканских филармоний по осуществлению и контролю за исполнением постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г.

Ключевые слова: РСФСР, управление, советская музыка, формализм, симфонические оркестры, репертуар, концерты

Для цитирования: Андреев М.А. Изменения в деятельности симфонических оркестров РСФСР в 1948 г. в связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 99–108. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-99-108

Changes in the activities
of symphony orchestras of the RSFSR in 1948
in connection with the resolution of the Politburo
of the Central Committee of the CPSU(b)
“On the opera ‘Great Friendship’ by V. Muradeli”

Mikhail A. Andreev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mixandreev@yandex.ru*

Abstract. The article considers an influence of the resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) issued in February 1948 “On the opera ‘The Great Friendship’ by V. Muradeli” on the activities of symphony orchestras of the RSFSR.

The author of the article notes that the historiography of the topic focuses more on the state and party authorities work for the execution and control of that resolution, on the processing of individual musical works and on the activities of outstanding Soviet composers. The issues of changes in personnel, repertoire, in the number of concerts, as well as changes in concert venues of symphony orchestras as part of the republican and regional philharmonic societies of the RSFSR in the second half of 1948 are practically not considered by researchers of the topic.

The article provides information from the report documents, repertoire plans of the Moscow Regional Philharmonic, the Ossetian State Philharmonic, the Kabardian State Philharmonic, as well as the Irkutsk Regional Philharmonic of 1948. The author of the article analyzes not only the activities of symphony orchestras, but also the specific steps of the regional and republican philharmonic societies to implement and control the execution of the resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) of February 10, 1948.

Keywords: RSFSR, management, Soviet music, formalism, symphony orchestras, repertoire, concerts

For citation: Andreev, M.A. (2022) “Changes in the activities of symphony orchestras of the RSFSR in 1948 in connection with the resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) ‘On the opera ‘Great Friendship’ by V. Muradeli’ ”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 99–108, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-99-108

Введение

Издание постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» стало одним из важнейших, если не сказать переломным, моментом в истории

советской музыки¹. В отечественной историографии, преимущественно в публикациях с 2000-х гг., широко и подробно раскрыты процесс создания и корректуры оперы В. Мурадели, ее критика, работа партийных, государственных органов и общественных организаций в 1948 г. по реализации данного постановления, влияние данного постановления на последующую деятельность, прежде всего выдающихся советских композиторов и музыкальных коллективов [Ганжа 2014; Колокольников 2016; Федотова 2016; Юдин 2019]. Особо здесь следует выделить докторскую диссертацию и монографию профессора кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского Е.С. Власовой, посвященные исследованию изменений концепций в советской музыке и направленности ее развития в сталинский период [Власова 2010а; Власова 2010б].

Авторы работ акцентируют внимание прежде всего на работе партийных и общественных органов всесоюзного уровня, на личных воспоминаниях, переписке советских композиторов, музыковедов, руководителей советских музыкальных учреждений, участвовавших в реализации постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Изменения в работе музыкальных учреждений и музыкальных коллективов РСФСР во второй половине 1948 г. в свете публикации указанного выше постановления Политбюро ЦК ВКП(б) до сих пор не являлись предметом отдельного исследования в отечественной историографии.

В рамках данной статьи автор обратился к исследованию деятельности лишь нескольких симфонических оркестров РСФСР в 1948 г. – Московской областной филармонии, Осетинской Государственной филармонии, Кабардинской государственной филармонии, а также Иркутской областной филармонии. Данный выбор обусловлен, прежде всего, полнотой содержания отчетных документов и репертуарных планов указанных филармоний. В документах подробно представлены изменения, которые происходили в деятельности симфонических оркестров, включенных в состав указанных филармоний, во второй половине 1948 г. Отчетные документы и репертуарные планы остальных филармоний РСФСР за 1948 г. содержат либо общую информацию за весь 1948 г., либо слишком краткие и формальные сведения об изменениях в деятельности симфонических оркестров во второй половине 1948 г., не позволяющие соотнести их с указанным выше постановлением Политбюро ЦК ВКП(б).

---

¹ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике: 1917–1953. М., 1999. С. 630–634.

Изменения в деятельности симфонических оркестров РСФСР

В свете издания постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» руководству Московской областной филармонии спешным образом пришлось изменять репертуарный план второго полугодия 1948 г. В данном репертуарном плане вокальная музыка и вообще музыка, связанная со словом, была обозначена «наиболее доходчивым видом музыкального искусства» [Андреев 2019, с. 30]. Отмечалось ее влияние на народные массы, указывалась необходимость более широкого ее использования.

В результате срочных изменений репертуарный план включал уже не один (как было в первой половине 1948 г.), а два раздела. Первый раздел включал два монументальных концерта – «Евгений Онегин» Чайковского и «Кармен» Бизе (концерт включал в себя монтажи опер со связующим текстом, исполняемым чтецом). Предполагалось их исполнять неоднократно в течение сезона «в крупных городах области, лишенных возможности слушать оперу в живом исполнении».

Второй раздел – собственно симфонический цикл. Данный раздел предполагал исполнение двух небольших циклов произведений – «Народный характер русской симфонической и оперной музыки» и «Западная классическая музыка». Первый цикл включал программу, посвященную советской массовой песне и киномузыке. Вторым циклом был посвящен двум монографическим программам величайших западноевропейских композиторов – Моцарта и Бетховена².

Все программы Симфонического оркестра предполагалось сопроводить вступительным словом и превратить концерты в форму «музыкального лектория», т. е. организовать «подлинно культурную работу» в массах, в городских клубах³.

Кроме того, в отчете Московской областной филармонии отмечалось, что она

...привлекает для пополнения и обновления репертуара существующие художественные произведения классические и советские, которые до сих пор не включались в программы филармонии, а также ставит своей задачей отбирать для исполнителей новые музыкальные и литературные [произведения], которые появятся на свет в период 2 полугодия 1948 года⁴.

² РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 9. Д. 215. Л. 125–126.

³ Там же. Л. 125–126, 198.

⁴ Там же. Л. 124.

Не обошли Симфонический оркестр Московской областной филармонии и существенные кадровые изменения в середине – второй половине 1948 г. Прежде всего произошла смена главного дирижера и художественного руководителя Симфонического оркестра – вместо профессора Л.Ф. Худолея был назначен профессор Московской консерватории Н.П. Аносов, до этого несколько лет подряд выступавший в качестве дирижера с Симфоническим оркестром⁵. По сути, это означало изменение всей направленности работы музыкального коллектива.

Еще одним важным изменением стало заметное сокращение и обновление состава оркестрантов во второй половине 1948 г. В частности, в отчете Московской областной филармонии отмечается, что в этот период

...в результате открытого конкурса и внутреннего прослушивания оркестр освободился от малоквалифицированных работников и пополнился за счет высококвалифицированных вновь принятых оркестрантов⁶.

Однако результатом данного конкурса или можно даже сказать своеобразной «чистки» рядов оркестрантов стало сокращение общего состава исполнителей Симфонического оркестра с 83 до 63 человек (т. е. на 20 человек) к концу 1948 г., что, безусловно, не могло не сказаться на качестве исполнения произведений и выборе репертуара⁷.

В работе Государственного симфонического оркестра Северо-Осетинской АССР за 1948 г. также произошли существенные изменения как в общем репертуаре концертов, так и в выборе концертных площадок. В частности, в «Информации о деятельности... за 1948 г.» отмечалось, что

...помимо обычной работы в летнем сезоне [в Парке К. и О. и радио] следует отметить выезды оркестра в полном составе в колхоз «Большевик», где были даны концерты на полевом стане. Концерты прошли с успехом⁸.

В отчетных документах Осетинской государственной филармонии за 1948 г. большой акцент в работе как симфонического оркестра, так и других музыкальных, вокальных и танцевальных

⁵ РГАЛИ. Ф. 2795. Оп. 1. Д. 278. Л. 10

⁶ ЦГАМО. Ф. 7149. Оп. 1. Д. 42. Д. 231.

⁷ Там же.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 9. Д. 227. Л. 2.

коллективов был сделан на подготовке и проведении конференции композиторов Северо-Кавказских республик в период с 23 по 27 ноября 1948 г.

Отмечалось, что после выхода из отпуска в октябре 1948 г. «оркестром и его руководителями была проделана большая работа с композиторами Северной Осетии и Дагестана по корректированию, редактированию и отбору произведений для конференции»⁹, закончившей свою работу 27 ноября. Сама же конференция из музыкального конкурса фактически превратилась в политическую трибуну для выступлений партийно-советского актива Республики с подробным разбором постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» и осуждением произведений выдающихся советских композиторов – представителей «формалистически враждебного лагеря»¹⁰.

В дополнение к вышесказанному следует отметить и больший акцент в репертуаре Государственного симфонического оркестра Северо-Осетинской АССР в 1948 г. на так называемых облегченных классических произведениях небольшого объема, чаще всего сопровождаемых вступительным словом. В качестве примера можно привести программу концерта 4 июля (по заявкам студентов в связи с окончанием учебного года), включившего произведения П.И. Чайковского (сюита из балета «Лебединое озеро», вальс из балета «Щелкунчик»), А.К. Глазунова (сюита из балета «Раймонда»), Д. Россини (увертюра к опере «Севильский цирюльник»), Д. Верди (фантазия «Аида»), Э. Вальдтейфеля (вальс «Небесные искры»), Ж. Массне (сюита «Неаполитанские сцены»)¹¹.

В отчетных документах Кабардинской государственной филармонии за 1948 г. напрямую отмечается влияние указанного выше постановления ЦК ВКП(б), а также директивных писем Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР. В частности, на основании приведенных выше документов филармония,

...пересмотрев свои планы на 1948 г., очистила репертуар коллективов и исполнителей от малоценных безыдейных и антихудожественных произведений, в результате чего репертуар коллективов и солистов пополнился Русской классической музыкой, народной музыкой и идейно-художественными произведениями советских композиторов и поэтов¹².

---

⁹ РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 9. Д. 227. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 13–13 об., 18.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Д. 248. Л. 30.

Другим важным изменением деятельности Симфонического оркестра Кабардинской государственной филармонии в 1948 г. стало совместное проведение концертов с музыкальным лекторием. В частности, из проведенных Симфоническим оркестром 120 концертов 50 были ориентированы на произведения русской, западной музыкальной классики, а также советских композиторов и композиторов Кабарды, а 70 из них были концертами-лекциями по следующим темам:

- 1) как научиться слушать музыку;
- 2) беседа о Симфоническом оркестре;
- 3) истоки русской классической музыки;
- 4) творчество композитора М.И. Глинки;
- 5) творчество композитора Даргомыжского;
- 6) творчество композиторов Балакирева, Бородина;
- 7) творчество композитора Мусоргского;
- 8) творчество композитора Римского-Корсакова;
- 9) творчество композитора Чайковского¹³.

С учетом общего научно-популярного и просветительского характера данных концертов-лекций вполне необходимо дополнить, что они проводились

...для студентов Педагогического института, медшколы, для солдат и офицеров Воинской части, для офицеров МВД, для городского населения, по Радио (с конференсом на кабардинском языке)¹⁴.

Не менее существенные изменения произошли и в деятельности Иркутской областной филармонии в 1948 г. Давление со стороны высшего партийного и государственного аппарата в свете реализации постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г., равно как и существенный дефицит финансовых средств, нехватка опытных и квалифицированных оркестрантов, предопределили судьбу только восстановившегося после Великой Отечественной войны молодого коллектива симфонического оркестра – он был снят с финансирования и распущен. Всего же Иркутской областной филармонией в 1948 г. было проведено только два концерта.

Вместо проведения концертов классической симфонической музыки Иркутская областная филармония сместила акценты деятельности на следующие коллективы и направления – «музыкальный лекторий», «литературный лекторий», «концерты для детей», «организация и проведение гастрольных выступлений»,

---

¹³ Там же. Л. 31.

¹⁴ Там же.

«эстрадные и смешанные концерты», «концерты для обслуживания колхозов, районов области...», «шефское обслуживание и помощь художественной самодеятельности»¹⁵.

Кроме того, руководство Иркутской областной филармонии обязывалось в качестве отдельного направления деятельности вести активную работу со зрителем, направленную на «поднятие художественного качества программ в свете решения ВКП(б) Об опере “Великая дружба” Мурадели и репертуаре театров», а также выполнять все директивы и указания «вышестоящих организаций, связанных с общим улучшением качества художественного обслуживания»¹⁶. В дополнение к вышесказанному можно выделить, что для осуществления поставленных выше задач были

...совершенно исключены из программы произведения джазового характера типа танго и блюзов, из произведений западных европейских композиторов исполняются лишь классические произведения высокой культуры¹⁷.

Таким образом, руководство Иркутской областной филармонии не только восприняло постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. как прямую и обязательную к исполнению директиву, оперативно исправив репертуары подведомственных коллективов, но и использовало ее для сокращения расходов и закрытия одного из направлений своей деятельности. Именно того, которое требовало высококвалифицированных исполнителей, длительной совместной репетиционной работы, а также больших финансовых затрат, – организацию симфонического оркестра.

Заключение

Подводя итоги деятельности указанных симфонических оркестров в составе республиканских и областных филармоний РСФСР в 1948 г., можно констатировать, что Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» сыграло важнейшую роль в изменении общей направленности их работы. В 1948 г. были изменены репертуарные планы указанных симфонических оркестров, изменен состав музыкальных произведений в сторону «облегчения» программ

---

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 9. Д. 247. Л. 102.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 103.

концертов, использования классических русских и европейских произведений небольшого объема, более узнаваемых и доступных для восприятия широким советским массам. С целью популяризации классической музыки и приобщения к музыкальной культуре массового слушателя концерты в большей степени стали сопровождаться лекциями, вступительными словами, конференциями о композиторах, историях создания произведений и о традициях русской и советской музыки. Изменялись и концертные площадки для проведения музыкальных вечеров, концертов-лекций симфоническими оркестрами – оркестранты приглашались не только в клубы и специально подготовленные для выступления залы, но и в школы, воинские части, на полевые станы в колхозы. Кроме того, в 1948 г. происходят и существенные изменения в кадровом составе указанных симфонических оркестров: происходят сокращения и своеобразные «чистки» состава оркестрантов, в отдельных случаях (на примере Иркутской областной филармонии) даже расформирование подведомственных коллективов.

Литература

- Андреев 2019 – *Андреев М.А.* История Московского государственного академического симфонического оркестра под управлением Павла Когана. М.: МГАСО п/у П. Когана, 2019. 244 с.
- Власова 2010а – *Власова Е.С.* Советское музыкальное искусство сталинского периода (борьба агитационной и художественной концепций): Дис. ... д-ра искусствоведения. М.: Моск. гос. консерватория, 2010. 728 с.
- Власова 2010б – *Власова Е.С.* 1948 год в советской музыке: документированное исследование. М.: Классика XXI, 2010. 455 с.
- Ганжа 2014 – *Ганжа А.Г.* Советская музыка как объект сталинской культурной политики // Логос. 2014. № 2. С. 123–155.
- Колокольников 2016 – *Колокольников И.А.* О роли социально-политических установок 1945–1956 гг. в работе музыкальных организаций Отдела по делам искусств при Иркутском облисполкоме // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Регионоведение. 2016. Т. 17. С. 69–76.
- Федотова 2016 – *Федотова Ю.В.* Становление идеологического контроля музыкально-концертной сферы в России (1920–1960-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 3. С. 101–107.
- Юдин 2019 – *Юдин К.А.* Борьба с «формализмом» в советской музыке (вторая половина 1940-х гг. – начало 1950-х гг.) // Россия XXI. 2019. № 5. С. 122–139.

References

- Andreev, M.A. (2019), *Istoriya Moskovskogo gosudarstvennogo simfonicheskogo orkestra pod upravleniem Pavla Kogana* [The History of the Moscow State Academic Symphony Orchestra conducted by Pavel Kogan], MGASO p/u P. Kogana, Moscow, Russia.
- Fedotova, Yu.V. (2016), “The Formation of the ideological control of the music and concert sphere in Russia (1920–1960s)”, *Bulletin of the South Ural State University. “Social Sciences and Humanities” Series*, vol. 16, no. 3, pp. 101–107.
- Ganzha, A.G. (2014), “Soviet music as an object of Stalin’s cultural policy”, *Logos*. no. 2, pp. 123–155.
- Kolokol’nikov, I.A. (2016), “On the role of socio-political attitudes of 1945–1956 in the work of musical organizations of the Department of Arts Affairs at the Irkutsk Regional Executive Committee”, *Bulletin of the Irkutsk State University. “Political science and Religion studies” Series*, vol, 17, pp. 69–76.
- Vlasova, E.S. (2010a), *Sovetskoe muzykalnoe iskusstvo stalinskogo perioda (bor’ba agitatsionnoi i khudogestvennoi kontseptsii)* [Soviet musical Art of the Stalinist period (struggle of propaganda and artistic concepts)], Ph.D. Thesis (Art History), Mosk. gos. konservatoriya, Moscow, Russia.
- Vlasova, E.S. (2010b), *1948 god v sovetskoj muzyke: dokumentirovannoe issledovanie* [1948 in Soviet Music. Documented Study], Klassika XXI, Moscow, Russia.
- Yudin, K.A. (2019), “The struggle against ‘formalism’ in Soviet music (second half of the 1940s – early 1950s)”, *Russia XXI*, no. 5, pp. 122–139.

Информация об авторе

Михаил А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mixandreev@yandex.ru

Information about the author

Mikhail A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; mixandreev@yandex.ru

УДК 323.1(470.41)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-109-121

Национальные движения в общественно-политической жизни Татарстана периода перестройки

Ирина А. Гузельбаева

*Казанская государственная академия
ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана
Казань, Россия, i.guzelbaeva@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена деятельности национальных движений Татарской АССР (Республики Татарстан) в период перестройки. Проанализированы особенности развития татарской национальной культуры и языка в Татарской АССР в условиях политики перестройки (1985–1991 гг.). Исследование базируется на материалах Государственного архива Республики Татарстан, интервью, проведенных автором с представителями творческой интеллигенции и общественными деятелями республики. Рассмотрено положение татарской национальной культуры и языка, претензии и ходатайства общественных организаций. Приведенные данные отражают объем применения татарского языка в средствах массовой информации (печатных изданиях, на радио, телевидении) и культуре. Автор приходит к выводу о наличии серьезных споров о масштабах использования татарского языка в ТАССР в общественно-политическом пространстве республики. Выявлена тенденция увеличения сферы функционирования татарского языка. Это стало результатом постепенного урегулирования конфликта интересов следующих сил: партийно-государственной региональной и центральной власти, части общества и интеллигенции.

Ключевые слова: перестройка, распад СССР, национальный фактор, Татарстан, культурно-национальная политика

Для цитирования: Гузельбаева И.А. Национальные движения общественно-политической жизни Татарстана периода перестройки // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 109–121. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-109-121

© Гузельбаева И.А., 2022

National movements in the social and political life of Tatarstan during the period of Perestroika

Irina A. Guzel'baeva

*N.E. Bauman Kazan State Academy of Veterinary Medicine,
Kazan, Russia, i.guzelbaeva@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the national movements activities of the Tatar ASSR (Republic of Tatarstan) during the period of Perestroika. It analyzes features of the Tatar national culture and language development in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic under the conditions of the perestroika policy (1985–1991). The research is based on materials from the State Archives of the Republic of Tatarstan, interviews conducted by the author with representatives of the creative intelligentsia and public figures of the republic. The status of the Tatar national culture and language, claims and petitions of public organizations are considered. The data presented reflect the scale of the Tatar language use in the media (print media, radio, television) and culture. The author comes to the conclusion that there were serious disputes about the extent of the Tatar language use in the TASSR socio-political space. The tendency of increase in the sphere of functioning of the Tatar language is revealed. It was the result of resolving the conflict of interests of the following forces: the party-state, regional and central authorities, part of society and the intelligentsia.

Keywords: Perestroika, collapse of the USSR, national factor, Tatarstan, cultural and national policy

For citation: Guzelbaeva, I.A. (2022), National movements in the social and political life of Tatarstan during the period of Perestroika, *RSUH/RGGU Bulletin, "History. Political Science. International Relations" Series*, no. 2, pp. 109–121, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-109-121

Современная Россия является многонациональной страной, какой был и Советский Союз, имея еще более богатую «национальную палитру». Поэтому проблема решения и осмысления национального вопроса актуальна и сегодня. Рассмотрение опыта позднесоветского времени, в том числе периода перестройки (1985–1991 гг.), представляется уместным в рамках разговора о распаде СССР, а также в условиях современного общества глобализации.

Национальный вопрос как один из факторов распада СССР активно исследуется в отечественной исторической науке [Даудов 2013; Мякшев 2020; Щербак и др. 2016; Чешко 2000]. Непродуман-

ная национальная политика в связи с другими аспектами развития позднего советского общества упоминается в качестве составляющей системного кризиса [Пихоя 2019; Шубин 2016]. Нельзя не согласиться с утверждением о необходимости использовать поликазуальный подход при рассмотрении факторов, повлиявших в ходе перестройки на дальнейшие процессы, что не всегда учитывалось исследователями, в том числе зарубежными [Величко 2005, с. 162].

Активизация национальных движений: деятельности соответствующих клубов, организаций, объединений по ряду союзных и автономных республик совпала не только с дестабилизацией позднесоветского общества, но и с глобальными переменами, отразившимися на рубеже веков. В связи с этим рассмотрение национальных движений в отечественных работах в контексте изменений общественно-политических реалий зачастую происходит с учетом постсоветских условий и дальнейшего развития событий в 1990-е гг. [Королева и др. 2013].

Отдельный интерес представляет осмысление национальных движений, развивающихся в мирных рамках в условиях общественно-политических преобразований перестройки [Табакосев 2019].

В данной работе предпринята попытка анализа национальной политики в Республике Татарстан (ТАССР, ТССР) в связи с активизацией деятельности ряда общественных организаций и движений, выдвигавших национально-культурные претензии в период перестройки (1985–1991 гг.). В исследовании сделан акцент на вопросах использования татарского языка, так как они оказались центральными при обсуждении национальных проблем, в том числе в дискурсе национальных общественных движений.

В статье рассматривается освещение вопроса сохранения татарского языка и традиций в произведениях культуры, СМИ; представлены общественно-политические силы, выразившие требования о расширении функционирования татарского языка в культуре, образовании, общественных пространствах. Привлечены архивные данные Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), а также материалы личного происхождения: материалы авторских интервью, в которых содержатся воспоминания очевидцев и непосредственных участников рассматриваемых исторических событий.

Сегодня ведутся активные теоретические дискуссии на тему причин распада СССР и общественно-политических особенностей позднесоветского времени. Стоит отметить, что в отечественной историографии присутствует «централистский подход», то есть слабо представлено понимание происходивших событий в национальных регионах, в том числе Республике Татарстан.

Показателем назревшей проблемы ограниченности развития татарской национальной культуры являются обращения в государственные и партийные органы власти со стороны общественных организаций, движений и отдельных граждан. Например, разворачивается деятельность Татарского общественного центра (ТОЦ) – организации, позиционировавшей себя защитником татарской культуры и языка. ТОЦ имел отделения во многих крупных городах республики. На ряду с ТОЦ схожие требования (расширение возможностей для татарского народа и культуры) выдвигают следующие движения и организации: клуб «Болгар аль-Дажид», молодежная организация «Азатлык», партия «Иттифак» и т. п.

Для татарской культуры периода начала перестройки в ТАССР характерно развитие в русле развернувшихся общесоюзных тенденций. То есть появлялись произведения литературы и искусства на татарском языке, отражавшие актуальные вопросы, при этом сохранялся цензурный контроль. Выходили публицистические и художественные произведения известных и молодых татарских авторов (А. Еники, Г. Баширов, Р. Мустафин, Д. Салихов), порой татарские писатели публиковались на русском (Д. Валеев, М. Зарипов); в Татарском государственном академическом театре имени Г. Камала на татарском языке с успехом шли спектакли по пьесам классиков и современных драматургов (Т. Миннуллина, А. Гилязова, М. Гилязова). Тревога за сохранение татарского языка была творчески включена в произведения, которые можно обозначить примерами традиционного официального искусства. Так, к 100-летию со дня рождения Г. Тукая, классика татарской литературы, в театре им. Г. Камала был поставлен спектакль о судьбе выдающегося поэта рубежа XIX–XX вв., где лейтмотивом шла идея классовых противоречий начала XX в., критическое отражение фабрикантов, однако в диалогах также поднимается и тема сохранения татарского языка (Т. Миннуллин «Мы уходим, вы остаетесь»: «Без китэбез, сез каласыз...»). В классическом музыкальном искусстве можно обнаружить случаи обращения к теме национальных традиций, как, например, постановка музыкальной комедии «Сабантуй» Ф. Ахметова о татарском народном празднике.

В процессе перестройки широкий круг читателей получил возможность ознакомиться с произведениями ряда татарских литераторов, которые прежде были репрессированы и их творчество было предано забвению. В театрах репертуар дополнялся не только постановками современных драматургов, но и реабилитированных. Средства массовой информации рассматриваемого периода весьма активизировались в освещении проблем национальной культуры и языка.

Борьба за сохранение национального языка велась, например, в отношении его объемов функционирования в СМИ. Примечательно, что просьбы о расширении масштабов использования татарского языка не шли вразрез с формально сохранявшейся идеологией и реформами, обозначенными в русле «перестройки социалистического общества». Иллюстрацией тому является длительное обсуждение вопроса выпуска газеты на татарском языке Лениногорским отделением ТОЦ в 1989 г., которое в итоге внесло предложение разрешить вопрос восстановления газет на родных языках в районах и городах Татарской АССР Пленуму ЦК КПСС по национальным и межнациональным вопросам¹.

В выписке из протокола схода представителей отделения ТОЦ приводятся фрагменты выступлений граждан, где дубляж сравнили с «прицепом машины», негативно оценивая действие дубляжной системы, требуя отдельных газет на татарском языке. Одним из аргументов в поддержку необходимости использования татарского языка выступило утверждение о более действенной пропаганде. В выступлениях развитие коммунистического воспитания логически связывается с прежним уровнем распространения пропаганды на татарском языке. В обоснование позиции даны статистические сведения о бывших участниках литобъединения, существовавшего при городской (районной) газете. Эти участники впоследствии становились партийно-советскими работниками, членами Союза писателей СССР. Это активно происходило в период, когда газета выпускалась на татарском языке². То есть требования издания газеты на татарском языке подкреплялись аргументацией, в которой прослеживается подчеркнутая апологетика советской идеологии и пропаганды.

Выступавшие были обеспокоены отсутствием новых членов литобъединения из числа татарской молодежи, что отчасти объяснялось прекращением выпуска газеты «Литературная страница» на татарском языке. По мнению участников собрания, такая ситуация негативно сказывалась на интернациональном воспитании и морали³. Однако стоит отметить, что для городского населения, вне зависимости от нации, как в коммуникации, так и в культуре более характерным было использование русского языка.

Примечательно, что положительные решения по подобного рода вопросам (создание газеты на татарском) принимались по другим районам или городам республики, но с определенными условиями. В письме первого заместителя заведующего идеологи-

---

¹ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 1574. Л. 30.

² Там же.

³ Там же.

ческим отделом ОК КПСС Н. Хуснутдинова первому секретарю Заинского горкома КПСС М. Агафонову было обозначено, что идеологический отдел обкома КПСС может одобрить выпуск газеты на татарском языке на основе имеющейся дуближной газеты «Знамя дружбы». В качестве примера положительного решения такого же вопроса приводятся сведения из Альметьевска, где горком дал согласие, но была привлечена помощь предприятий⁴. Таким образом, партийные власти в дальнейшем не высказывались против рассмотрения вопроса о выпуске газеты, который возможен после согласования с Госкомиздатом ТАССР, но подчеркивали необходимость привлечения сторонней материальной помощи.

Аналогичный вопрос решается в Казани. Ходатайство об открытии 4-полосной городской газеты на татарском языке форматом газеты «Правда», периодичностью выхода шесть номеров в неделю, было направлено на имя М.Ш. Шаймиева, который в тот период был первым секретарем Татарского обкома КПСС. Положительное решение вопроса и одобрение выхода первого номера в июле 1990 г. значится в информации инструктора идеологического отдела⁵.

В уставе Татарского общественного центра обозначены условия консолидации татарского народа, особое место уделено планам о развитии языка. Организаторы ТОЦ постулируют в уставе малое количество сфер применения татарского языка в республике, что должно быть непременно исправлено. Предлагается закрепить за татарским языком статус государственного. Это предполагает глобальное изменение масштабов функционирования татарского: в образовательной сфере (дошкольных, школьных, средних, профессиональных учебных заведениях); в сфере политического управления (госслужащие должны знать татарский), делопроизводства и т. п. При этом согласно уставу:

Статус русского языка считается целесообразным определить и закрепить конституционно как языка межнационального общения, функционирующего наравне с татарским во всех сферах общественной и государственной жизни. Путем введения в республике культурной автономии должны быть гарантированы и права языков национальных групп, живущих в ТАССР⁶.

Следует добавить, что указанные выше вопросы разрешались в долгосрочной перспективе. Так, одним из последствий борьбы за

---

⁴ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 1591. Л. 72.

⁵ Там же. Л. 141–142.

⁶ Там же. Д. 1636. Л. 25.

развитие татарской национальной культуры в постсоветское время в Татарстане стало обязательное для всех школьников изучение татарского языка в 1990–2000-х гг. В современности татарский изучается на добровольной основе. Равноправие русского и татарского языков на территории Татарстана закреплено законодательно в Конституции Республики Татарстан с 1992 г.

В документах Татарского рескома КПСС содержатся сведения о ходе выполнения постановления ЦК КПСС «О национальной политике партии в современных условиях». В данном документе обозначены конкретные цифры, показывающие реализацию нового курса национальной политики:

...из 2253 республиканских школ в 1192 ведется обучение на татарском языке; из 2226 детских садов в 692 – на татарском; в 890 детских садах созданы татарские группы⁷.

Динамика изменений прослеживается в открытии татарских гимназий, педагогических вузов, училищ, национальных отделений в высших учебных заведениях. Ярким примером также может выступать факт появления в Казанском государственном университете в 1990 г. факультета татарской филологии, истории и восточных языков. Книжные магазины с отделами национальной литературы (на татарском, чувашском, марийском и др.) были открыты в Казани, Набережных Челнах, Менделеевске.

При обозначенных мерах по расширению применения татарского и других национальных языков в республике в документе отмечено, что этого недостаточно при условии роста национального самосознания. Необходимо удовлетворение спроса татарского населения страны на все виды книжной продукции, для чего требуется существенное увеличение тиража⁸.

Тенденция внедрения татарского языка в систему высшего образования отчасти прослеживается и сегодня. В современности ряд вузов Татарстана проводит набор в специальные группы, где идет обучение на татарском языке, к таким вузам относятся: Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Набережно-челнинский государственный педагогический университет.

В период перестройки поднимался не только вопрос использования татарского языка в сфере образования, но и его функционирования в культуре и средствах массовой информации. Настрой представителей ТОЦ и других подобных организаций можно по-

⁷ Там же. Д. 2187. Л. 28.

⁸ Там же.

нять по приведенным статистическим сравнениям объемов теле- и радиовещания. По данным ТОЦ возможности регионального телевидения и радио оставались весьма ограниченными: на радио суточный объем вещания составляет 4 часа (на русском и татарском языках), на телевидении – 3 часа, из которых лишь 40–50 минут идут передачи на татарском языке⁹.

Обострение отношений между центральными властями и региональными элитами к 1990–1991 гг. свидетельствует не только о претензиях республики, но и затягивании разрешения ситуации центром. На этом фоне активизировалась националистически настроенная татарская общественность, в частности проводились митинги партии национальной независимости «Иттифак». Данная партия выражала радикальные интересы части татарского общества, на чем фокусировала свои выступления лидер партии Ф. Байрамова. Среди требований партии «Иттифак»: создание независимого государства в виде татарской республики; создание органов власти по этническому принципу; возрождение татарской культуры, сохранение языка; развитие исламской религии и традиций. Эти цели отчасти разделяли такие организации, как молодежный союз «Азатлык», комитет «Суверенитет». Так, в программном документе организации «Азатлык» среди ключевых целей обозначены: пропаганда татарского языка, истинной истории татарского народа; содействие обучению татарскому языку всех желающих, укрепление преданности исламской вере¹⁰. Эти организации продолжают свою деятельность до сих пор.

Стоит отметить радикальный настрой партии «Иттифак» и этнонационалистические идеи, выразившиеся в резких требованиях признать лидирующую роль татар в регионе, ввести обязательное изучение татарского для русских и т. п. По мнению исследователей, деятельность национального движения отчасти поддерживали региональные власти: ОК КПСС, однако и население, и элиты не одобряли идею полной национальной независимости [Сергеев, Сергеева 2009]. С одной стороны, деятельность партии «Иттифак», митинги, голодовки обращали на себя внимание общественности и властей. С другой стороны, можно утверждать о слабом влиянии движения на общеполитическую ситуацию к завершению периода перестройки. Одним из последствий требований партии «Иттифак» можно считать проведение курултаяв, народных собраний и Милли Меджлиса, национального парламента, на первом этапе постсоветского времени (см.: [Судьин 2019, с. 65–70]).

⁹ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 2187. Л. 30.

¹⁰ Там же. Д. 2196. Л. 5.

Подробное описание и анализ политических событий времен перестройки в республике приводятся в исследованиях татарстанских ученых [Бушуев, Тагиров 2020]. Стоит упомянуть, что профессор И.Р. Тагиров является не только видным историком, но и в условиях трансформации позднего советского общества и дальнейшего становления Татарстана в рамках новой истории сыграл важную роль в политических событиях. В 1991 г. И.Р. Тагиров был включен в состав специальной комиссии по переговорам с центром, где должен был решаться вопрос о новом Союзном договоре [Валеев 2006]. После 1991 г. Тагиров также оставался в новых составах комиссии, продолжавшей переговоры после распада СССР. В интервью И.Р. Тагиров указывал важность вопроса культуры:

Вопросы о национальной культуре в обсуждениях были на первом месте. Обычаи, язык, традиции – это все важно было. В том числе входило это в идею суверенитета. Очень дискуссионные вопросы. До перестройки было неудовлетворительное положение культуры, языка, в первую очередь. Например, национальных школ – было мало. перестройка открыла новую дорогу, Горбачев открыл путь к демократии. В этом – его огромная заслуга¹¹.

Двойственность заключается в том, что перестройка оценивалась положительно, однако именно в ней видели и причины распада СССР, в том числе в области национальной политики, вопроса межнациональных отношений.

По воспоминаниям писательницы, лидера татарского национального движения Ф.А. Байрамовой:

Перестройка началась с Москвы, Ленинграда. Татарская интеллигенция пошла «следом». Мы «проснулись». Моя перестройка началась с отношения к репрессированным: и русским, и татарам. Горбачев дал открыто говорить. Используя перестройку, я дала свой ответ как журналист, как национальный политик – протест к несправедливому строю. Национальное движение вышло на первый план: деятельность ТОЦ, «Иттифак». У нас не было осуждения системы, которая была в перестройку, была критика сталинского времени¹².

Можно проследить также некоторую двоякость в позиции: с одной стороны – одобрение перестройки, с другой стороны –

---

¹¹ Из интервью с И.Р. Тагировым. Личный архив автора.

¹² Из интервью с Ф.А. Байрамовой. Личный архив автора.

борьба с «несправедливым строем». Ф.А. Байрамова и сегодня активно продолжает общественную и творческую деятельность.

Приведенные примеры требований граждан и организаций, содержащиеся в прошениях и письмах в партийные и государственные органы власти, а также материалы интервью позволяют сделать вывод о нерешенном национальном вопросе в ТАССР к периоду перестройки. В условиях реформ и перемен стали происходить сдвиги в отношении национального вопроса, тем не менее это были постепенные меры. Результатами постановления ЦК КПСС «О национальной политике партии в современных условиях» стали некоторые изменения масштабов функционирования татарского в образовании и культуре. В республике были открыты новые школы с обучением на татарском языке, книжные магазины и библиотеки были снабжены книгами на татарском, чувашском, удмуртском языках за счет ассигнований министерства культуры ТАССР. Пополнение книжных фондов литературой на национальных языках осуществлялось в крупных городах Татарстана (Казань, Набережные Челны, Менделеевск). Стали выпускаться новые периодические издания: двуязычный журнал «Идель», детский журнал «Салават купере», молодежная газета «Татарстан яшьләре», «Шахри Казан» и др.

В литературе и искусстве не только поднималась проблема сохранения языка, но и акцентировалось внимание на вопросе возрождения исламской религии как неотъемлемой составляющей культуры татар. Новой тенденцией в литературной жизни республики можно считать переиздание произведений религиозной мысли дореволюционного времени (труды Ш. Марджани), издание биографий общественных и культурных деятелей, эмигрировавших из страны после революции (писатель, публицист Г. Исхаки).

Среди мер, направленных на регулирование национального вопроса, особо выделяется практика использования оборудования для синхронного перевода, предоставлявшего право выбора языка. Такое оборудование было установлено в зале заседаний Верховного Совета ТАССР и Татарском академическом театре им. Г. Камала.

Вопрос развития национальной культуры, прав и свобод наций в отношении возможностей использования родного языка стали одним из проблемных моментов перестроечной эпохи. Важно осознавать, что «этно-культурные факторы были тесно связаны с социально-стадиальными», как подчеркивает А.В. Шубин: произошел раскол, при котором одна часть общества продолжала считать себя наднациональной «сверхнацией» – «советский человек», а другая – начинала осознавать причастность к этнокультуре [Шу-

бин 2016, с. 26]. В условиях социально-экономической нестабильности и трансформации системы зачастую человек ищет ресурсы для самоидентификации. Обозначенный «раскол общества» может быть объяснен в том числе поиском национальной идентичности, которая представляла для части общества новую точку опоры.

Отчасти региональные элиты использовали национальное движение как фактор влияния на центр. Национальный вопрос, сопряженный с вопросами административного статуса республики, разграничения политических и экономических полномочий региона и центра требовал продуманного регулирования. Постепенное разрешение данных вопросов происходит в ходе выстраивания отношений Республики Татарстан и Правительства России в начале 1990-х гг.

Подводя итог, заметим: опыт Татарстана показал, что национальный фактор не стал решающим в процессе распада советского государства, поскольку ситуация в точках конфликтов обычно контролировалась и региональными, и центральными властями. Однако национально-культурные претензии части татарского общества, представленные в деятельности движений, партий, организаций, стали одним из катализаторов дестабилизации позднесоветского общества.

Литература

- Бушуев, Тагиров 2020 – *Бушуев А.С., Тагиров И.Р.* Политическое развитие постсоветского Татарстана: от советской автономии к современной модели // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. № 1. С. 6–21.
- Валеев 2006 – *Валеев Р.К.* Ученый, политик, человек. К 70-летию академика АН РТ Индуса Тагирова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 148. № 4. 2006. С. 206–211.
- Величко 2005 – *Величко С.А.* Освещение перестройки в СССР (1985–1991 гг.) в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 162–166.
- Даудов 2013 – *Даудов А.Х.* Сущность и особенности национальной политики России: история и современность // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 15. С. 7–15.
- Королева и др. 2013 – *Королева Л.А., Королев А.А., Молькин А.Н.* Исламские политические и неформальные организации России 1990-х гг. (на примере Среднего Поволжья) // Genesis: исторические исследования. 2013. № 2. С. 76–88.
- Мякшев 2020 – *Мякшев А.П.* Распад СССР и создание новой системы межэтнических отношений в Российской Федерации в 1990-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 27–33.

- Пихоя 2019 – *Пихоя Р.Г.* О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 3–29.
- Сергеев, Сергеева 2009 – *Сергеев С.А., Сергеева З.Х.* Татарский этнонационализм в Республике Татарстан: от рассвета до заката // ПОЛИТЭКС. 2009. № 1. С. 116–127.
- Судьин 2019 – *Судьин А.В.* Современная история республик Поволжья (Мордовия, Татарстан). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2019. 352 с.
- Табаксоев 2019 – *Табаксоев И.А.* Становление балкарского национального движения (1985–1991) // Кавказология. 2019. № 3. С. 180–206.
- Чешко 2000 – *Чешко С.В.* Распад СССР: Этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000. 396 с.
- Шубин 2016 – *Шубин А.В.* Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы // Россия и АТР. 2016. № 97. С. 23–49.
- Щербак и др. 2016 – *Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С.* История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.

References

- Bushuev, A.S. and Tagirov, I.R. (2020), “Political Development of the post-Soviet Tatarstan. From Soviet Autonomy to the Modern Model”, *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, no. 1, pp. 6–21.
- Cheshko S.V. (2000), *Raspad SSSR: etnopoliticheskii analiz* [The collapse of the USSR. Ethnopolitical analysis], 2nd ed. IEA RAN, Moscow, Russia.
- Daudov, A.Kh. (2013), “The essence and features of the national policy of Russia. History and the Present”, *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 15, pp. 7–15.
- Koroleva, L.A., Korolev, A.A. and Mol'kin, A.N. (2013), “Islamic political and informal organizations in Russia in the 1990s. (on the example of the Middle Volga region)”, *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 76–88.
- Myakshev, A.P. (2020), “The collapse of the USSR and the creation of a new system of interethnic relations in the Russian Federation in the 1990s”, *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 20, no. 1, pp. 27–33.
- Pikhoya, R.G. (2019), “On the periodization of the systemic crisis of the Soviet Union”, *Russian History*, no. 2, pp. 3–29.
- Sergeev, S.A. and Sergeeva, Z.Kh. (2009), “Tatar ethno-nationalism in Tatarstan. From dawn to dusk”, *Political expertise: POLITEX*, no. 1, pp. 116–127.
- Sud'in, A.V. (2019), *Sovremennaya istoriya respublik Povolzh'ya (Mordoviya, Tatarstan)* [Modern history of the Volga region (Mordovia, Tatarstan)], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Shcherbak, A.N., Bolyachevets, L.S. and Platonova, E.S. (2016), “History of Soviet Ethnic Policy. Swinging a Pendulum?”, *Political Science*, no. 1, pp. 100–123.

- Shubin, A.V. (2016), "Collapse of the Soviet Union: objective reasons and subjective factors", *Russia and the Pacific*, no. 97, pp. 23–49.
- Tabaksoev, I.A. (2019), "The making of the Balkar national movement (1985–1991)", *Kavkazologiya*, no. 3, pp. 180–206.
- Valeev, R.K. (2006), "Scientist, politician, person. On the 70th anniversary of Indus Tagirov, an academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan", *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, vol. 148, no. 4, pp. 206–211.
- Velichko, S.A. (2005), "Foreign historiography on the coverage of perestroika in the USSR (1985–1991)", *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 162–166.

Информация об авторе

Ирина А. Гузельбаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана, Казань, Россия; 420029, Россия, Казань, ул. Сибирский тракт, д. 35; i.guzelbaeva@yandex.ru

Information about the author

Irina A. Guzelbaeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Bauman Kazan State Academy of Veterinary Medicine, Kazan, Russia; bld. 35, Siberian tract Street, Kazan, Russia, 420029; i.guzelbaeva@yandex.ru

Жилищно-бытовая организация пролетариата
в условиях форсированной модернизации:
вызовы и воплощение (на материалах Москвы)

Регина Савосткина
независимый исследователь, Эстония,
savostkina@gmail.com

Аннотация. В работе проведен анализ общественно-политических задач, стоявших перед реализацией проекта жилищно-бытовой организации в СССР в начале 1930-х гг., и их воплощения на примере жилищного устройства московских рабочих. В условиях форсированной индустриализации преобразование жилья и быта рабочего класса приобретает значение борьбы за успехи пятилетки: требовалось обеспечить такие условия жизни рабочих, которые позволили бы добиться прекращения текучести рабочей силы на предприятиях, воспитывать идеологическую сознательность в формирующемся из крестьянства рабочем классе. Реализация этой задачи сталкивается с рядом проблем: требовалось определить архитектурную форму жилищно-бытового устройства, подключить общественность к воплощению поставленных задач, найти материальные ресурсы для воплощения в жизнь проекта. Но добиться каких-либо существенных результатов не удалось по причине отсутствия фактической заинтересованности как у общественности, так и у самой власти. Отсутствие энтузиазма рабочих, сосредоточенных на решении более насущных проблем, привело к пассивности рабочего участия в реализации проекта жилищно-бытового переустройства. В итоге власть, не располагая должными материальными средствами, которые готова была бы направить на улучшение бытовых условий жизни рабочих, подключает репрессивные методы, решая исходную задачу – остановить текучесть рабочей силы.

Ключевые слова: жилищно-бытовая организация, быт рабочих, рабочее в условиях форсированной индустриализации, жилищное устройство рабочих

Для цитирования: Савосткина Р. Жилищно-бытовая организация пролетариата в условиях форсированной модернизации: вызовы и воплощение (на материалах Москвы) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 122–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-122-133

Housing and welfare organization of the proletariat
in the conditions of forced modernization.
Challenges and implementation
(on the materials of Moscow)

Regina Savostkina

independant researcher, Estonia, savostkina@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the socio-political tasks that challenged the implementation of the housing organization project in the USSR in the early 1930s, and their realization on the example of the housing arrangement for Moscow workers. In the conditions of forced industrialization, the transformation in housing and life of the working class takes on the significance of the struggle for the successes of the Five-Year Plan: it was necessary to provide such living conditions for workers that would make it possible to stop the labor fluctuation at enterprises and to cultivate ideological consciousness in the working class emerging from the peasantry. The implementation of such a task confronted a number of issues: it was necessary to determine the architectural form of the housing and communal facilities, to draw the public in the actualization of the objectives set, to find material resources for realizing the project. But it was not possible to achieve any significant results due to the lack of actual interest, both from the public and from the authorities themselves. The lack of enthusiasm of the workers, focused on solving more pressing difficulties, led to the passivity of workers' participation in the implementation of the housing reconstruction project. As a result, the authorities, not having the proper material resources that they would be ready to use to improve the living conditions of the workers, used repressive methods, solving the original task – to stop the labor force fluctuation.

Keywords: housing organization, life of workers, workers in conditions of forced industrialization, housing arrangements for workers

For citation: Savostkina, R. (2022), "Housing and welfare organization of the proletariat in the conditions of forced modernization. Challenges and implementation (on the materials of Moscow)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 122–133, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-122-133

Постановка проблемы

В самом начале 1930-х гг., продолжая курс форсированной модернизации, было обращено внимание на жилищно-бытовые условия рабочих с целью повышения эффективности труда на благо

индустриализации. На июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г. особо отметили вопросы жилищно-коммунального строительства. Улучшение жилищных и бытовых условий рассматривалось как средство «борьбы за пятилетку»¹. Эти же идеи были изложены в речи И.В. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г., организованного для представителей хозяйственных организаций при ЦК ВКП(б), которая вошла в историю под названием «6 исторических условий т. Сталина»².

Наравне с иными принципами, изложенными в качестве основополагающих для интенсивного развития промышленности, была обозначена необходимость «закрепления рабочих за предприятием», и для этого требовалось улучшать снабжение и жилищные условия рабочих³. Плохие жилищные и санитарные условия, слабая бытовая организация, недостаточное продуктовое распределение приводило к текучести рабочей силы, которая крайне негативно сказывалась на темпах и масштабах промышленного производства. Таким образом, реорганизация жилищно-бытового устройства была обозначена как центральная проблема, имеющая непосредственное влияние на успех индустриализации, но ее решение вызвало ряд затруднений.

Решение проблемы архитектурной формы рабочего жилья

Первой задачей, требовавшей решения, становится пересмотр архитектурной формы организации рабочего жилища. Эта проблема, широко обсуждаемая в дискуссиях архитекторов 1920-х гг. и в том числе в дискуссии урбанистов и дезурбанистов, была наильно «разрешена» еще в мае 1930 г. Постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта». По мнению историка архитектуры

---

¹ Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 11–15 июня 1931 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): В 15 т. Т. 5. 1929–1932. М., 1984. С. 315.

² *Сталин И.В.* Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // И.В. Сталин; Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ВКП(б). М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1951. Т. 13: Июль 1930 – январь 1934. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1952. X. С. 51–80.

³ Там же. С. 59.

М.Г. Мееровича, главной причиной принудительного окончания архитектурной дискуссии становится отказ власти от реализации основополагающего принципа градостроительных планов и урбанистов, и дезурбанистов: создавать совершенно новые социалистические поселения на новых местах, уходя от сложившейся городской инфраструктуры «старых» городов [Меерович 2006, с. 147]. В условиях форсированной модернизации преобразование жилищно-бытовых условий жизни населения становится не целью, а только средством воплощения более актуальных, по мнению власти, задач. Именно поэтому проекты строительства домов-коммун, социалистического города с полным обобществлением быта были объявлены утопическими и чуждыми «желаниям рабочих масс»⁴. Строительство домов-коммун, социалистического города с новой системой жилищно-бытовой организации признается невозможным, так как требовало дополнительных источников финансирования. Принимается решение реорганизовывать быт рабочих, основываясь на той жилищно-коммунальной системе городов, которая сложилась еще до Октябрьской революции. Постройка отдельных домов-коммун до середины 1930-х гг. носило исключительно экспериментальный характер, не являясь частью комплексного градостроительного плана.

Отказавшись от архитектурных проектов урбанистов и дезурбанистов, было предложено постепенно переходить к полному обобществлению быта и начать с обобществления системы общественного питания, прачечных, бань. Было предложено строить индивидуальные 2–3-комнатные квартиры с кухней и санитарными удобствами⁵. Эта модель жилищно-бытового устройства вполне соответствовала существующей городской инфраструктуре и не требовала немедленных и существенных вложений.

Участие общественности в реализации проекта жилищно-бытовой реорганизации

Несмотря на то что обеспечение рабочих достойными жилищно-бытовыми условиями было объявлено одним из важнейших условий успеха реализации пятилетки, нужды индустриализации практически не оставляли свободных материальных ресурсов для воплощения плана по развитию жилищно-бытового устройства. Поэтому в первую очередь финансирование направлялось «в основные промышленные и городские центры по особому списку»⁶. Но преференции в финансовом обеспечении мало влияли на жи-

лицную ситуацию в Москве, так как параллельно с увеличением субсидирования жилищного строительства росла и численность рабочего населения столицы. Схожие процессы наблюдает и историк В.И. Исаев, изучая процесс жилищно-бытовой реорганизации в промышленных центрах Сибири [Исаев 2020, с. 50].

Недостаточность финансирования при признании важности обеспечения рабочих достойными условиями жизни вынуждала искать исполнителей, которые смогли бы выполнить «6 исторических условий т. Сталина» при минимальном участии государства и с наименьшими финансовыми затратами. По этой причине все больше в конце 1920-х – начале 1930-х гг. к реализации правительственных планов по жилищно-бытовому обеспечению привлекались общественные организации (например, Отделы по Работе Среди Женщин до 1930 г. и Женсекторы отделов Агитации и массовых кампаний до 1934 г.). Особое значение в этом процессе должны были принимать и профсоюзные организации, которые осуществляли бы контроль условий проживания рабочих.

Об особом статусе профсоюзных организаций в начале 1930-х гг. писали исследователи профсоюзного движения В.И. Носач, Д.В. Лобок и др., делая вывод о проведении серьезной перестройки профсоюзных организаций после XVI съезда ВКП(б) (июнь – июль 1930 г.). Отныне профсоюзы должны были взять на себя реализацию задачи руководства производством, организацию социалистического соревнования, участвовать в повышении производительности труда [Лобок 2007, с. 175–176]. В этих обстоятельствах внимание к жилищно-бытовым условиям рабочих со стороны профсоюзных организаций приобретает особое значение: выполняя установки партии по подъему рабочей организации, профсоюзы направили все свое внимание и силы не столько на декларацию успехов, сколько на действительное обсуждение существовавших проблем в жилищно-бытовой сфере, пытаясь найти пути их решения.

Работа профсоюзных организаций Москвы по улучшению жилищно-бытовых условий в начале 1930-х гг. шла в направлении обследования рабочего жилища, бань, прачечных, столовых, немалое внимание уделялось и организации снабжения для нужд рабочих. Периодические обследования жилищно-бытовых условий рабочих

---

⁴ Против оторванности от жизни // Строительство Москвы. 1930. № 5 (май). С. 2.

⁵ Красин Г. За новое жилище и расселение пролетарской столицы // Строительство Москвы. 1931. № 3 (март). С. 25.

⁶ Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 11–15 июня 1931 г. С. 323.

Москвы силами профсоюзов выявляли множество проблем, решение которых имело основополагающее значение на пути достижения поставленных задач, исходя из установок, данных партией и советским руководством. Внимание профсоюзов уделялось контролю над состоянием жилищных условий рабочих, неподобающих условия жизни пролетариата выдвигались как основная причина текучести рабочей силы, которая должна была быть немедленно преодолена исходя из потребностей форсированной индустриализации⁷. Восстановление и капитальный ремонт жилищного хозяйства позиционировались как «хозяйственно-политическая задача», «боевой поход»⁸.

По данным Сектора производства и планирования Московского городского комитета профессионального союза рабочих городских предприятий и домашних работниц, в 1932 г. в Москве насчитывалось 36 тыс. домов, 15 тыс. из которых подлежало капитальному ремонту⁹. Сообщения об условиях жизни рабочих, представленные в отчетах профсоюзов, сообщают о крайне тяжелых условиях жизни московского пролетариата. При этом указывалось, что если плохие условия проживания рабочих могут допускаться для отдаленных уголков страны, то «в центре, в Москве, в сердце нашей революции»¹⁰ скученность, антисанитария в пролетарском жилище недопустима.

Примеры состояния рабочего жилища указывают на крайнюю форму запущенности. Так, при обследовании рабочих общежитий сообщается о нехватке кроватей, матрацев, постельного белья: «спят на полу, скамеек нет»¹¹, «спят на столах»¹², на топчанах¹³. Некоторые рабочие спали в одной койке: «есть случаи взимания квартплаты за койку по 12 руб. с каждого рабочего (Данилов и Тимаков) даже тогда, когда они спят на одной койке»¹⁴. Рабочие спали в верхней одежде, вместо постельного белья используя «грязные пальто» и другую одежду¹⁵. Антисанитарные условия, распространение паразитов, отсутствие спальных мест, постельного белья и необходимой мебели превращали рабочие общежития не в жилище, а ночлежки,

---

⁷ ЦГАМ. Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 30.

⁸ Там же. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 68.

⁹ Там же. Л. 73.

¹⁰ Там же. Д. 71. Л. 52.

¹¹ Там же. Оп. 6. Д. 3. Л. 16.

¹² Там же.

¹³ Там же. Ф. 2458. Оп. 1. Д. 369. Л. 3.

¹⁴ Там же. Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. 2458. Оп. 1. Д. 369. Л. 3.

в которых царил хаос, порождавший недоверие и подозрительность среди рабочих. Отсутствие личного пространства, текучесть жителей подобных общежитий провоцировало и воровство: «среди рабочих существует недоверие друг к другу (потому, что были случаи кражи лопат), поэтому каждый ставит свою лопату возле койки, а пилу кладут под матрац»¹⁶.

Большинство бараков-общежитий, построенных в ускоренном темпе и ожидающих расселения, строились из подручных материалов: «У нас есть общежитие, которое нельзя назвать общежитием. Там не потолок, а солома, снег падает, а когда начинает оттаивать, то идет дождь»¹⁷. Некоторые рабочие вообще вынуждены были жить в хозяйственных помещениях: «Рабочие спят на конюшне вместе с лошадьми, крыши текут, вши заели»¹⁸. Проживание семейных рабочих также было не лучше:

...в нескольких комнатах в казарме № 1 живут по 5–8 семей. В комнате № 19 проживает восемь семей. Помещение полуподвальное. Так как в этом районе совершенно отсутствует канализация и выгребные ямы не очищаются, все нечистоты из вычистных ям, включая человеческий кал, плывут через окна в комнаты¹⁹.

В этих условиях были вынуждены проживать не только взрослые, но и дети – будущие строители коммунизма.

Неудовлетворительные жилищные условия рабочих Москвы объяснялись небрежным отношением к жилищу и быту рабочих со стороны хозорганов и профорганизаций²⁰; слабой работой бригад по обследованию состояния рабочего жилья; неспешной и неорганизованной работой по ремонту, осложнявшейся постоянными простоями; нехваткой материалов, рабочей силы; ненадлежащими условиями хранения стройматериалов и, соответственно, их порчей, а также хищением:

...хранение стройматериалов, как в складе ПРЖС, а также на работах в ЖАКТах безобразное, отсюда утечка на сторону и порча их (так, известь 12 тонн свалена под открытым небом и дождь всю ее испортил)²¹.

---

¹⁶ ЦГАМ. Ф. 2458. Оп. 1. Д. 369. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 20.

¹⁸ Там же. Ф. Р-2633. Оп. 6. Д. 3. Л. 16.

¹⁹ Там же. Ф. Р-718. Оп. 7. Д. 58. Л. 42.

²⁰ Там же. Д. 51. Л. 3.

²¹ Там же. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 11. Л. 79.

Решение же этих проблем должно было лечь на плечи не только хозяйственникам, но и самого населения бараков. Не только Госсанинспекция, коменданты общежитий²², профсоюзные организации, дворники²³, но и бригады активистов-жильцов, домашних хозяек должны были взять на себя всю ответственность за надзор состояния рабочего жилища, проводя периодические смотры и инспекции пролетарского жилья.

Рабочие, профсоюзные организации, жены рабочих должны были непременно участвовать в субботниках, во время которых следовало не только заниматься, например, расчисткой неблагоустроенного жилья, но и его строительством. Например, в рабочих бараках заводов «Труженик» и «Красный Дубитель» обстановка в общежитии была представлена как образец домашнего уюта и заботы о рабочем:

...все проживающие обеспечены железными койками, окрашенными в белый цвет. Регулярно меняется постельное белье. У каждого имеется ватное и бумажное одеяло, одна перовая подушка, пододеяльник, на полу дорожки, на окнах шторы, на каждой тумбочке у кровати электрическая лампочка с абажуром²⁴.

Этот благоустроенный уголок образцового коммунистического быта с радиофикацией, красным уголком, журналами и стенгазетами, товарищескими судами²⁵ был создан исключительно благодаря усилиям активных рабочих и их жен, участвовавших в субботниках, соцсоревнованиях по улучшению условий своей жилищно-бытовой организации. Историк С.А. Шмелев, изучая преобразование быта молодежи в 1920-х гг., также отмечает, что создание молодежных бытовых коммун являлось фактически единственным средством улучшения жилищно-бытовых условий рабочей молодежи и реализовывалось исключительно за счет инициативы молодых людей [Шмелев 2018, с. 192].

Отсутствовало разделение ответственности между хозяйственными организациями, не выполнявшими свои обязательства перед рабочими в подготовке достойных условий быта, тем самым ведя «беззастенчивую эксплуатацию рабочих»²⁶, и самими рабочими. Это приводило к тому, что каждая из сторон

²² ЦГАМ. Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 33. Л. 41.

²³ Там же. Ф. Р-2633. Оп. 2. Д. 16. Л. 8.

²⁴ Там же. Ф. Р-718. Оп. 8. Д. 39. Л. 4–5.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же. Л. 31.

постоянно сваливала вину на другую, не достигая никакого консенсуса в понимании того, кто несет ответственность за неблагоустроенный быт и связанную с этим текучесть рабочей силы. На рабочих-активистов возлагалась ответственность вплоть до необходимости сбора задолженности по квартплате²⁷. Отсутствие договоренности о разделении сфер ответственности приводило к тому, что ситуация с жилищно-бытовыми условиями рабочих только усугублялась. Но уже к 1934 г. ответственность за организацию пролетарского жилья начинает возлагаться не на абстрактные службы, общественность, профсоюзы, жен рабочих, а на должностных лиц. Так, в 1934 г. появляются сообщения о привлечении к уголовной ответственности комендантов барачков за антисанитарию²⁸. К этому же времени, по мнению историка Е.В. Барышевой, архитекторы, выполняя государственный заказ, полностью переключаются на проектирование парадных монументальных ансамблей, призванных отразить величие и мощь государства. В этой ситуации жилищное строительство, строительство коммунально-бытовых и социальных объектов отодвигается на второй план [Барышева 2015, с. 36]. Все внимание переключается на визуальное конструирование городского пространства, используемое властью для собственной легитимации и пропаганды [Барышева 2015, с. 40].

В итоге проблема текучести рабочей силы, столь важная для реализации проекта форсированной индустриализации, была разрешена не через создание благоприятных условий жилищно-бытового устройства рабочих, а через принудительное закрепление рабочих к производству. В 1937 г. было издано Постановление ЦИК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах»²⁹. В нем устанавливался порядок, в соответствии с которым съемщик мог быть выселен из занимаемой им площади без предоставления ему другой жилой площади в случае увольнения по собственному желанию из государственного учреждения, которому принадлежит жилое помещение, а также если съемщик будет уволен за нарушение трудовой дисциплины или иное правонарушение.

---

²⁷ ЦГАМ. Ф. 2633. Оп. 6. Д. 22. Л. 13.

²⁸ ЦГАМ. Ф. 2458. Оп. 1. Д. 369. Л. 7; Д. 271. Л. 1.

²⁹ Постановление ЦИК СССР № 112, СНК СССР № 1843 от 17.10.1937 «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901829880> (дата обращения 19 января 2022).

Заключение

Таким образом, к середине 1930-х гг. вопрос реализации проекта по жилищно-бытовой реорганизации выводится из сферы ответственности общественности и передается под полный контроль государства. Общественная инициатива, имевшая значение в 1920-х гг. и еще в начале 1930-х гг. в решении проблемы бытовой организации, отныне ограничивается исключительно надзорными функциями за действиями уполномоченных государственных органов, которые должны отвечать за весь процесс реализации поставленных властью задач жилищно-бытового устройства.

Пример жилищно-бытовых условий рабочих в «столице мирового коммунизма» в условиях форсированной индустриализации, когда условия жизни рабочего населения позиционировались не только как хозяйственно-бытовая задача, но и как политико-идеологическая и экономическая, дает представление об общем направлении социального развития в начале 1930-х гг. Отсутствие не только материальных ресурсов, но и самой заинтересованности государства участвовать в процессе трансформации жилищно-бытовой организации определяется тем обстоятельством, что долгое время сам вопрос преобразования быта пролетариата позиционировался как исключительно задача общественности и самого рабочего класса, который должен был самостоятельно решить все проблемы своего жилищно-бытового устройства. Именно общество под чутким идеологическим руководством партии должно было в кратчайшие сроки решить все проблемы, существовавшие в жилищно-бытовой организации пролетариата.

Призыв к самостоятельности не увенчался успехом, более того, отсутствие контроля показало несознательность рабочих масс, не стремившихся к созданию истинно коммунистических форм быта. Люди, более озабоченные насущными проблемами выживания, не торопились тратить время на устранение тех проблем, которые были обозначены властью как основополагающие: не было желания ликвидировать неподобающие условия проживания в рабочих общежитиях, устраивать красные уголки и библиотеки. Значительно более актуальной проблемой являлось сохранение личного имущества, которое надо было защищать от соседа, – люди пытались выживать в жестких условиях индустриализации. Более того, даже ответственные лица проявляли полную халатность в исполнении своих должностных обязанностей – хищение, порча стройматериалов, нежелание участвовать в устранении тех проблем, которые порождала хозяйственная запущенность, демонстрируя свое явное нежелание участвовать в реализации государственных проектов.

Литература

- Барышева 2015 – *Барышева Е.В.* Конструирование политического пространства советского города 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 11 (154). С. 31–41.
- Исаев 2020 – *Исаев В.И.* Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 47–55.
- Лобок 2007 – *Лобок Д.В.* Профсоюзы и Советское государство в условиях становления командно-административной системы (1929–1930 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 34. С. 175–176.
- Меерович 2006 – *Меерович М.Г.* Дискуссия о соцрасселении (1929–1930 гг.) – выбор нового пути управления городами в СССР // Архитектурно-художественные проблемы Сибири: наука, практика, образование: Материалы Всерос. научно-практич. конф. (Новосибирск, 2006) / Под. ред. Е.Н. Лихачева. Новосибирск: Maker, 2006. С. 146–150.
- Шмелев 2018 – *Шмелев С.А.* Формирование нового быта молодежи в 1920-е гг. // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 190–196.

References

- Barysheva, E.V. (2015), “Constructing political space of a Soviet city of 1920–1930s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, no. 11, pp. 31–41.
- Isaev, V.I. (2020), “The Processes of Modernization in the Life of Workers in Siberia During the Years of the First Five-Year Plans (1928–1937)”, *Historical Courier*, no. 1 (9), pp. 47–55.
- Lobok, D.V. (2007), “Trade unions and the Soviet state in the emergence of the command and administrative system (1929–1930)”, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 8, no. 34, pp. 165–176.
- Meerovich, M.G. (2006), “Discussion about social resettlement (192–1930) – the choice of a new way of managing cities in the USSR”, Likhachev, E.N. (ed.), *Arkhitekturno-khudozhestvennye problemy Sibiri: nauka, praktika, obrazovanie: Materialy Vseros. nauchno-praktich. konf. (Novosibirsk, 2006)* [Architectural and artistic issues of Siberia. Science, practice, education. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, 2006)], pp. 146–150.
- Shmelev, S.A. (2018), “Creating a new way of life for the youth in the 1920s”, *Samara Journal of Science*, vol. 7, no. 1 (22), pp. 190–196.

Информация об авторе

Регина Савосткина, независимый исследователь, Эстония, savostkina@gmail.com

Information about the author

Regina Savostkina, independent researcher, Estonia, savostkina@gmail.com

Книжная полка

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-134-141

Старые аксиомы и новые теоремы российской истории: О новой книге М.А. Давыдова «Теорема Столыпина» (СПб.: Алетейя, 2022. 838 с.)

Кирилл А. Соловьев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт российской истории РАН, Москва, Россия;
kirillsol22@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена тем проблемам, которые были поставлены в новейшей монографии М.А. Давыдова «Теорема Столыпина». В этой книге предложен совершенно особый, новаторский взгляд на социально-экономические процессы в России XIX столетия. Обычно в центре внимания авторов – политические, социальные, финансовые институты, правительственная политика, мировая конъюнктура. У М.А. Давыдова совершенно особая исследовательская «оптика». Он анализирует модернизационные процессы в России XIX–XX вв. в контексте общественной мысли того времени, категориального аппарата отечественных интеллектуалов. Это позволяет автору представить незримый коридор возможностей, в котором действовало правительство вплоть до Первой русской революции. Традиционалистский стиль мышления, разделяемый сторонниками самых разных взглядов, был важнейшим препятствием динамичного экономического развития. Это обстоятельство оттеняет значение столыпинских преобразований, которые стали не продолжением прежнего курса, а прямым разрывом с ним. Представленная автором концепция, наконец, позволяет связать в единое целое интеллектуальный, политический, экономический процессы в России накануне великих потрясений начала XX в.

Ключевые слова: реформы, П.А. Столыпин, модернизация, историография

Для цитирования: Соловьев К.А. Старые аксиомы и новые теоремы российской истории. О новой книге М.А. Давыдова «Теорема Столыпина» (СПб.: Алетейя, 2022. 838 с.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 134–141. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-134-141

© Соловьев К.А., 2022

Old axioms and new theorems of Russian history.
On the new book by M.A. Davydov “Teorema Stolypina”
(SPb.: Aleteiya, 2022. 838 p.)

Kirill A. Solov'ev

*National Research University “Higher School
of Economics”, Moscow, Russia;*

*Russian Academy of Sciences Institute of Russian History,
Moscow, Russia; kirillsol22@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issues that were posed in the latest monograph by M.A. Davydov “Teorema Stolypina”. The book offers a very special, innovative view of the socio-economic processes in Russia in the 19th century. Usually, the authors focus on political, social, financial institutions, government policy and global conjuncture. M.A. Davydov has a very special research “optics”. He analyzes the modernization processes in Russia in the 19th-20th centuries in the context of social thought of that time, the categorical apparatus of Russian intellectuals. It allows the author to imagine an invisible passageway of possibilities in which the government operated until the First Russian Revolution. The traditionalist style of thinking, shared by supporters of various views, was the most important obstacle to dynamic economic development. That circumstance emphasizes the importance of Stolypin’s reforms, which were not a continuation of the previous course, but a direct break with it. The concept presented by the author finally makes it possible to tie together the intellectual, political, and economic processes in Russia on the eve of the great upheavals of the early 20th century.

Keywords: reforms, P.A. Stolypin, modernization, historiography

For citation: Solov'ev, K.A. (2022), “Old axioms and new theorems of Russian history. On the new book by M.A. Davydov ‘Teorema Stolypina’ (SPb.: Aleteiya, 2022. 838 p.)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 134–141, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-134-141

После гибели П.А. Столыпина прошло чуть более ста лет. Со дня его рождения – 160. Срок достаточно большой, чтобы героя и его свершения забыть, превратить их в сказку или безнадежно мифифицировать. Этого не произошло. Столыпин и сейчас остается противоречивым, не во всем понятным, а значит, живым. По этой причине выходят книги, посвященные деятельности премьера столетней давности, с интригующим названием: «Теорема Столыпина».

Это новая книга Михаила Абрамовича Давыдова – ведущего специалиста по аграрной (и не только) истории России второй половины XIX – начала XX столетия. Сочетание этих двух имен – Столыпина и Давыдова – может дезориентировать читателя. Монография – не об аграрной реформе Столыпина и даже не о Столыпине. Более того, экономические сюжеты, обычно столь важные для автора, в данном случае скорее вспомогательные. Это книга о мечтах, фантазиях, интеллектуальном поиске и, как обычно бывает, о разочарованиях.

Деятнадцатый век стал временем складывания современного общественно-политического языка. Тогда, после Французской революции, из обломков «Старого порядка» рождался тот категориальный ряд, который в известной мере остается актуальным и до сих пор. За последние два века мир заметно изменился, продолжает меняться и сейчас. Однако привычные слова остались прежними. Мы продолжаем ими пользоваться, не задумываясь, в какой мере живы явления, которые за ними стоят. Как раз по этой причине можно с уверенностью утверждать, что долгий девятнадцатый век еще не подошел к своему концу. Эпоха, начавшаяся еще во времена Французской революции, не закончилась.

Эта ситуация едва ли нормальная. Речь идет о словарной архаике, которые создает ложные ориентиры и ценности. Наш современник как будто бы живет в старой энциклопедии – с пожелтевшими, ветхими страницами. Сто, двести лет назад ситуация в корне отличалась. Тогда этот словарь только собирался в одну книгу. Европейцу приходилось разбираться с такими понятиями, как «нация», «национализм», «абсолютизм», «феодализм», «либерализм» и др. Этот процесс охватил всю Европу, и Россию в том числе.

Тогда речь шла не об игре в слова, а об описании континента, складывавшегося во что-то новое после Французской революции. Перевернувшийся, во многом хаотичный мир нуждался в упорядочивании. При таких обстоятельствах написание большого словаря становилось актуальнейшей задачей. В России эта проблема была затруднена тем, что просвещенческая повестка XVIII в. не была в полной мере исчерпана. Власть и общественность приступали к задачам XIX столетия, во многом не решив предыдущие. В итоге становящееся гражданское общество разворачивалось в пространстве гоголевского города N. Его обитатели были весьма далеки от идеалов гражданственности. Всеми почитаемый народ преимущественно составляли ревизские души, живые и мертвые, в значительной своей части служившие объектом купли-обмена.

Вполне реально существовавшая вселенная гоголевской поэмы имела свои законы развития. Она была бесконечна далека от просве-

ценных столиц – в силу пресловутого бездорожья и, что, пожалуй, еще важнее, пропасти, отделявшей университетского законника от помещика-практика. Это была Россия вне времени и пространства. Она себя ни с кем не сравнивала и ничем не интересовалась. Она следовала своему ритму, который не должен был меняться. В этом обществе слабо чувствовалась административная механика государства. Но был страх, что та неожиданно выскочит, как чертик из табакерки. Государства практически не было, но его обоснованно боялись. Зато была сила привычки, инерция, бытовой уклад, который казался естественным и неизменным. Такая Россия, разбивавшаяся на много маленьких мирков, помещичьих владений, плохо управляемых городков, с трудом подлежала хоть какому-то рациональному описанию. Его подменяли мифологические картины, строившиеся на сугубо сказочных основаниях. Многие для этого сделали славянофилы, которые придумали свою историю страны, придумали особую общину, человека, ее населявшего, наделили его определенными свойствами и желаниями. Этому цельному образу нечего было противопоставить. Он был внутренне непротиворечив. Он льстил читателю, доказывая ему, насколько удивительно прошлое России и насколько поразительно ее будущее.

Романтический идеал, получивший более или менее очерченные формы в фантазиях семейства Аксаковых, был органически связан с немецкой классической философией, был сугубо европейским по своему происхождению и при этом был нарочито антизападным. Он категорически отрицал конституционализм и капитализм – все то, о чем любили писать журналисты середины XIX в. Критика парламентаризма не была во всем последовательной (а в некоторых случаях и искренней). В русский кафтан XVII столетия зачастую пряталась мысль об ограничении самодержавия. Неприятие же капитализма было определенным и безусловным.

В этом не было экономического расчета, а скорее эмоция традиционалиста, желавшего уберечь свой привычный мир от западных бурь истории. Подспудно было и другое неявное чувство, помещичье, – сохранить уклад жизни, где крестьянин – это всегда крестьянин, а барин – это барин, где все на воскресной службе стоит в церкви, а служат одному царю. В этом мире все роли заранее расписаны. О крестьянах положено заботиться, всячески им покровительствовать. Не вызывает сомнений, что они нуждаются в такой опеке. Это как раз то, что М.А. Давыдов относит к «социальному расизму».

Тут притаилась хорошо закамуфлированная полицейская идея. Российская общественность сугубо из гуманистических сообра-

жений хотела намертво привязать крестьянина к общине, навеки лишить его поземельной собственности и, главное, какой-либо свободы воли. Причем этого взгляда придерживались почти все – публицисты слева и справа. Конечно, были редкие и поразительные исключения: например, Б.Н. Чичерин. Он стоял как скала наперекор ветрам эпохи. Требовалась недюжинная смелость, чтобы пойти против течения. Критикуемые им социалисты и консерваторы говорили прямо противоположные вещи, рассуждая о власти и государстве. В то же самое время они практически во всем соглашались друг с другом, когда речь заходила о капитализме.

Их антикапитализм – прямое следствие традиционализма российской общественности. Это лучшее свидетельство того, насколько оно держалось за прошлое и боялось будущего. Проблема в том, что общественность – это вся «мыслящая Россия», в том числе и высокопоставленная бюрократия. Она разделяла те же комплексы, стереотипные представления, что и оппонировавшие ей земцы или университетские профессора. Это было важное обстоятельство, определявшее характер правительственной политики и в годы Великих реформ, и в последовавший период. В ее основу был неизменно положен уже упомянутый полицейский принцип, который предопределял и цели, и средства.

Столыпинские реформы тем и поразительны, что они не вытекали из традиции, а прямо противоречили ей. В сущности, это был первый опыт продуманных системных преобразований в России, в основу которых был положен принцип свободы личности, обеспеченной разнообразными правами. Книга М.А. Давыдова как раз о долгом пути России XIX – начала XX в. по пути раскрепощения человека. Эта привычная для историографии формулировка скорее мешает разглядеть проблему. Она создает иллюзию поступательного движения, которого в действительности не было. Были скромные шажки и стремительный бег назад. Перед русским обществом стояла непростая задача – разглядеть в крестьянине человека. Это мало кому давалось. Высокопоставленным чиновникам, славянофильским публицистам, оппозиционерам народнического направления было проще говорить о народе, скрепленном в мифологическое единство и нуждавшемся в государственном социализме.

Неслучайно радикальное обновление страны началось с Первой русской революции. Потребовалась драматического масштаба встряска, чтобы правительство сменило алгоритм поведения, впервые взявшись за немыслимые прежде преобразования, которые отнюдь не сводились к аграрной реформе. Возможно, автору следовало бы поставить вопрос, что революция приве-

ла в правительство и совсем новых людей, среди которых был П.А. Столыпин. Это был человек без юридического образования, без стандартной бюрократической карьеры, без всех тех навыков и привычек, которые отличали столичного чиновника. Его возвышение было невозможно до 1905 г. и становилось неизбежностью при смене правительственного курса.

Разумеется, не все задуманное тогда было сделано. Однако сделанного хватило, чтобы придать импульс обществу, экономике, миллионам семей в стране. М.А. Давыдову удалось показать, как стремительно как будто бы инертная крестьянская масса вовлекалась в активную хозяйственную деятельность. Она не просто пользовалась результатами реформ, она соучаствовала в одном большом деле. Свидетельств тому много, и они приводятся автором. Это неуклонный рост кооперативного движения, многочисленные сберегательные книжки, активность сельскохозяйственных обществ, участие в землеустройстве, переселении, мобилизации земли. Это математическое обоснование того впечатления, которым делились современники самых разных, порой противоположных взглядов. Философ Ф.А. Степун так будет описывать преобразование второй столицы между двумя революциями:

Москва росла и отстраивалась с чрезвычайной быстротой. Булыжные мостовые главных улиц заменялись где торцом, где асфальтом, улучшалось освещение. Фонарщиков с лестницею через плечо и с круглою щеткой для протирания ламповых стекол за пазухой я по возвращении в Москву уже не застал. Когда керосиновые фонари уступили место газовым, я так же не могу сказать, как и того, с какого года газовое освещение стало заменяться электрическим. Помню только, что молочно-лиловые электрические шары, горевшие поначалу лишь в Петровских линиях, на Тверской и Красной площади, стали постепенно появляться и на более скромных улицах городского центра. Ширилась и разветвлялась трамвайная сеть. Уходили в прошлое милые конки с пристегом где одной лошаденки, а где, как например на Трубной площади или под Швивую горкою, и двух уносов. Становились преданием парные разлатые линейки, что в мои школьные годы ходили в Петровский парк и Останкино, может быть, и на другие окраины – не знаю.

В деревне же изменения происходили еще стремительнее:

В Московской губернии шло быстрое перераспределение земли между помещиками и крестьянством... Подмосковные помещики беднели и разорялись с невероятной быстротой; умные же и работо-

способные крестьяне, даже не выходя на отруб, быстро шли в гору, смекалисто сочетая сельское хозяйство со всяческим промыслом... Большой новый дом под железной крышей, две, а то и три хорошие лошади, две – три коровы – становились нередкостью... [Степун 1956, с. 198–199].

В пригородных кварталах городов теперь не нужно было ходить с собственным фонарем – туда пришло электричество. Появившимся в провинции автомобилям приходилось делить дороги с пасущимся скотом. В украинских деревнях дома все чаще стали покрывать черепицей, а в русских – железом [Степун 1956, с. 201]. Те же тенденции фиксировал публицист, социал-демократ меньшевистского толка по своей партийной принадлежности Н. Валентинов: «Вырастал новый быт, новый тип рабочего, новый тип крестьянина, новый тип интеллигенции»¹.

Фигура Столыпина знаменует начавшуюся и не случившуюся эпоху, начало, которое стало концом, последний шанс империи. Но это отнюдь не единственный и, может быть, даже не главный герой книги. Автор представил протяженную галерею, в которой выделяется датчанин А.А. Кофод, ставший российским землеустроителем, активным проводником столыпинских преобразований, Б.Н. Чичерин – несомненный титан русской мысли, имевший смелость идти против течения, историк и, что в данном случае важнее, яркий публицист Н.М. Карамзин, П.Д. Киселев, чьи реформы по несправедливости подзабыты в историографии, любимый автором общественный деятель и предприниматель А.Н. Польш и нелюбимый М.А. Давыдовым, но от этого не менее яркий А.И. Герцен и многие другие. Эта книга – долгий плод творческих раздумий и, что особенно подкупает, личных переживаний автора. У данной работы – все признаки серьезной, фундаментальной научной монографии, но есть еще то, что делает ее по-настоящему большой книгой. М.А. Давыдов не боится симпатий и антипатий, эмоционального переживания прошлого, порой резких оценок, отсылок к своему собственному опыту. Такую книгу интересно читать. С ней не обязательно во всем соглашаться. Можно и спорить, так как этот текст о настоящем, который еще не стало прошлым, о теореме, которую уже доказали, но пока в полном объеме еще не применили.

---

¹ Цит. по: *Розенталь И.С.* Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М.: Новый хронограф, 2015. С. 94.

Литература

Степун 1956 – *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Т. 1. Нью-Йорк, 1956. 398 с.

References

Stepun, F.A. (1956), *Byvshee i nesbyvsheesya* [The fulfilled and unfulfilled], vol. 1, New York, USA.

Информация об авторе

Кирилл А. Соловьев, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 10100, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Москва, Россия; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; kirillsol22@yandex.ru

Information about the author

Kirill A. Solov'ev, Dr. of Sci. (History), professor, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000;

senior researcher, Russian Academy of Sciences Institute of Russian History, Moscow, Russia; bld. 19, Dmitriya Ul'yanova Street, Moscow, Russia, 117292; kirillsol22@yandex.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 20.06.2022.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 8,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1541

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru